

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 37

2025

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
Малкова Н.В. ИНТЕГРАТИВНО-УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ МОДАЛЬНОСТИ В ВОЕННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВЫХ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НПА РФ И США)	7
Хужакулов С.А. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРОПЕРАБЕЛЬНОСТЬ В ЮРИДИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ: ПРЕОДОЛЕНИЕ РАЗРЫВА МЕЖДУ АНГЛИЙСКИМ И УЗБЕКСКИМ ЯЗЫКАМИ С ПОМОЩЬЮ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ	16
Чернышова Т.В. КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЖАНРОВ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СПОРНЫХ ТЕКСТОВ)	22
Юридическая герменевтика	
Титаренко М.В. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ Е. В. ВАСЬКОВСКОГО	30
Фонштейн А.И. РЕЛИГИОЗНЫЕ ДОГМАТЫ КАК ПЕРВЫЕ ИСТОЧНИКИ ЗАПРЕТА ПОРНОГРАФИИ	33
Юридическая техника	
Нечаева А.Д., Саломатина М.С. О НЕОБХОДИМОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО И ЛИНГВОЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВ В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ (НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО АРБИТРАЖНОГО ДЕЛА)	40
Перевозкин А.А. МАШИНОЧИТАЕМОЕ ПРАВО: ГРАНИЦЫ ПРИМЕНИМОСТИ	47
Рехтина И.В., Василенко Ю.Е. КАТЕГОРИИ «ДИСТАНЦИОННЫЙ ТРУД» И «ДОЛГОЛЕТИЕ РАБОТНИКА»: ХАРАКТЕР ВЗАИМОСВЯЗИ	54
Трубникова О.А., Калашник Н.И. О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЙ «ЦЕЛЕВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ» И «РАЗРЕШЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ» В ЗЕМЕЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ	58
Тыдыкова Н.В. О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ИНЬЕ ДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА» ПРИ ТОЛКОВАНИИ РАЗЛИЧНЫХ НОРМ УК РФ	64
Правовая коммуникация	
Беседина Е.С. ЮРИДИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОРАБОТКИ ПРОШЛОГО: ОПЫТ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	68
Лингвоэкспертология	
Кашарина Т.С.	76

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ: ИНСТРУМЕНТ МОДЕЛИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ С НЕГАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ	
<i>Краснянская Т.И.</i> ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТОЛКОВАНИЯ ПОНЯТИЯ ОСКОРБИТЕЛЬНОСТИ В ДЕЛАХ О НЕУВАЖЕНИИ К СУДУ	82
Лингвоконфликтология	
<i>Васильев А.А., Шугуров М.В.</i> ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ОБЛАСТИ НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КАТАКЛИЗМОВ	88
Речевые правонарушения	
<i>Боженова А.А., Ерахмилевич В.В.</i> ОЦЕНОЧНЫЕ КАТЕГОРИИ ДИСПОЗИЦИИ Ч. 1 СТ. 148 «НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ» УК РФ	98
<i>Кирюшина Л.Ю.</i> МАНИПУЛЯТИВНАЯ ФОРМА ОБЩЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ТЕЛЕФОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА	103
Язык и право	
<i>Кузнецова И.С.</i> КРИМИНАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ И СУДЕБНАЯ РИТОРИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА: СООТНОШЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО АСПЕКТА	108
<i>Рахимбердин К.Х.</i> УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РИСКА ДЕФОРМАЦИЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ	116

CONTENTS

Language of Law	
<i>Malkova N.V.</i> INTEGRATIVE LEVEL MODEL OF MODALITY IN MILITARY LEGAL DISCOURSE: INTERACTION MECHANISMS OF LINGUISTIC AND INSTITUTIONAL FACTORS (CASE STUDY OF RUSSIAN AND US NORMATIVE LEGAL ACTS)	7
<i>Khujakulov S.A.</i> SEMANTIC INTEROPERABILITY IN LEGAL TRANSLATION: BRIDGING THE ENGLISH-UZBEK DIVIDE THROUGH ONTOLOGICAL MODELING	16
<i>Chernyshova T.V.</i> CONFLICT-GENERATING POTENTIAL OF BUSINESS COMMUNICATION TEXTS (CASE STUDY OF CONTROVERSIAL TEXTS)	22
Legal hermeneutics	
<i>Titarenko M.V.</i>	30

EPISTEMOLOGICAL AND VALUE FOUNDATION OF E.V. VASKOVSKY'S LEGAL CONCEPT	
Fonshteyn A.I. RELIGIOUS DOGMAS AS THE PRIMARY SOURCE OF PORNOGRAPHY PROHIBITION	33
Legal Techniques	
Nechaeva A.D., Salomatina M.S. ON THE NEED FOR INTERACTION BETWEEN THE LEGAL AND LINGUISTIC EXPERT COMMUNITIES TO INCREASE THE EFFECTIVENESS OF LEGISLATIVE TECHNOLOGY (CASE STUDY OF AN ARBITRATION CASE)	40
Perevozkin A.A. MACHINE-READABLE LAW: LIMITS TO APPLICABILITY	47
Rehtina I.V., Vasilenko Yu.E. CATEGORIES "DISTANCE WORKING" AND "EMPLOYEE LONGEVITY": THE NATURE OF CORRELATION	54
Trubnikova O.A., Kalashnik N.I. ON THE CONTENT OF THE CONCEPTS OF "ALLOWABLE USE" AND "PERMITTED USE" IN RUSSIAN LAND LAW	58
Tydykova N.V. ON THE SCOPE OF THE TERM 'OTHER ACTIONS OF SEXUAL NATURE' IN THE INTERPRETATION OF DIFFERENT NORMS OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	64
Legal Communication	
Besedina E.S. LEGAL MECHANISMS FOR PROCESSING THE PAST: THE EXPERIENCE OF EASTERN EUROPEAN COUNTRIES	68
Linguoexpertology	
Kasharina T.S. SPEECH ACT THEORY AS AN INSTRUMENT FOR MODELLING NEGATIVE SEMANTIC COMPONENTS IN A MULTI-MODAL HUMOROUS TEXT	76
Krasnianskaia T.I. ON THE PECULIARITIES OF INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF OFFENSIVENESS IN CONTEMPT OF COURT CASES	82
Linguoconflictology	
Vasiliev A.A., Shugurov M.V. ETHICAL AND LEGAL CONFLICTS OF RESTRICTIVE MEASURES APPLICABLE TO ACADEMIC PUBLISHING IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL CATAclysms	88
Speech Offenses	
Bozhenova A.A., Erahmievich V.V. THE EVALUATION CATEGORIES IN THE DISPOSITION OF PART 1 OF ARTICLE 148 OF CRIMINAL CODE OF RUSSIN FEDERATION "VIOLATION OF FREEDOM OF WORSHIP"	98
Kiryushina L.Yu. МАНИПУЛЯТИВНАЯ ФОРМА ОБЩЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ТЕЛЕФОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА	103
Language and law	

<i>Kuznetsova I.S.</i> CRIMINAL PLOT AND JUDICIAL RHETORIC IN THE WORKS OF A. P. CHEKHOV: THE RELATIONSHIP BETWEEN LINGUISTIC FEATURES OF A LITERARY TEXT AND THE CRIMINAL LAW ASPECT	108
<i>Rakhimberdin K.Kh.</i> Penal Enforcement as a Risk Factor for Deformations in Speech Communication	116

Интегративно-уровневая модель модальности в военном юридическом дискурсе: механизмы взаимодействия языковых и институциональных факторов (на материале НПА РФ и США)

Н. В. Малкова

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

ул. Большая Садовая, д. 14, стр. 1, 123001, Москва, Россия. E-mail: malkova_n_v@mail.ru

Статья посвящена разработке и эмпирической апробации интегративно-уровневой модели анализа модальности в военном юридическом дискурсе. Данная сфера характеризуется критической важностью лингвистической точности, поскольку интерпретационная неоднозначность нормативных правовых актов (НПА) является не просто теоретической проблемой, а фактором, способным привести к серьезным оперативным и правовым последствиям. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью комплексных моделей, объясняющих системное взаимодействие разноуровневых факторов (лексико-грамматических, жанровых, дискурсивных, эвиденциальных) при формировании и интерпретации модальных значений в военных НПА. В статье предложена четырехуровневая модель, преодолевающая фрагментарность существующих подходов. Особое внимание уделяется операционализации понятия имплицитной эвиденциальности – прагматического механизма легитимации нормы через ссылку на авторитет – как фактора, модулирующего иллокутивную силу. Методология включает корпусный анализ (125 тыс. словоупотреблений, НПА РФ и США), методы дискурс-анализа с оценкой надежности кодирования. Эмпирически подтверждено, что интерпретация модальности является эмерджентным свойством дискурса. Установлены статистически значимые различия в силе и частотности модальных маркеров в зависимости от жанра НПА и юрисдикции, сильная положительная корреляция между имплицитной эвиденциальностью и иллокутивной силой, а также системные различия в стратегиях кодирования модальности в НПА РФ и США, связанные с культурно-правовыми традициями. Результаты вносят вклад в теорию модальности, юрислингвистику и дискурс-анализ, предлагая теоретически обоснованный инструментарий для анализа институциональных дискурсов и сравнительного изучения их модальной окраски.

Ключевые слова: военный юридический дискурс, модальность, интегративная лингвистика, эвиденциальность, сравнительное правоведение.

Integrative Level Model of Modality in Military Legal Discourse: Interaction Mechanisms of Linguistic and Institutional Factors (Case Study of Russian and US Normative Legal Acts)

N. V. Malkova

*Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Defense Ministry of the Russian Federation
14/1 Bol'shaya Sadovaya Str., 123001, Moscow, Russia. E-mail: malkova_n_v@mail.ru*

This article develops and empirically tests an integrative-level model for analyzing modality in military legal discourse. Linguistic precision in this domain is not merely a theoretical desideratum but a critical factor, as interpretative ambiguity in normative legal acts (NLAs) can lead to severe operational and legal consequences. The study's relevance stems from the lack of comprehensive models explaining the systemic interaction of multilevel factors (lexico-grammatical, genre, discursive, evidential) in shaping modal meanings within military NLAs. The paper proposes a four-level model to overcome the fragmentary nature of existing approaches. Special attention is given to operationalizing implicit evidentiality – understood here as a pragmatic mechanism of norm legitimation via reference to authority – as a factor modulating illocutionary force. The methodology incorporates corpus analysis (125,000 tokens, Russian and US NLAs), discourse analysis methods with reliability assessment. Empirical results confirm that modality interpretation is an emergent property of discourse. Statistically significant differences in modal strength and frequency across NLA genres and jurisdictions, a strong positive correlation between implicit evidentiality and perceived illocutionary force, and systemic

contrasts in Russian vs. US modal coding strategies, linked to legal traditions, are established. The findings contribute to modality theory, legal linguistics, and discourse analysis, offering a theoretically grounded toolkit for analyzing institutional discourses and comparative study of their modal coloring.

Key words: military legal discourse, modality, integrative linguistics, evidentiality, comparative law.

Военный юридический дискурс функционирует на стыке права, власти и языка, представляя собой уникальную сферу, где нормативные правовые акты (НПА) – приказы, директивы, уставы – служат инструментами прямого управления действиями. Лингвистическая точность здесь не просто желательное качество, а императив для обеспечения оперативной безопасности и правовой определенности. Неверное толкование модальных значений долженствования, возможности и запрета [NATO JALLC 2017: 3] способно привести к серьезным, порой необратимым последствиям, включая срыв выполнения боевых задач или неправомерное применение силы. Приведем несколько иллюстративных кейсов, подчеркивающих остроту проблемы:

- *Кейс 1:* Неправильная интерпретация маркера *should* (который может переводиться и как *следует*, и как *должен*) в документах совместных операций НАТО, особенно при переводе, чревата рассогласованием действий. Одна сторона может воспринять указание как рекомендацию (ожидаемое, но не строго обязательное действие), а другая – как безусловное предписание, что критично при синхронизации маневров или выполнении задач с высокой степенью риска.

- *Кейс 2:* Различное понимание иллокутивной силы глагола *должен* в тексте приказа в Вооруженных Силах РФ может стать основанием для судебных разбирательств при оспаривании действий военнослужащего или дисциплинарных взысканий. Такая ситуация возникает, если подчиненный интерпретировал формулировку как описание стандартной процедуры (например, «*при убытии в отпуск военнослужащий должен сдать оружие*» – как описание обычной практики), а командование – как безусловное требование, нарушение которого является проступком.

Директивные речевые акты [Searle 1969: 54–57], составляющие ядро данного дискурса, во многом черпают свою иллокутивную силу из модальных конструкций. Несмотря на обширные исследования модальности в общем языкознании [Palmer 2001: 70–74; Nuyts 2006: 40–45] и ее изучение в юридическом дискурсе в целом [Trosborg 1995: 32–34; Hiltunen 1990: 15–18; Gotti 2005; Bolander 2017; Петрова Е. С. 2018: 25–28], специфика функционирования модальности именно в военных НПА, особенно в сравнительном аспекте, остается недостаточно изученной [Петрова А. В. 2019; Сидорова 2020; Кузнецова 2021]. Это создает научную лауну, которую и призвано заполнить настоящее исследование.

Критический обзор существующих подходов и обоснование необходимости интегративной модели
Классические работы по модальности, такие как фундаментальный труд Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1988: 18], где модальность рассматривается как категория, которая *"пронизывает всю ткань языка, выражая отношение говорящего к содержанию высказывания и его коммуникативной цели"*, теория функционально–семантических полей А. В. Бондарко [Бондарко 1990: 215], в рамках которой *"деонтическая модальность образует ядро функционально–семантического поля долженствования, где взаимодействуют грамматические и лексические средства выражения"*, и исследования прагматического аспекта Е. М. Вольф [Вольф 1985: 76], показывающие, что *"сила модального значения определяется не только словарным значением маркера, но и прагматическими факторами коммуникативной ситуации"*, а также более поздние обобщающие труды зарубежных лингвистов [Palmer 2001; Nuyts 2006] заложили фундаментальную теоретическую базу для понимания семантики и прагматики модальных выражений. Однако их фокус на общих закономерностях языка или отдельных семантических категориях требует существенной адаптации и расширения применительно к узкоспециализированным институциональным дискурсам [Fairclough 2003: 121–124], где значение формируется под мощным влиянием экстралингвистического, в том числе институционального, контекста.

Исследования модальности в юридическом дискурсе [Trosborg 1995; Hiltunen 1990; Gotti 2005; Bolander 2017; Петрова Е. С. 2018] справедливо обратили внимание на прагматические функции модальных маркеров. Например, А. М. Боландер [Bolander 2017: 80–83] в своей модели учитывает эвиденциальность и иллокуцию как важные компоненты модального значения в правовых текстах. Тем не менее, существующие подходы часто остаются «фрагментарными» [Bhatia 2017: 15–17], особенно применительно к специфике военного юридического дискурса. Во–первых, анализ нередко концентрируется на отдельных лексических маркерах (например, *must, shall, may, обязан, должен, можем*), упуская из виду их системное взаимодействие и кумулятивный эффект. Во–вторых, влияние жанровых конвенций [Bhatia 2017: 35–38], хотя и признается, не всегда операционализируется как системный модулятор семантики и прагматики модальных маркеров. В–третьих, роль авторитета источника и механизмов легитимации правовой нормы недостаточно эксплицирована как лингвистически релевантный фактор, влияющий на интерпретацию модальности. Именно эти проблемы призвана преодолеть предлагаемая интегративно–уровневая модель.

Отличие предлагаемой модели

Настоящее исследование предлагает интегративно–уровневую модель, преодолевающую указанные ограничения. Ключевое отличие нашей модели заключается в фокусе на динамическом взаимодействии языковых форм и институциональных факторов, рассматриваемых как единая система. Модель интегрирует жанр [Bhatia 2017] и эвиденциальность не просто как фоновые условия, а как активные компоненты механизма формирования и интерпретации модального значения. В данной работе имплицитная эвиденциальность операционализируется не в классическом лингвистическом смысле как маркер источника информации говорящего (ср. [Aikhenvald 2004: 48–51], где описываются грамматические маркеры типа *видел сам, слышал от других*), а как прагматический механизм легитимации предписания через эксплицитную или имплицитную апелляцию к авторитету (вышестоящему НПА, закону, уставу, доктринальному положению и т. д.). Такая эвиденциальная поддержка, по нашему мнению, напрямую усиливает

иллокутивную силу предписания. В отличие от классической (или семантической) эвиденциальности, указывающей на то, откуда автор текста знает информацию, имплицитная (или прагматическая / институциональная) эвиденциальность в предлагаемом понимании указывает на то, на каком основании данное предписание имеет силу (на основании закона X, приказа Y, устава Z).

Модель А. М. Боландер, хотя и продуктивно учитывает эвиденциальность [Bolander 2017: 80–83], не предлагает столь детализированной четырехуровневой структуры взаимодействия факторов, специфичной для военного контекста и его повышенных требований к однозначности. Модель В. К. Бхатиа фокусируется на жанре [Bhatia 2017: 35–38] как ключевом элементе анализа профессиональных дискурсов, но не интегрирует его взаимодействие с другими уровнями (особенно с операционализированной нами имплицитной эвиденциальностью) для объяснения именно вариативности и силы модальных значений. Предлагаемая модель стремится синтезировать эти аспекты, предлагая более холистический и системный взгляд. Целью настоящего исследования является разработка и эмпирическая апробация такой интегративно–уровневой модели модальности, способной объяснить механизмы формирования и интерпретации модальных значений в НПА военного юридического дискурса России и США, а также выявить и сопоставить специфику модальной окраски военных НПА в российской и американской правовых и языковых традициях.

Ключевые исследовательские вопросы:

1. Каковы механизмы системного взаимодействия лексико–грамматических, жанровых, дискурсивных и эвиденциальных факторов при формировании и интерпретации модального значения в военных НПА РФ и США?
2. Какую роль играет имплицитная эвиденциальность (как механизм легитимации) в модуляции деонтической силы предписаний и как этот механизм операционализируется в текстах НПА?
3. Существуют ли системные, статистически значимые различия в стратегиях кодирования и прагматической интерпретации модальности (включая общую модальную окраску текстов) в российском и американском военном юридическом дискурсе, и как эти различия могут быть соотнесены с языковыми и культурно–правовыми особенностями двух стран?

Основная гипотеза исследования: Интерпретация модальности в военном юридическом дискурсе является эмерджентным свойством, возникающим в результате сложного, динамического и нелинейного взаимодействия (синергии и модуляции) факторов четырех взаимосвязанных уровней: лексико–грамматического, жанрового, дискурсивного и эвиденциального. Предполагается, что конгруэнтность сигналов с разных уровней (например, сильный лексический маркер типа *обязан* (У1) в НПА жанра приказа (У2), подкрепленный прямой ссылкой на устав (У4) и не ослабленный локальным дискурсивным контекстом (У3)), ведет к максимальной деонтической силе и интерпретационной однозначности. Напротив, дисконгруэнтность этих сигналов (например, слабый маркер в сильном жанре без явной эвиденциальной поддержки) порождает потенциал для неоднозначности и вариативности интерпретаций.

Научная новизна исследования состоит в:

- предложении оригинальной четырехуровневой интегративной модели анализа модальности в военном юридическом дискурсе, учитывающей взаимовлияние факторов различной природы;
- введении и операционализации понятия имплицитной эвиденциальности как прагматического механизма легитимации нормы и модуляции иллокутивной силы в институциональном дискурсе;
- получении новых эмпирических данных о функционировании модальности и формировании модальной окраски текстов в НПА РФ и США на основе корпусного анализа и их сопоставительном анализе;
- междисциплинарном подходе, интегрирующем достижения теоретической лингвистики (в частности, теории модальности и эвиденциальности [McEnery, Hardie 2011: 10–13]), юрислингвистики, дискурс–анализа и корпусных методов.

Основной вклад в науку заключается в разработке теоретически обоснованного и эмпирически апробированного инструментария для более точного, системного и контекстуально–чувствительного анализа и интерпретации модальности в институциональных дискурсах повышенной ответственности, что имеет значение как для лингвистической теории, так и для юридической практики.

Теоретическая рамка: интегративно–уровневая модель модальности

Предлагаемая модель постулирует, что интерпретация модального выражения в военном НПА – это не просто декодирование семантики отдельного маркера, а результат последовательного и взаимовлияющего анализа информации, поступающей с четырех уровней:

1. **Лексико–грамматический уровень (У1).** Определяет базовый семантический потенциал модального маркера (например, *must* в английском языке обычно кодирует более сильное долженствование, чем *should*; аналогично *обязан* в русском языке сильнее, чем *должен*). Этот уровень опирается на устоявшиеся в языке значения модальных глаголов, предикативов и других модальных выражений; при этом *"модусные рамки предложения задают систему координат, в которой интерпретируется модальное значение"* [Арутюнова 1988: 147]. См. также [Palmer 2001: 72–74; Bolander 2017: 52–56]. Именно здесь закладывается исходная точка для интерпретации модального значения.

2. **Жанровый уровень (У2).** Контекстуализирует маркер в рамках институциональных ожиданий, связанных с конкретным жанром НПА. Жанр (приказ, директива, устав, закон) выступает как фрейм [Bhatia 2017: 35–38], который модулирует (усиливает или ослабляет) силу маркера, выявленную на У1. Например, маркер *shall* в американском военном приказе интерпретируется значительно строже (как категорическое долженствование), чем тот же маркер в тексте директивы или доктринального документа. Таким образом, У2 модулирует У1, адаптируя его к специфике коммуникативной ситуации.

3. **Дискурсивный уровень (У3).** Уточняет или модифицирует значение, сформированное на пересечении У1 и У2, через анализ локального контекста – наличие условий, оговорок, исключений, контрастных конструкций, а также аргументативных структур и риторических приемов внутри конкретного фрагмента текста [Bhatia 2017: 62–65]. Этот уровень

может как усилить, так и ослабить иллокутивную силу предписания. Например, использование условных конструкций (*если..., в случае...*) может ограничивать сферу действия долженствования. Следовательно, УЗ обеспечивает тонкую настройку значения (У1 + У2) в соответствии с непосредственным текстовым окружением.

4. **Эвиденциальный уровень (У4).** Оценивает и усиливает легитимность и, как следствие, иллокутивную силу нормы через наличие эксплицитных или имплицитных ссылок на авторитетные источники (имплицитная эвиденциальность, как она определена выше). Положительная эвиденциальная поддержка (например, фразы типа «*в соответствии с Уставом...*», «*на основании приказа...*») усиливает воспринимаемую иллокутивную силу предписания, зачастую независимо от силы лексического маркера (У1) или даже жанра (У2). У4, таким образом, выступает как мощный прагматический усилитель итоговой интерпретации модальности.

Итоговая интерпретация силы модальности и ее иллокутивной направленности возникает как эмерджентное свойство всей системы. Сигналы с разных уровней могут либо усиливать друг друга (конгруэнтность), приводя к однозначной и сильной модальной квалификации, либо вступать в противоречие (дисконгруэнтность), создавая потенциал для неоднозначности и требуя более сложной интерпретативной работы. Именно анализ этого динамического взаимодействия и составляет ядро предлагаемой модели.

Материалы и методы

Корпус исследования

Сопоставимый корпус русскоязычных и англоязычных военных НПА РФ и США (общим объемом 125 тыс. словоупотреблений) был сформирован для обеспечения репрезентативности и возможности проведения сравнительного анализа. Критерии отбора включали: представленность ключевых жанров военного юридического дискурса (приказы, директивы, уставы, законы, доктринальные документы), сопоставимость функций этих жанров в правовых системах РФ и США, а также актуальность материала (период 2010–2023 гг.). В корпус включены основополагающие и типичные документы, такие как Приказ МО РФ №300 (2020), Федеральный закон "О воинской обязанности..." (в ред. 2024 г.), Устав внутренней службы ВС РФ (в ред. 2024 г.), DoD Directive 5145.01 (2020), Field Manual (FM) 6-0 (2022), Title 10 U.S. Code (UCMJ) и другие релевантные приказы (ок. 20 ед.), директивы (ок. 15 ед.) и доктринальные документы указанного периода, отобранные для обеспечения жанрового и тематического баланса как внутри каждого языка, так и между языками.

Баланс корпуса: 62,5 тыс. токенов RU, 62,5 тыс. токенов EN. Жанровый баланс внутри языка: ~35% – приказы/директивы; ~40% – уставы/доктрины; ~25% – законы.

Критерии исключения: проекты НПА, неофициальные переводы, комментарии, служебная переписка, тексты до 2010 г. (кроме базовых действующих).

Методология анализа

Методология базируется на интеграции корпусных методов [McEnery, Hardie 2011: 10–13] и дискурс-анализа [Fairclough 2003; Bhatia 2017].

1. Корпусный анализ: токенизация, лемматизация (с использованием Stanford CoreNLP для английского языка и ru morphology2 для русского), составление частотных списков модальных маркеров, анализ их коллокаций и конкордансов (с помощью AntConc 4.0).

2. Дискурс-анализ: качественный анализ контекстов употребления модальных маркеров (в рамках критического дискурс-анализа и жанрового анализа); идентификация жанровых конвенций, дискурсивных стратегий, влияющих на интерпретацию модальности, и маркеров имплицитной эвиденциальности.

3. Процедура кодирования и оценка надежности: разработана детализированная схема кодирования модальных выражений. Два независимых кодировщика (лингвисты, обладающие компетенциями в области анализа юридических и военных текстов на обоих языках) аннотировали стратифицированную подвыборку (15% корпуса) для оценки степени согласия. Кодировались следующие параметры: а) модальный маркер; б) жанр НПА; в) наличие и тип эвиденциальной поддержки (ссылка на закон, устав, приказ, доктрину, отсутствие ссылки); г) воспринимаемая иллокутивная сила по 5-бальной шкале Лайкерта (1 – Разрешение/Рекомендация; 2 – Желательность/Слабое обязательство; 3 – Стандарт/Обязательство; 4 – Строгое обязательство; 5 – Категорическое долженствование). Около 15% случаев в подвыборке (примерно 30 контекстов) потребовали дополнительного обсуждения для согласования оценок кодировщиков, каждое из которых занимало в среднем 5–10 минут. Для минимизации потенциального культурного смещения при оценке иллокутивной силы в текстах на неродном языке особое внимание уделялось формальному контекстуальному и жанровым маркерам; спорные случаи межязыкового кодирования подробно обсуждались с фокусом на достижение функциональной эквивалентности оценки силы предписания в обеих системах. Критерии разрешения разногласий включали достижение консенсуса на основе детального анализа контекста, семантики маркера, жанровых конвенций и установленных правил кодирования; при невозможности консенсуса между двумя кодировщиками решение принималось третьим экспертом (автором статьи). Надежность кодирования, измеренная с помощью коэффициента Каппа Коэна, составила $\kappa \approx 0.83$, что свидетельствует о высокой степени согласия.

4. Статистический анализ: описательные статистики (частоты, средние значения); корреляционный анализ Пирсона для оценки связи между имплицитной эвиденциальностью и иллокутивной силой; тест хи-квадрат (χ^2) для оценки значимости различий в частотах и силе модальных маркеров между жанрами и юрисдикциями. Уровень статистической значимости был принят $p < 0.05$.

5. Сравнительно-сопоставительный анализ: выявление сходств и различий в стратегиях кодирования и интерпретации модальности в НПА РФ и США с учетом влияния языковых особенностей и культурно-правовых традиций [Šarčević 1997: 140–142].

Результаты

1. *Жанровая модуляция деонтической силы (Уровни 1 и 2) и ее сравнительная характеристика.* Анализ частотности и кодирования силы маркеров показал статистически значимые различия (χ^2 , $p < 0.05$) как внутри каждой языковой системы в зависимости от жанра, так и между системами РФ и США при сопоставлении аналогичных жанров.

○ В НПА США: маркер *shall* в приказах (*orders*) интерпретируется как категорическое долженствование (Уровень 5 по шкале Лайкерта) в $\approx 98\%$ случаев, тогда как в директивах (*directives*) – лишь в $\approx 82\%$ (чаще Уровень 3–4). Это указывает на то, что даже один и тот же маркер вносит разную модальную окраску в зависимости от жанра. *Must* (составляющий $\approx 29\%$ случаев долженствования) стабильно кодирует высокую степень обязательности (Уровень 4–5) во всех проанализированных жанрах, формируя последовательно строгую модальную окраску.

○ В НПА РФ: маркер *обязан* используется для категорического долженствования (Уровень 5) в $\approx 95\%$ случаев в приказах. Глагол *должен* (наиболее частотный маркер долженствования, $\approx 60\%$ всех случаев) реализует категорическое значение в $\approx 79\%$ контекстов в приказах и уставах, но может интерпретироваться слабее в директивах, что также свидетельствует о жанровой модуляции.

○ Сравнительный аспект модальной окраски: сопоставление показывает, что хотя в обеих системах приказы характеризуются наиболее сильной деонтической модальностью, выбор предпочтительных маркеров для этой цели различается (*shall/must* в США vs. *обязан/должен* в РФ). Общая модальная окраска американских приказов, за счет частого использования *shall* и *must*, может восприниматься как более унифицировано–категоричная, в то время как в российских НПА наблюдается большая вариативность в использовании *должен*, что может приводить к более нюансированной, но потенциально менее однозначной модальной окраске в некоторых контекстах вне приказов. Эти данные подтверждают мощное модулирующее влияние жанра (Y2) на семантику маркера (Y1) и формируемую им модальную окраску текста, а также наличие национально–специфических предпочтений.

2. *Эвиденциальное усиление иллокутивной силы (Уровень 4) в НПА РФ и США.* Корреляционный анализ по всему корпусу (включающему НПА обеих стран) показал сильную положительную и статистически значимую связь ($r = 0.76$, $p < 0.01$) между наличием имплицитной эвиденциальности (ссылки на авторитетный источник) и воспринимаемой иллокутивной силой предписания. Текстовый анализ подтверждает: предписания, эксплицитно легитимированные ссылкой на закон, устав или вышестоящий приказ (например, «В соответствии со статьей X Федерального закона...» или «Pursuant to DoD Directive Y...»), воспринимаются как более обязывающие и авторитетные, чем предписания без такой поддержки, даже при использовании лексически сильных модальных маркеров. Качественный анализ показал, что в обеих системах апелляция к авторитету является распространенной стратегией усиления модальности, хотя конкретные типы авторитетов, на которые ссылаются, могут варьироваться в зависимости от структуры правовой системы. Это свидетельствует об универсальном характере данного прагматического механизма усиления модальной окраски долженствования.

3. *Системные различия в стратегиях кодирования модальности и модальной окраске текстов: РФ vs. США.* Наблюдаются устойчивые и статистически значимые (χ^2 , $p < 0.05$) различия в предпочтениях и функционировании модальных маркеров, что формирует различную общую модальную окраску военных юридических текстов в двух странах.

○ Частотность ключевых маркеров. В российских НПА доминирует маркер *должен* ($\approx 60\%$ всех маркеров долженствования), за ним следует *обязан* ($\approx 25\%$). В американских НПА лидирует *shall* ($\approx 58\%$), за ним *must* ($\approx 29\%$) и *should* ($\approx 8\%$). Это базовое различие в лексическом наполнении уже создает предпосылки для разной модальной окраски.

○ Функционально–культурная интерпретация и результирующая модальная окраска. В российских НПА конструкция с глаголом *обязан* часто используется для маркировки персональной ответственности и четко очерченных обязанностей, что может отражать акценты романо–германской правовой традиции на статусе и обязанностях субъекта [Вольф 1985: 132]. Это придает текстам оттенок строгой, персонифицированной ответственности. В американских НПА использование *shall* и *must* отражает прескриптивный характер языка общего права и фокус на действии, которое должно или не должно быть совершено. Исторически *shall* нес в себе оттенок сильного долженствования, однако его неоднозначность в других сферах юридического языка [см. Sebenius 2019: 154; Šarčević 1997: 140] привела к тенденции к более частому использованию *must* для выражения категорического долженствования в современных американских НПА, стремящихся к большей ясности (Plain Language Movement). Тем не менее, в военных НПА *shall* сохраняет сильную позицию, особенно в приказах, что формирует модальную окраску высокой степени императивности. Различие в использовании *should* (более частотного в американских текстах для выражения рекомендации или менее строгого обязательства) также вносит вклад в дифференциацию модальной окраски по сравнению с российскими текстами, где для схожих целей могут использоваться более разнообразные конструкции или менее категоричные формы глагола *должен*.

4. *Роль дискурсивных стратегий (Уровень 3) в модуляции модальности.* Анализ показал активное использование в НПА обеих стран таких дискурсивных стратегий, как определение терминов, перечисление условий, введение исключений, указание на цель («в целях...», «для того чтобы...», «in order to...») и аргументацию («поскольку...», «в связи с...», «because...») для уточнения сферы действия модальных предписаний и управления их интерпретацией. Например, разрешение (выраженное через *may* или *может*) часто сопровождается детальным списком условий, ограничивающих его применение, что является общей чертой для НПА обеих юрисдикций. Таким образом, дискурсивный уровень (Y3) используется для операционализации и контекстуализации модальных норм, позволяя точно настраивать их иллокутивную силу и сферу применения.

5. *Взаимодействие уровней и эмерджентность модальной интерпретации (иллюстративные примеры).*

○ Пример синергии (РФ): «Командир (должностное лицо) обязан¹ обеспечить выполнение приказа в установленный срок в соответствии с требованиями Устава внутренней службы ВС РФ⁴...» (из текста Приказа МО РФ²). Здесь: сильный лексический маркер (Y1), сильный жанр (Y2), прямая эвиденциальная поддержка (Y4) – все уровни работают на усиление, приводя к максимальной деонтической силе (Сила5).

○ Пример синергии (США): «*All personnel shall¹ comply with the procedures outlined in Annex A⁴ of this Order²...*» (из текста приказа DoD). Здесь: маркер *shall* в жанре приказа (У1+У2) подкреплен ссылкой на конкретный документ (У4), что также ведет к категорическому долженствованию (Сила5).

○ Пример модуляции (США): «*Personnel shall¹ normally report any suspected violations through their chain of command. However, alternative reporting channels may¹ be used if³ there is a reasonable belief that reporting through the chain of command would be futile or result in reprisal...*» (из текста Директивы DoD²). Здесь: начальное долженствование, выраженное *shall* (У1) в жанре директивы (У2), модулируется (ослабляется) дискурсивными стратегиями (У3) – введением оговорки *normally* и альтернативного варианта с *may* – что снижает итоговую силу до Уровня3–4.

○ Пример потенциальной неоднозначности (РФ): «*Подразделения должны¹ обеспечивать взаимодействие с приданными силами и средствами³...*» (из текста Директивы МО РФ²) без явной эвиденциальной поддержки (У4) или дальнейших уточнений. Такая формулировка может интерпретироваться как описание стандартной процедуры или ожидаемого поведения (Сила3), а не как категорический приказ (Сила5), особенно если контекст не указывает на чрезвычайные обстоятельства.

Обсуждение

Сопоставление с предыдущими исследованиями и теоретические импликации

Результаты исследования подтверждают динамическую природу модальности, отмечавшуюся в работах, где «шкала деонтической модальности простирается от категорического запрета до слабой рекомендации, образуя continuum значений» [Бондарко 1990: 223], и [Nuyts 2006: 40–45], а также ключевую роль жанра в формировании значения в профессиональных дискурсах [Bhatia 2017: 35–38]. Предложенная интегративно–уровневая модель развивает идеи, заложенные в работах [Bolander 2017: 80–83], предлагая более структурированный подход к анализу взаимодействия разноуровневых факторов и вводя специфическую трактовку имплицитной эвиденциальности как механизма легитимации. Теоретически, модель демонстрирует, что модальность в институциональном дискурсе является не столько семантической, сколько сложной прагматической конструкцией, эмерджентным свойством дискурса. Полученные данные о различиях в модальной окраске НПА РФ и США также вносят вклад в сравнительную юрислингвистику и дискурс–анализ, показывая, как культурно–правовые традиции [Šarčević 1997] и языковые системы формируют специфические способы выражения долженствования, учитывая, что «национально–культурные особенности проявляются в предпочтении тех или иных способов выражения модальных значений» [Вольф 1985: 132]. Модель может быть полезна для анализа юридических коллизий, возникающих из–за различной интерпретации модальности, например при оспаривании приказов или оценке правомерности действий в международном военном сотрудничестве.

Сравнительная характеристика модальной окраски военных НПА РФ и США на основе интегративно–уровневой модели
Проведенное исследование позволяет сделать вывод о наличии как общих черт, так и системных различий в модальной окраске военных НПА России и США. Общие черты: в обеих системах наиболее сильная деонтическая модальность характерна для жанра приказа. И в РФ, и в США активно используется механизм имплицитной эвиденциальности для усиления иллюкативной силы предписаний, а также дискурсивные стратегии для ее уточнения и модуляции.

Р а з л и ч и я:

- Лексическое наполнение: американские НПА демонстрируют более четкое распределение функций между *shall* (традиционно сильное долженствование в формальных документах, особенно приказах) и *must* (категорическое долженствование, часто используемое для ясности), а также *should* (рекомендация, ожидание). В российских НПА наблюдается большая нагрузка на глагол *должен*, который покрывает широкий спектр модальных значений, что компенсируется использованием более категоричного *обязан*. Это приводит к тому, что модальная окраска американских текстов может восприниматься как более градуированная за счет четче разграниченных маркеров.

- Степень эксплицитности и категоричности: приказы в обеих системах стремятся к максимальной категоричности. Однако в других жанрах (например, директивах, доктринах) модальная окраска может различаться. Американские тексты, следуя тенденции Plain Language, могут чаще стремиться к использованию *must* для однозначного долженствования, в то время как российские тексты могут сохранять более широкое поле для интерпретации *должен* в зависимости от контекста.

- Влияние правовых традиций: как отмечалось, фокус на персональной ответственности в РФ (через *обязан*) и на презскриптивности действия в США (*shall/must*) также вносит свою лепту в различную модальную окраску.

Таким образом, предложенная интегративно–уровневая модель позволяет не просто констатировать эти различия, но и объяснить их через взаимодействие факторов на лексико–грамматическом, жанровом, дискурсивном и эвиденциальном уровнях.

Практические приложения модели

1. Совершенствование юридической техники. Рекомендации:

- а) для категоричности: *must/обязан* + эвиденциальность;
- б) разграничивать *must/обязан* (обязательства) и *should/должен* (стандарты);
- в) избегать неоднозначного *shall* вне приказов;
- г) указывать условия для *may/может*.

2. Повышение точности юридического перевода: недооценка иллюкативной силы может приводить к проблемам. Кейс 1: неверный перевод *should* в стандарте НАТО как строгого *должен* вместо *следует* может привести к избыточному расходованию ресурсов. Кейс 2: перевод русского приказа с *должен* американским эквивалентом *should* может привести к невыполнению приказа. Алгоритм (Маркер → Жанр → Дискурс → Эвиденциальность → Эквивалент) помогает избежать ошибок.

3. Лингвистическая экспертиза НПА. Критерии оценки:

- а) конгруэнтность сигналов;
- б) четкость условий (У3);

- в) адекватность маркеров (У1);
г) наличие эвиденциальности (У4).

Ограничения исследования

Объем корпуса; оценка силы лингвистами, а не юристами–практиками – хотя лингвистический анализ фокусируется на формальных маркерах силы, юридическая практика может привносить дополнительные интерпретационные конвенции, не полностью учтенные в данном исследовании; возможная субъективность кодировщиков; потенциальные трудности полной нейтрализации культурных различий; описательный/корреляционный характер стат. анализа; предположительный характер выводов о «военной культуре».

Заключение

Разработана и эмпирически апробирована интегративно–уровневая модель анализа модальности в военном юридическом дискурсе, позволившая выявить как универсальные механизмы формирования модальных значений, так и специфику их реализации и результирующей модальной окраски текстов в НПА Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Доказано, что интерпретация модальности детерминирована системным эффектом взаимодействия четырех уровней: лексико–грамматического, жанрового, дискурсивного и эвиденциального. Модель преодолевает ограничения предыдущих подходов ([Bhatia 2017], [Bolander 2017]) за счет системного описания взаимодействия уровней и операционализации имплицитной эвиденциальности как прагматического механизма легитимации.

Основные выводы:

- 1) модальность в военном юридическом дискурсе – динамический, многофакторный феномен;
- 2) жанр и имплицитная эвиденциальность выступают мощными модуляторами иллокутивной силы и модальной окраски;
- 3) существуют системные межъязыковые и межкультурные различия в стратегиях кодирования модальности и результирующей модальной окраске НПА РФ и США;
- 4) предложенная модель является адекватным инструментом для анализа и сравнения модальности в институциональных дискурсах.

Модель вносит вклад в теорию модальности, юрислингвистику [Gotti 2005: 61–64] и сравнительный дискурс–анализ. Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их использования для совершенствования юридической техники, повышения точности юридического перевода и проведения лингвистической экспертизы НПА.

Перспективы дальнейших исследований

Расширение корпуса (включение НПА НАТО, таких как STANAGs и Allied Joint Publications (AJPs), а также НПА других стран). Углубление методологии (применение многоуровневого (иерархического) регрессионного моделирования для оценки вклада каждого фактора и их взаимодействий). Изучение диахронии [McEnery, Hardie 2011]. Апробация модели на других типах институциональных дискурсов (авиационные правила, медицинские протоколы) и на материале других языков. Разработка автоматизированных инструментов (например, классификаторов на основе архитектур типа BERT для автоматического определения иллокутивной силы модальных конструкций с учетом контекста).

Литература

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Кузнецова М. Н. Проблемы интерпретации военных юридических текстов / Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 10–2. – С. 124–128. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47185311>
- Петрова А. В. Модальные глаголы в военных юридических текстах / Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 49. – С. 102–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modalnye-glagoly-v-voennyh-yuridicheskikh-tekstah>
- Петрова Е. С. Модальность в англоязычном юридическом дискурсе. М., 2018.
- Приказ Министра обороны Российской Федерации от 22.06.2020г. №300 «Об утверждении Правил ношения военной формы одежды...». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007240030>
- Сидорова О. В. К вопросу о функционировании модальности в текстах военных приказов / Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 4. – С. 264–267. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-funktsionirovanii-modalnosti-v-tekstah-voennyh-prikazov>
- Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 10.11.2007 №1495) (в ред. от 25.03.2024). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102118916>
- Федеральный закон "О воинской обязанности и военной службе" от 28.03.1998 №53-ФЗ (ред. от 23.03.2024). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102052946>
- Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford, 2004.
- Bhatia V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. 2nd ed. London, 2017.
- Bolander A. M. Modality in Legal Texts: A Corpus-Based Study of English and Swedish Legislation. Berlin, 2017.
- Department of Defense Directive 5145.01. Under Secretary of Defense for Policy (USD(P)). October 20, 2020. URL: <https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/DD/issuances/dodd/514501p.pdf>
- Department of the Army. Field Manual (FM) 6–0, Commander and Staff Organization and Operations. May 2022. URL: https://armypubs.army.mil/epubs/DR_pubs/DR_a/ARN35031-FM_6-0-000-WEB-1.pdf
- Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, 2003.

- Gotti M. Investigating Specialized Discourse. Bern, 2005.
- Hiltunen R. Chapters on Legal English: Aspects Past and Present of the Language of the Law. Helsinki, 1990.
- McEnery T., Hardie A. Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge, 2011.
- NATO Joint Analysis and Lessons Learned Centre (JALLC). JALLC Explorer / Vol. 1, Issue 1. Monsanto, Portugal, 2017. URL: <https://nllp.jallc.nato.int/IKS/Sharing%20Public/JALLC%20Explorer%20Volume%201%20Issue%201.pdf>
- Nuyts J. Modality: A Categorization and a Bibliography / Handbook of Pragmatics / Ed. by J.Verschueren, J.-O.Östman, J.Blommaert, C.Bulcaen. Amsterdam; Philadelphia, 2006. P.1–114 (loose-leaf).
- Palmer F. R. Mood and Modality. 2nd ed. Cambridge, 2001.
- Šarčević S. New Approach to Legal Translation. The Hague, 1997.
- Searle J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1969.
- Sebenius J. M. The Challenges of Plain Language Drafting in Military Law / The International Journal of Legal Information. – 2019. – Vol.47, №2. – P.147–163. URL: <https://doi.org/10.1017/jli.2019.19>
- Title 10, U.S. Code, Subtitle A, Part II, Chapter 47 – Uniform Code of Military Justice. URL: <https://uscode.house.gov/browse/prelim@title10/subtitleA/part2/chapter47&edition=prelim>
- Trosborg A. Statutes and contracts: An analysis of legal speech acts in the English language of the law / Journal of Pragmatics. – 1995. – Vol.23, №1. – P.31–53. URL: [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(94\)00028-m](https://doi.org/10.1016/0378-2166(94)00028-m)

References

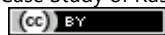
- Aikhenvald, A. Y. (2004). Evidentiality. Oxford.
- Arutyunova, N. D. (1988). Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact. Moscow (in Russian).
- Bhatia, V. K. (2017). Analysing Genre: Language Use in Professional Settings (2nd ed.). London.
- Bolander, A. M. (2017). Modality in Legal Texts: A Corpus-Based Study of English and Swedish Legislation. Berlin.
- Bondarko, A. V. (1990). Theory of functional grammar: Temporality. Modality. Leningrad (in Russian).
- Department of Defense Directive 5145.01. (2020). Under Secretary of Defense for Policy (USD(P)). October 20, 2020. Available from: <https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/DD/issuances/dodd/514501p.pdf>
- Department of the Army. (2022). Field Manual (FM) 6–0, Commander and Staff Organization and Operations. May 2022. Available from: https://armypubs.army.mil/epubs/DR\pubs/DR_a/ARN35031-FM_6-0-000-WEB-1.pdf
- Fairclough, N. (2003). Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London.
- Federal Law "On Military Duty and Military Service" of March 28, 1998 N 53-FZ (as amended on March 23, 2024). Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102052946> (in Russian).
- Gotti, M. (2005). Investigating Specialized Discourse. Bern.
- Hiltunen, R. (1990). Chapters on Legal English: Aspects Past and Present of the Language of the Law. Helsinki.
- Internal Service Regulations of the Armed Forces of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 1495 of November 10, 2007) (as amended on March 25, 2024). Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102118916> (in Russian).
- Kuznetsova, M. N. (2021). Problems of Interpretation of Military Legal Texts. Actual Problems of Humanities and Natural Sciences, 10(2), 124–128. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47185311> (in Russian).
- McEnery, T., & Hardie, A. (2011). Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge.
- NATO Joint Analysis and Lessons Learned Centre (JALLC). (2017). JALLC Explorer. Vol. 1, Issue 1. Monsanto, Portugal, JALLC. Available from: <https://nllp.jallc.nato.int/IKS/Sharing%20Public/JALLC%20Explorer%20Volume%201%20Issue%201.pdf>
- Nuyts, J. (2006). Modality: A Categorization and a Bibliography. In Handbook of Pragmatics (pp.1–114). J.Verschueren, J.-O.Östman, J.Blommaert, C.Bulcaen (Eds.). Amsterdam; Philadelphia (loose-leaf).
- Order of the Minister of Defense of the Russian Federation No. 300 of June 22, 2020. "On the Approval of the Rules for Wearing Military Uniform...". Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007240030> (in Russian).
- Palmer, F. R. (2001). Mood and Modality (2nd ed.). Cambridge.
- Petrova, A. V. (2019). Modal Verbs in Military Legal Texts. Bulletin of Tomsk State University. Philology, 49, 102–108. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/modalnye-glagoly-v-voennyh-yuridicheskikh-tekstah> (in Russian).
- Petrova, E. S. (2018). Modality in English Legal Discourse. Moscow (in Russian).
- Šarčević, S. (1997). New Approach to Legal Translation. The Hague.
- Searle, J. R. (1969). Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge.
- Sebenius, J. M. (2019). The Challenges of Plain Language Drafting in Military Law. The International Journal of Legal Information, 47(2), 147–163. Available from: <https://doi.org/10.1017/jli.2019.19>
- Sidorova, O. V. (2020). On the functioning of modality in the texts of military orders. Bulletin of Economic Security, 4, 264–267. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-funktsionirovanii-modalnosti-v-tekstah-voennyh-prikazov> (in Russian).
- Title 10, U.S. Code, Subtitle A, Part II, Chapter 47 – Uniform Code of Military Justice. Available from: <https://uscode.house.gov/browse/prelim@title10/subtitleA/part2/chapter47&edition=prelim>
- Trosborg, A. (1995). Statutes and contracts: An analysis of legal speech acts in the English language of the law. Journal of Pragmatics, 23(1), 31–53. Available from: [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(94\)00028-m](https://doi.org/10.1016/0378-2166(94)00028-m)
- Vol'f, E. M. (1985). Functional semantics of evaluation. Moscow (in Russian).

Citation:

Малкова Н. В. Интегративно-уровневая модель модальности в военном юридическом дискурсе: механизмы взаимодействия языковых и

институциональных факторов (на материале НПА РФ и США) // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 7-15.

Malkova N. V. (2025) Integrative Level Model of Modality in Military Legal Discourse: Interaction Mechanisms of Linguistic and Institutional Factors (Case Study of Russian and US Normative Legal Acts). *Legal Linguistics*, 37, 7-15.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Семантическая интероперабельность в юридическом переводе: преодоление разрыва между английским и узбекским языками с помощью онтологического моделирования

С. А. Хужакулов

Университет экономики и педагогики

Кашкадарья, 181101, Узбекистан. E-mail: sunnatulloxojakulov6@gmail.com

В статье рассматриваются проблемы и возможные решения, связанные с обеспечением семантической интероперабельности при переводе юридической терминологии между английским и узбекским языками. Перевод юридических текстов между этими языками затрудняется глубокими различиями в правовых системах, культурных контекстах и концептуальных структурах. Автор утверждает, что традиционный пословный или даже функционально-эквивалентный подход недостаточен для точной передачи юридического значения. Вместо этого предлагается использовать онтологическое моделирование, которое позволяет соотносить юридические термины с общими концептуальными структурами и тем самым повысить точность перевода и понимания.

Исследование основано на двуязычном юридическом корпусе, включающем тексты по конституционному, гражданскому и уголовному праву на английском и узбекском языках. Путем сопоставительного лексико-семантического анализа выявляются несоответствия, пробелы и частичные совпадения в юридической терминологии, а также рассматривается их влияние на межъязыковое понимание. В статье представлен прототип онтологии, связывающей ключевые правовые понятия обеих систем, и показано, как данная модель способствует семантическому согласованию и снижению неоднозначности в процессе перевода.

Особое внимание уделяется терминам, не имеющим прямых эквивалентов, а также культурно обусловленным правовым концептам, требующим концептуального посредничества. Работа вносит вклад в юридическую лингвистику, предлагая основу для машинного перевода юридических текстов и многоязычного поиска правовой информации.

В конечном итоге исследование способствует интеграции вычислительных инструментов и лингвистической теории в юридический перевод, обеспечивая более точную межъязыковую коммуникацию в юридической сфере.

Ключевые слова: юридический перевод, онтология, юридические термины, межъязыковость, лексическая семантика, сравнительное право, юридические концепты, переводимость, многоязычие, юриспруденция, семантический сдвиг, терминография.

Semantic Interoperability in Legal Translation: Bridging the English–Uzbek Divide through Ontological Modeling

S. A. Khujakulov

University of Economics and Pedagogy

Kashkadarya, 181101, Uzbekistan. E-mail: sunnatulloxojakulov6@gmail.com

This article explores the challenges and solutions associated with achieving semantic interoperability in the translation of legal terminology between English and Uzbek. Legal translation between these languages is often hindered by deep-rooted differences in legal systems, cultural frameworks, and conceptual structures. The study argues that a traditional word-for-word or even functional-equivalence approach is insufficient for accurately conveying legal meaning. Instead, it advocates an ontological modeling approach that maps legal terms onto shared conceptual structures to support more precise translation and interpretation.

The research draws on a bilingual legal corpus encompassing constitutional, civil, and criminal law texts in English and Uzbek. Through a comparative lexico-semantic analysis, the study identifies mismatches, gaps, and partial overlaps in legal terminology and explores how these affect legal understanding across languages. The article introduces a prototype ontology that links core legal concepts from both systems and demonstrates how this model can improve semantic alignment and reduce ambiguity in translation tasks.

Special attention is given to terms with no direct equivalents and to culturally contingent legal concepts that require conceptual mediation. The article contributes to the field of legal linguistics by offering a framework for machine-assisted legal translation and multilingual legal information retrieval.

Ultimately, this research promotes a deeper integration of computational tools and linguistic theory in legal translation, supporting more accurate cross-linguistic communication in legal contexts. The findings are especially relevant for translators, legal drafters, and scholars involved in comparative law and multilingual legislation.

Key words: legal translation, ontology, legal terms, crosslinguism, lexicosemantics, comparative law, legal concepts, translatability, multilingualism, jurisprudence, semantic shift, terminography.

В условиях глобализации и активного международного взаимодействия юридическая коммуникация все чаще выходит за рамки одного языка и одной правовой системы. В этих условиях возрастает значимость точного и взаимопонимаемого перевода юридических текстов. Однако перевод юридических терминов между разными языками и правовыми системами – задача крайне сложная, особенно когда речь идет о таких структурно и культурно отличающихся языках, как английский и узбекский. Юридический язык представляет собой особый функциональный стиль, обладающий высокой степенью терминологической насыщенности, формализации и абстрактности [Левицкий 2016: 28]. Понимание юридических терминов требует знания не только языка, но и правовой системы, в которой они функционируют. Различия между англо-американским прецедентным правом и континентальной системой, к которой ближе узбекское право, отражаются в юридической терминологии. Соответственно, перевод таких терминов требует не просто лексической замены, а глубокого семантического осмысления и концептуального сопоставления [Гаврилова 2000: 96].

Рассмотрим, к примеру, термин *"equity"* в английском праве. Он уходит корнями в историю развития английской правовой системы и обозначает совокупность норм, которые применялись в суде справедливости (Court of Equity), параллельно с нормами общего права. Узбекский язык не имеет прямого эквивалента для этого термина, поскольку в правовой системе Узбекистана отсутствует институт *equity* как отдельной категории [Аъзамходжаева 2015: 114]. При переводе либо используется описательная конструкция (например, *adolat tamoyillari asosida chiqarilgan qaror* – "решение, вынесенное на основе принципов справедливости"), либо термин теряет часть своей семантической нагрузки [Ибрагимова 2020: 48]. Другой пример – английское *"tort"*, которое означает деликт, то есть гражданское правонарушение, влекущее за собой компенсацию ущерба. В узбекском языке используется термин *"delikt"* или *"fuqaroviy huquqbuzarlik"*, но ни один из них не является прямым эквивалентом [Хаитов 2012: 73]. В русском языке принято использовать заимствованный термин «деликт», но даже он не полностью охватывает значение английского *"tort"*, особенно учитывая различия в классификации правонарушений в разных системах.

Таким образом, возникает проблема семантической интероперабельности – способности юридических терминов сохранять свою смысловую идентичность при переходе от одной правовой и языковой системы к другой. Отсутствие прямых эквивалентов, культурные и концептуальные различия создают риск неверного понимания, юридической ошибки или смысловой потери [Алексеев 2010: 21]. Сложности усиливаются в случае терминов с высокой степенью абстракции, таких как *"due process"* (англ.) – *konstitutsiyaviy protsessual kafolatlar* (узб.) или *"rule of law"* – *huquq ustuvorligi*. Эти конструкции несут не только юридическую, но и идеологическую нагрузку. Их перевод требует не только языковой адаптации, но и глубокой концептуализации [Раҳмонов 2021: 84].

Проблема осложняется тем, что в межкультурной юридической коммуникации традиционно используются два основных подхода: эквивалентность (*equivalence*) и функциональность (*functionalism*). Однако в случае англо-узбекского юридического перевода оба метода оказываются ограниченными. Эквивалентность страдает из-за отсутствия соответствующих понятий в целевой системе, а функциональный подход может привести к потере юридической точности. В связи с этим возникает необходимость в более точных и научно обоснованных методах сопоставления терминов [Добров 2006: 63]. Одним из современных решений является онтологическое моделирование, при котором юридические термины сопоставляются не напрямую, а через общее понятийное пространство (онтологию). Такой подход позволяет выстраивать семантические связи между терминами разных языков на основе их правовой сущности, контекста применения и системных связей [Попова 2007: 49].

Онтология в юридическом переводе – это не просто словарь или глоссарий. Это структурированная модель, описывающая сущности и отношения между ними в правовой сфере [Зверев 2017: 84]. Например, термин *"contract"* может быть представлен в онтологии как объект с обязательными атрибутами: стороны, предмет, форма, последствия нарушения. В узбекском языке этот термин передается как *"shartnoma"*, и несмотря на общее значение, различия в правовой доктрине (например, в части форм заключения сделки) могут быть зафиксированы в модели [Тожиев 2017: 152]. Построение двуязычной онтологии (англо-узбекской) требует анализа юридических источников, законодательства, судебной практики и специализированной литературы. Это позволяет выявить как совпадающие концепты, так и уникальные элементы каждой системы. Например:

Trust (англ.) – в узбекском праве как института не существует. Следовательно, он может быть описан онтологически как "правовой механизм управления имуществом от имени бенефициара", но без прямого эквивалента [Раҳимова 2022: 73].

Ijara (узб.) – в английском языке может быть переведено как *"lease"*, но с учетом различий в арендных отношениях, сроках, формах договоров и праве собственности [Абдуллаева 2023: 92].

Таким образом, онтологический подход позволяет создать семантический мост между двумя правовыми системами, обеспечивая более точный перевод, юридическую достоверность и минимизацию смысловых искажений. Это особенно важно в условиях растущей роли многоязычного законодательства, международных договоров и трансграничных юридических взаимодействий. Настоящее исследование направлено на разработку и апробацию такой модели

применительно к английскому и узбекскому языкам. В центре внимания – выявление лексико-семантических закономерностей, трудностей перевода, а также проектирование прототипа онтологической модели, способной обеспечить интероперабельность в правовой коммуникации [Моисеев 2019: 82].

Перевод юридической терминологии между двумя языками с разными правовыми системами, как английский и узбекский, представляет собой особую задачу, требующую междисциплинарного подхода. Теоретической базой настоящего исследования являются концепции семантической интероперабельности, лексико-семантического анализа, а также онтологического моделирования как метода обеспечения точной передачи юридических значений.

Семантическая интероперабельность в юридическом контексте

Семантическая интероперабельность – ключевое понятие современной юридической лингвистики, терминоведения и прикладной компьютерной лингвистики. Под этим термином понимают способность юридических понятий, категорий и терминов сохранять свое исходное содержание при «перемещении» между различными языковыми и правовыми системами. Проще говоря, речь идет о том, чтобы участники коммуникации, принадлежащие к разным юрисдикциям и говорящие на разных языках, одинаково понимали смысл обсуждаемых юридических явлений, не искажая их сущностных характеристик. В эпоху глобализации активизировались международные договоры и многоязычное законодательство, появились трансграничные корпорации, а национальные суды все чаще обращаются к иностранным прецедентам [Реймерс 2018: 42]. В этих условиях даже незначительное расхождение в толковании термина способно породить серьезные правовые и финансовые риски. Ошибочная трактовка одного понятия может привести к двойному налогообложению, признанию контракта недействительным или к неверному исполнению судебного решения в другом государстве.

Кроме того, стремительная цифровизация права (legal tech, электронная регистрация сделок, смарт-контракты) предполагает, что документы автоматически обрабатываются машинами, которые не обладают социокультурным контекстом [Мельчакова 2021: 28]. Следовательно, они требуют максимально четких и формализованных определений, иначе «семантический разрыв» приведет к сбоям в работе алгоритмов – от автоматического извлечения ключевых положений договора до многоязычного поиска нормативных актов.

Язык	Эквивалент	Примечание
English	consideration	Обязательный элемент, «что-то ценное», предоставляемое стороной в обмен на обещание
Uzbek	shartnoma uchun kompensatsiya / qarama qarshi majburiyat	Описательный перевод; концепт как самостоятельный юридический институт отсутствует
Русский	встречное удовлетворение	Термин используют юристы для пояснения положения английского права

В общем праве (common law) *consideration* служит краеугольным элементом, подтверждающим возмездность и тем самым юридическую силу договора. Если обещание подкреплено «чем-то ценным» (деньгами, товаром, услугой), обязательства сторон становятся исполнимыми. В континентальных правовых системах – к которым относится и узбекское право – договор считается действительным, когда есть согласие сторон (consensus) и законное основание (causa), а категория «встречного удовлетворения» не фигурирует как отдельная предпосылка [Лопатин 2013: 37]. При буквальном, «один-к-одному» переводе *consideration* на узбекский язык мы либо рискуем ввести термин, не имеющий правового содержания для адресата, либо заменяем его общими словами (kompensatsiya, majburiyat), утрачивая критические нюансы. Чтобы добиться семантической интероперабельности, переводчик и терминолог обязаны:

1. Определить функциональную роль концепта в системе-источнике.
2. Найти или сконструировать функциональный эквивалент в системе-приемнике.
3. Снабдить перевод пояснением о системных различиях (комментарий, глоссарий, онтологическая ссылка).

Пути достижения интероперабельности

Комплексный лексико-семантический анализ. Нужно описать не только словарное значение, но и правовой контекст, типичные коллокации (valuable consideration, past consideration), а также противопоставления (gift vs. consideration).

Функционально-сопоставительный метод. Термин переводится не по форме, а по выполняемой им правовой функции. В узбекском праве аналогом части функций *consideration* может выступать «встречное предоставление» (qarama-qarshi majburiyat), но важно подчеркнуть, что его отсутствие не делает договор недействительным.

Онтологическое моделирование. Создание формализованной модели, в которой узбекский и английский термины привязываются к абстрактной сущности «возмездность договора». Онтология фиксирует взаимосвязи (атрибуты, ограничения, связи с другими понятиями), позволяя машинам и людям однозначно интерпретировать концепт.

Многоязычные справочные ресурсы. Глоссарии, тезаурусы и юридические базы данных с пояснительными заметками и примерами обеспечивают единообразие трактовки термина в официальных переводах нормативных актов или международных соглашений [Шатило 2012: 81].

Последствия игнорирования семантической интероперабельности

Договорные споры. Отсутствие ясного эквивалента *consideration* может привести к тому, что английская сторона признает контракт недействительным, ссылаясь на отсутствие «ценного встречного удовлетворения», в то время как узбекская сторона будет настаивать на действительности договора по нормам своего права.

Неправильное определение юрисдикции. Различия в понятиях «подсудность» (jurisdiction) и yurisdiktsiya могут привести к

ошибочному выбору суда.

Неточности в законодательстве. В двуязычных законопроектах ненадлежащий перевод ключевого термина искажает волю законодателя на одном из языков и создает лазейку для противоречивого толкования [Хомский 1972: 41].

Семантическая интероперабельность – не абстрактная лингвистическая категория, а практический механизм обеспечения юридической безопасности. Для ее достижения требуются лингвистические знания, правовая экспертиза и современные технологии (корпусный анализ, онтологии, машинный перевод). Без комплексного подхода невозможно гарантировать, что международные договоры, двуязычные законы и трансграничные контракты будут функционировать так, как задумано их авторами [Сапир 1993: 94].

Онтологическое моделирование как средство обеспечения точности перевода

Юридический перевод между языками с различными правовыми традициями, такими как английский и узбекский, представляет собой сложный процесс, при котором прямой лексический эквивалент часто отсутствует [Винокур 2003: 52]. В таких условиях традиционные методы перевода оказываются недостаточными для точной передачи значения и правового статуса терминов. Одним из современных решений данной проблемы становится онтологическое моделирование, позволяющее создать концептуальные соответствия между терминами на основе их функций и структурных связей в правовых системах.

Онтология в юридической лингвистике представляет собой структурированную модель знаний, отражающую сущности, категории и взаимосвязи, присущие конкретной правовой системе [Мизин 2008: 104]. В контексте перевода онтология выполняет роль интерпретативного слоя, который позволяет не просто сопоставлять слова, но и устанавливать их понятийную эквивалентность. Это особенно важно при наличии различий в правовых институтах, понятийных объемах и культурно-правовом контексте.

В онтологической модели каждый термин описывается через:

- атрибуты (характеристики термина),
- иерархию (соподчиненные и надсистемные категории),
- связи (отношения с другими терминами),
- контекст применения (сфера действия, правовая ситуация, участники правоотношений).

Пример 1: английский термин trust

В англосаксонском праве термин *trust* обозначает особую форму распоряжения имуществом, при которой одна сторона (*settlor*) передает имущество другой стороне (*trustee*), чтобы та управляла им в интересах третьей стороны (*beneficiary*). С этим понятием связаны также такие юридические категории, как *fiduciary duty* (доверительная обязанность) и *equitable ownership* (справедливое право собственности) [Пиперски 2020: 53].

Атрибуты термина *trust*:

- settlor* – учредитель доверительного управления,
- trustee* – доверительный управляющий,
- beneficiary* – выгодоприобретатель,
- property* – объект управления,
- fiduciary duty* – обязанность действовать в интересах другого лица.

Узбекский эквивалент: узбекская правовая система не имеет полной функциональной аналогии *trust*, однако описательный эквивалент может быть сформулирован как *ishonchli boshqaruv asosida mulkni boshqarish tizimi* (система управления имуществом на основе доверия). Такое соответствие не является буквальным, но с помощью онтологии возможно установить логические связи между концептами двух систем, выделить общие и различающиеся элементы [Кузнецова 2011: 87].

Пример 2: узбекский термин vasiyatnoma

С другой стороны, термин *vasiyatnoma* в узбекском праве обозначает документ, в котором лицо выражает свою последнюю волю относительно распределения имущества после смерти. Это понятие можно соотносить с английскими терминами *will* или *testament*, применяемыми в английском наследственном праве [Власенко 2015: 85].

Онтологическая структура для термина *vasiyatnoma* / *will*:

- тип объекта: документ (*document*),
- правовое событие: смерть завещателя (*death event*),
- действие: распределение имущества (*asset distribution*),
- участники: наследники, исполнители, государство (*legal heirs, executor, state*).

Хотя между терминами *vasiyatnoma* и *will* существует общее смысловое поле, их процедурные аспекты могут отличаться: формы оформления, условия действительности, полномочия исполнителей и пр. Онтологическое моделирование позволяет представить эти различия формализованно и тем самым обеспечить контекстуально адекватный перевод.

Онтологическое моделирование имеет ряд неоспоримых преимуществ при переводе юридической терминологии [Гальперин 2004: 36]:

- Точная передача понятийной структуры: даже при отсутствии лексического эквивалента возможно установить функциональную параллель.
- Выявление различий в правовых системах: помогает осознанно подходить к выбору переводческого решения.
- Поддержка многоязычных информационных систем: онтологии используются в электронных базах данных, правовых ИТ-платформах и системах автоматизированного перевода.
- Формирование единой терминологической базы: онтология может быть расширяема и использоваться для перевода не только между английским и узбекским, но и другими языками.

Таким образом, онтологическое моделирование представляет собой инновационный инструмент, позволяющий не просто перевести юридический термин, но и встроить его в соответствующую правовую систему с учетом всех концептуальных нюансов. Это особенно важно для точности правовой коммуникации в условиях глобализации, цифровизации и правовой интеграции.

Примеры понятий, требующих онтологического сопоставления

Английский термин	Узбекский эквивалент	Примечания
injunction	sud buyrug'i / taqiqlovchi qaror	Разное понимание механизма ограничения действия стороны
plea bargain	kelishuv asosida jazoni belgilash	Не существует в узбекском УПК как отдельный институт
public defender	davlat himoyachisi	Частично схож, но требует уточнения о процессе назначения
statute of frauds	shartnomalarning yozma shaklga bog'liqligi	Нет прямого эквивалента – требует описательного перевода
tort	fuqaroviy huquqbuzarlik / zarar yetkazish	В англосаксонской системе отдельный институт, в Узбекистане – нет
common law	sud amaliyoti asosida huquq	Отсутствует в узбекской системе; требует объяснения модели права
equity	adolat tamoyili asosida qaror qabul qilish	Концепт справедливости не имеет формального статуса в Узбекистане
trust	ishonchli boshqaruv / mulkni boshqarish	Отсутствует как отдельный институт в узбекском праве
bail	kafillik / garov asosida qo'yib yuborish	Частично совпадает, но различается в применении и процедуре
double jeopardy	bir jinoyat uchun ikki marta jazolab bo'lmaslik	Аналог есть, но различия в сфере применения
probation	sinov muddati	Формально есть, но процедуры различаются
grand jury	katta hakamlar hay'ati	Нет института присяжных в Узбекистане – требуется описание
mens rea	jinoyat niyati / ruhiy holat	Прямого термина нет; необходимо семантическое моделирование
estoppel	inkor etish huquqining yo'qligi	Сложный доктринальный концепт; отсутствует в узбекском праве
pleading	davo arizasi va rad etish bayonotlari	В Узбекистане другой формат судебных представлений

Проблема семантической интероперабельности в юридическом переводе между английским и узбекским языками требует системного подхода, который выходит за рамки традиционного словарного соответствия. Анализ лексико-семантических особенностей терминов показывает, что многие ключевые понятия англосаксонской правовой системы не имеют прямых эквивалентов в узбекском праве, что затрудняет адекватную передачу смысла. Онтологическое моделирование позволяет выявить скрытые концептуальные различия и выстроить более точные соответствия между терминами за счет описания их сущностных характеристик и ролевых связей в правовой системе. Это особенно важно для обеспечения точности юридического перевода, правовой интерпретации и формирования двуязычных баз данных. Таким образом, интеграция онтологических подходов в юридическую лингвистику и переводоведение представляет собой перспективное направление для повышения качества межъязыковой правовой коммуникации и способствует дальнейшему развитию правовой информатики и цифровизации правовых знаний.

Литература

- Абдуллаева Н. А. Хуқуқий таржимада семантик интероперабельлик муаммолар. Тошкент, 2023.
 Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2010.
 Аъзамходжаева Ш. А. Хуқуқий лингвистика: назарий ва амалий масалалар. Ташкент, 2015
 Винокур Т. Г. Юридическая терминология: язык и стиль. М., 2003.
 Власенко Н. А. Особенности юридического перевода: Теория и практика. М., 2015.
 Гаврилова Т. А., Коровкин А. В. Базы знаний: теория и практика. СПб., 2000.
 Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 2004.
 Добров Г. М. Онтологии в информатике. Новосибирск, 2006.
 Зверев В. И. Онтологическое моделирование в праве. М., 2017.
 Ибрагимова М. Б. Юридик матнлар таржимаси: лингвистик ва прагматик ёндашувлар. Ташкент, 2020.
 Кузнецова И. М. Юридический перевод: методология и практика. М., 2011.
 Левицкий А. А. Терминосистема права: структура, семантика, перевод. Киев, 2016.
 Лопатин В. В. Язык права: норма и употребление. М., 2013.

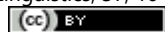
- Мельчакова И. А. Англо-русский юридический перевод: проблемы и решения. М., 2021.
 Мизин В. М. Онтология и язык: философско-лингвистический подход. Казань, 2008.
 Моисеев А. В. Теория правового перевода. М., 2019.
 Пиперски А. Языки и модели мира. М., 2020.
 Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивный подход к языку. Воронеж, 2007.
 Раҳимова Д. Ш. Қиёсий ҳуқуқ: анъаналар ва замонавий ёндашувлар. Тошкент, 2022.
 Раҳмонов У. Таржимада ҳуқуқий атамаларнинг эквивалентлиги муаммолари. Тошкент, 2021.
 Реймерс Н. Ю. Перевод и интеркультуральность в правовом дискурсе. М., 2018.
 Сипир Э. Язык: Введение в изучение речи. М., 1993.
 Тоҳиев Н. Н. Ўзбек ҳуқуқий нутқининг услубий хусусиятлари. Тошкент, 2017.
 Хаитов Ш. Т. Ўзбек тилида ҳуқуқий терминлар тизими. Ташкент, 2012.
 Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
 Шатило Е. Ю. Лингвистические основы юридического дискурса. СПб., 2012.

References

- Abdullaeva, N. A. (2023). Semantic interoperable problems in legal translation. Tashkent.
 Alekseev, S. S. (2010). General Theory of Law. Moscow (in Russian).
 Azamkhodjaeva, Sh. A. (2015). Legal linguistics: knowledge and skills. Tashkent.
 Chomsky, N. (1972). Aspects of the theory of syntax. Moscow (in Russian).
 Dobrov, G. M. (2006). Ontologies in Informatics. Novosibirsk (in Russian).
 Galperin, I. R. (2004). Essays on the Stylistics of the English Language. Moscow (in Russian).
 Gavrilova, T. A., Korovkin, A. V. (2000). Knowledge bases: theory and practice. St. Petersburg (in Russian).
 Ibragimova, M. B. (2020). Legal studies: linguistic and pragmatic approaches. Tashkent.
 Khaitov, Sh. T. (2012). Uzbek language collection of legal terms. Tashkent.
 Kuznetsova, I. M. (2011). Legal Translation: Methodology and Practice. Moscow (in Russian).
 Levitsky, A. A. (2016). The terminology system of law: structure, semantics, translation. Kyiv (in Russian).
 Lopatin, V. V. (2013). Language of law: norm and usage. Moscow (in Russian).
 Melchakova, I. A. (2021). English-Russian legal translation: problems and solutions. Moscow (in Russian).
 Mizin, V. M. (2008). Ontology and Language: Philosophical and Linguistic Approach. Kazan (in Russian).
 Moiseev, A. V. (2019). Theory of legal translation. Moscow (in Russian).
 Piperski, A. (2020). Languages and Models of the World. Moscow (in Russian).
 Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). Cognitive Approach to Language. Voronezh (in Russian).
 Rakhimova, D. Sh. (2022). Comparative law: Traditions and modern trends . Tashkent.
 Rakhmonov, U. (2021). Equivalence problems of legal terms in translation. Tashkent.
 Reimers, N. Yu. (2018). Translation and interculturality in legal discourse. Moscow (in Russian).
 Sapir, E. (1993). Language: Introduction to the Study of Speech. Moscow (in Russian).
 Shatilo, E. Yu. (2012). Linguistic foundations of legal discourse. St. Petersburg (in Russian).
 Tozhiev, N. N. (2017). Service features of Uzbek legal speech. Tashkent.
 Vinokur, T. G. (2003). Legal Terminology: Language and Style. Moscow (in Russian).
 Vlasenko, N. A. (2015). Features of Legal Translation: Theory and Practice. Moscow (in Russian).
 Zverev, V. I. (2017). Ontological Modeling in Law. Moscow (in Russian).

Citation:

- Хужакулов С. А. Семантическая интероперабельность в юридическом переводе: преодоление разрыва между английским и узбекским языками с помощью онтологического моделирования // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 16-21.
 Khujakulov S. A. (2025) Semantic Interoperability in Legal Translation: Bridging the English-Uzbek Divide through Ontological Modeling. Legal Linguistics, 37, 16-21.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Конфликтогенный потенциал жанров деловой коммуникации (на материале спорных текстов)

Т. В. Чернышова

Алтайский государственный университет

ул. Димитрова, 66, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: chernyshova@filo.asu.ru

Объектом рассмотрения в данной статье являются особенности функционирования текстов на государственном языке РФ в их официально-правовой разновидности в юрислингвистическом освещении, предметом – конфликтный потенциал этих текстов, созданных на основе официально-делового стиля современного русского языка. Целью исследования является выявление и типологизация на основе обобщения данных лингвоэкспертной практики наиболее конфликтопровоцирующих жанров официально деловой коммуникации, причин коммуникативных неудач разработчиков законодательных и создателей административных текстов, конфликтный потенциал которых, заложенный на стадии разработки, становится помехой их эффективного функционирования в социуме, а также способы их минимизации в реальной правоприменительной практике. Материал исследования – более 20 спорных текстов официально-деловой сферы разных уровней, прошедших через процедуру лингвистического исследования в негосударственных экспертных организациях Алтайского края. Текстовый материал проанализирован на основе комплексного лингвистического анализа, включающего метод смыслового и структурно-логического анализа высказывания, приемы интерпретации смысла и толкования значений элементов высказывания, а также метод лингвистического анализа, способствующий определению контекстуального значения языковых единиц, используемых в высказывании, их лексико-семантических, грамматических и синтаксических свойств и функций. Обращение к региональной и общероссийской практике лингвистического исследования законодательных и административно-управленческих текстов, а также обзорам судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел, связанных с интерпретацией спорного фрагмента текста законодательного акта, позволило выявить жанровые разновидности документов, реализовавших в ходе применения конфликтный потенциал (85 % – тексты административных жанров, 5 % – законодательные; 10 % – «полуофициальные» тексты, созданные частными лицами и не обладающие официальным статусом), определить причины, снижающие эффективность законодательных текстов. Среди наиболее актуальных – отсутствие ориентации разработчиков на фактор адресата, игнорирование многозначности возможной интерпретации громоздких конструкций законодательных текстов, допущение разных вариантов закрепления нормы закона в процессе его использования, что открывает возможности трактовки документа в повседневной практике.

Ключевые слова: язык государственного управления, официально-деловой стиль, жанры деловой коммуникации, речевой конфликт, лингвистическая экспертиза.

Conflict-Generating Potential of Business Communication Texts (Case Study of Controversial Texts)

T. V. Chernyshova

Altai State University

66 Dimitrova St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: chernyshova@filo.asu.ru

The object of consideration in this article is the peculiarities of functioning of texts in the state language of the Russian Federation in their official-legal variety in legal-linguistic coverage, the subject is the conflict potential of these texts created on the basis of the official style of the modern Russian language. The purpose of the study is to identify and typologize, based on the generalization of data from linguo-expert practice, the most conflict-provoking genres of official communication, the reasons for the communicative failures of developers of legislative and creators of administrative texts, the conflict potential of which, laid down at the development stage, becomes an obstacle to their effective functioning in society, as well as ways to minimize them in real law enforcement practice. The material of the study is more than 20 controversial texts of the official sphere of different levels that have undergone the procedure of linguistic research in non-governmental expert organizations of Altai Krai. The text material was analyzed based on a comprehensive linguistic analysis, including the method of semantic and structural-logical analysis of the statement, techniques for interpreting the meaning and construal of the meanings of the elements of the statement, as well as the method of linguistic analysis that helps to determine the contextual meaning of language units used in the statement, their lexical-semantic, grammatical and

syntactic properties and functions. Reference to the regional and national Russian practice of linguistic research of legislative and administrative-managerial texts, as well as reviews of judicial practice on issues arising during the consideration of cases related to the interpretation of a controversial fragment of the text of a legislative act, made it possible to identify genre varieties of documents that have realized conflict potential during their application (85 % – texts of administrative genres, 5 % – legislative; 10 % – "semi-official" texts created by private individuals and lacking official status.), and to determine the reasons that reduce the effectiveness of legislative texts. Among the most pressing is the failure of developers to focus on the addressee, ignoring the ambiguity of possible interpretation of bulky constructions of legislative texts, admissible alternatives for securing the norm of the law in the process of its implementation, which leads to interpreting the document in everyday practice.

Key words: language of public administration, official style, genres of official communication, speech conflict, linguistic expertise.

Введение

Данное исследование посвящено изучению проблем функционирования русского языка прежде всего как «**государственного** языка Российской Федерации на всей ее территории» [О государственном языке Российской Федерации": ст. 1 URL]. Объектом рассмотрения являются особенности функционирования текстов на государственном языке РФ в их официально-правовой разновидности в лингвоэкспертном освещении, предметом – конфликтный потенциал этих текстов, созданных на основе официально-делового стиля современного русского языка.

Прежде чем перейти к описанию предмета исследования, уточним понятия «государственный язык», «современный русский литературный язык», «официальный язык» и определим лингвоправовой статус исследуемых текстов для обоснования лингвистических процедур их изучения.

Определение термина «**государственный язык**», содержащееся в Большой российской энциклопедии, трактует его как «язык, пользующийся в государстве законодательным статусом (в соответствии с конституцией или особым законом) обязательного в употреблении в официальных сферах жизни. Выполняет интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной областях» [Государственный язык URL]. Вслед за С. А. Беловым и М. Н. Кропачевым мы полагаем, что «государственный язык – это правовая, а не лингвистическая и не лингвометодическая категория» [Белов, Кропачев 2020: 4], и соглашаемся с мнением О. В. Мякшевой и О. Б. Сиротининой в том, что современный русский литературный язык как государственный язык РФ – «это не форма, тем более не разновидность языка, это его официальный статус» [Мякшева, Сиротинина 2019: 23]. Не вызывает сомнения и то, что, ввиду указанного статуса государственного языка, «... функции обеспечения общего коммуникативного пространства государственный язык выполняет, обращаясь к лингвистической категории "стандартного" (литературного) языка, исходя из того, что именно эта часть национального (в лингвистическом значении) языка может обеспечить эффективную коммуникацию между представителями разных языковых сообществ» [Белов, Кропачев 2020: 16].

Одним из важных различий государственного и литературного языка является сфера функционирования; по мнению исследователей, обязательное применение русского языка как государственного языка РФ должно быть закреплено «например, в официально-документальной сфере» [Мякшева, Сиротинина 2019: 23] – то есть в сфере официального делового общения, поскольку «... нормированность государственного языка – кодифицированная, а не только узальная, как в остальных стратах», то есть его нормативность официально зафиксирована «в учебниках и словарях/справочниках» [Мякшева, Сиротинина 2017: 83]. Обсуждая Закон о государственном языке, исследователи утверждают, что он «закрепляет статус литературного русского языка как государственного ... в силу присущей ему полифункциональности и нормативности, которые позволяют его использование на всей территории страны в любой сфере общения» [Мякшева, Сиротинина 2017: 83].

Таким образом, государственный язык – это прежде всего язык, функционирующий в официально-деловой сфере, иначе – официальный язык государственного управления, законодательства, судопроизводства; «... на государственном (официальном) языке (языках) публикуются законы, иные официальные документы, его используют при работе органы государственной власти и местного самоуправления, при осуществлении иных официальных действий» [Государственный язык URL], то есть официальный язык, «имеющий привилегированный правовой статус в государстве или международных организациях, в международной сфере деятельности [Орешкина 2020: 124-125], используемый в официальных сферах деятельности не только в письменной, но и в устной форме в различных предусмотренных законодательством случаях [Сферы использования государственного языка Российской Федерации: ст. 3 URL].

Таким образом, правовой статус русского литературного языка как государственного, используемого в официально-деловой сфере деятельности, обуславливает создание особой единицы деловой коммуникации – делового текста, основу которого составляет официально-деловой стиль, определяющий в данной сфере деятельности «назначение, тип содержания, цели и задачи общения» [Сологуб 2008: 13]; «... Цели и задачи стиля... – выражение предписаний государства, органа, уполномоченного лица, констатация статуса, ... положения дел в указанной сфере» (цит. по [Сологуб 2008: 13]). Не случайно О. В. Мякшева и О. Б. Сиротинина отмечают, что пристальное внимание законодателей к разнообразным сферам официально-делового и публичного общения в статье 3 Закона о русском языке [Сферы использования государственного языка Российской Федерации: ст. 3 URL] обусловлено необходимостью «тщательно следить за соблюдением нормативности во избежание коммуникативных неудач, которые в официальных ситуациях общения недопустимы и даже опасны» [Мякшева, Сиротинина 2019: 23].

Целью исследования является выявление и типологизация на основе обобщения данных лингвоэкспертной практики наиболее конфликтопровоцирующих жанров официально деловой коммуникации, причин коммуникативных неудач разработчиков законодательных и создателей административных текстов, конфликтный потенциал которых, заложенный на

стадии разработки, становится помехой их эффективного функционирования в социуме, а также способы их минимизации в реальной правоприменительной практике.

Материал и методы исследования

Материал исследования – более 20 спорных текстов официально-деловой сферы разных уровней, прошедших через процедуру лингвистического исследования в экспертных организациях Алтайского края. Методы исследования: комплексный лингвистический анализ спорных текстов, включающий в себя метод смыслового и структурно-логического анализа высказывания, приемы интерпретации смысла и толкования значений элементов высказывания; метод лингвистического анализа, способствующий определению контекстуального значения языковых единиц, используемых в высказывании, их лексико-семантических, грамматических и синтаксических свойств и функций.

Результаты исследования

Тексты официально-делового стиля – сложноорганизованная открытая система, возникновение и развитие которой зависит от процессов развития государства, аспектов регулирования общественных отношений на основе правовых норм. Поскольку одной из задач нашего исследования было выявление наиболее конфликтогенных жанров текстов деловой коммуникации, то для описания спорных текстов был выбран жанрово-видовой критерий, опирающийся на ряд параметров юридической практики (правотворческой, судебной, административной).

По замечанию С. П. Кушнерука, «...основным критерием оценки делового документа является его эффективность» [Кушнерук 1999: 64] в той сфере, где он функционирует. Оценка официально-деловых документов базируется на основе экстралингвистических (1) и интралингвистических (2) принципов: к **первым** относятся: сфера функционирования документов (основной критерий); уровень полномочий и ответственности; место составления и сфера обращения; технические характеристики документа; его темпоральные характеристики (время действия, содержательные особенности, форма документа) [Кушнерук 1999: 65-66], ко **вторым** – лингвистические особенности документов (композиционные, лексико-семантические, морфолого-синтаксические) [Кушнерук 1999: 66-67]. К формальным требованиям исследователи также относят «степень жесткости документов, регулирующих форму и содержательные особенности текстов официально-делового стиля» [Кушнерук 1999: 68]. Общим свойством при составлении документов официально-делового стиля, направленным на достижение жанровой цели, является их соответствие нормативно-правовым актам, различающимся по степени жесткости. Например, в законодательных текстах-предписаниях, «устанавливающих нормы жизни в государстве», как отмечает Л. Р. Дускаева, волеизъявление реализуется как «вменение в обязанность, запрет или разрешение. Императив в этих жанрах особенно строг, развернут и обобщен, действует как указание на норму поведения в обществе..., на юридическую ответственность в определенных обстоятельствах и условиях» [Дускаева 2011: 98]. Напротив, императивность в административной сфере, по мнению исследователя, значительно ниже: требования выражены менее категорично, более проявлено личностное начало в изложении содержания документа [Дускаева 2011: 99]. На основании изложенных параметров спорные деловые тексты разной степени императивности, относящиеся к разным подстилям официально-деловой речи, были распределены в 2 группы.

В первую группу вошли жанровые разновидности спорных текстов, актуализирующие **стиль правовых актов (правотворческого, праворегулирующего, законодательного)**: жанры закона, кодекса, постановления правительства, например Федеральный закон от 29.07.2017 N 217-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (лингвистическое исследование пункта 7 статьи 14. Взносы членов товарищества); Налоговый кодекс РФ (Ст. 59 часть 1); Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024), ст. 963. Последствия наступления страхового случая по вине страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица); «Правила недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг», утвержденные постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. N 861 (Пункт 8).

Во вторую, более многочисленную группу, вошли жанровые разновидности спорных текстов, актуализирующие **стиль административных актов (правоприменительного, административного, управленческого)**, – чаще провоцирующие конфликтную ситуацию в связи с разнообразием форм деятельности, которые они охватывают:

а) **предписания** (договоры, государственные контракты, должностные инструкции, уставы, служебные письма), например: тексты трех Договоров займа от 18.05.2012, 21.05.2012, 24.05.2012; Договор поставки № 21/03/22/2 от 21 марта 2022 г.); Государственный контракт № 5466425 на выполнение подрядных и строительных работ для государственных нужд от 19 октября 2007г.; «Инструкции о порядке проведения профессиональной гигиенической подготовки...» от 29.06.2000 №229; письмо Министерства здравоохранения РФ от 07 августа 2000 г. № 1100/2196-011) «Примерный перечень профессий должностных лиц и работников организаций, деятельность которых связана с производством, хранением...», Устав санатория «Барнаульский» и др.;

б) **ходатайства** (жанр заявления), например: Заявление об отказе от обязательной доли наследственного имущества от 02.08.2021;

в) **осведомления** (характеристика), например: Служебная характеристика от 13.07.2012; Характеристика бывшего работодателя, запрошенная по новому месту работы, и др.

К этой же группе осведомляющих жанров примыкают полуофициальные документы: неофициальные записки о наследовании; рукописные личные письма, также ставшие объектом лингвистического исследования.

Причины языковых конфликтов, связанных с функционированием официально-деловых текстов, исследованы Н. Д. Голевым [Голев 2008: 139-141]. Описывая естественный язык как средство юридической деятельности, Н. Д. Голев отмечает, что он используется и в законотворческой деятельности (при создании законов и других юридических документов), и в деятельности правоприменительной (при толковании текстов закона и других юридических документов): обе сферы «служат источником языковых конфликтов, возникающих в силу особенностей естественного языка: его

антиномического бытия, стихийности законов существования, полевого устройства семантики языковых единиц, вступающих в противоречие с требованием жесткой семантизации юридического текста» [Голев 2008: 139]. Конфликтный потенциал деловых текстов при этом обусловлен несовпадением «их лингвистических и юридических презумпций: с одной стороны, множественность интерпретации для естественного языка является объективным механизмом его функционирования, а с другой – активно действует стремление к ее преодолению в юридическом языке» [Голев 2008: 140].

Для минимизации подобных конфликтов при создании законодательных текстов проводится лингвистическая экспертиза законопроектов и других важных официальных документов, определение которой закреплено «в части 7 статьи 121 Регламента Государственной Думы» [Батюшкина, Чернышова 2024: 94]; при толковании текстов уже принятых законов, ставших объектом судебного разбирательства, привлекаются специалисты, обладающие лингвистическими познаниями.

Таким образом, чаще всего в зону правового спора попадают тексты административных жанров (85 %) и только 5 % – жанры правовых актов, что, конечно, вполне объяснимо: согласно исследованиям специалистов [Кушнерук 1999; Батюшкина 2016], правовые тексты, тексты законов и подзаконных актов проходят многоуровневую экспертизу: «эксперт-лингвист должен анализировать и оценивать текст законопроекта в двух аспектах: лингвистическом (проверять текст на соответствие нормам русского языка, особенностям официально-делового стиля, оценивать логику построения текста) и юридическом (проверять единообразие и точность употребления терминологии, соблюдение требований юридической техники, а также выявлять законодательные ошибки)» [Батюшкина 2016: 26]. Даже если разного рода логические, языковые ошибки и неточности можно выявить в текстах правовых актов – и их там немало встречается, согласно исследованиям К. А. Аркаевой, О. В. Белянской, Н. В. Белоконов, Ю. Ю. Багровой и др. [Аркаева 2023; Белянская 2019; Багрова 2018; Белоконов 2016], – оспорить их в судебном порядке практически невозможно.

В то же время коммуникативные неудачи законодателей хорошо иллюстрирует обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел, связанных с интерпретацией спорного фрагмента текста законодательного акта.

Рассмотрим ее на примере Федерального закона от 29.07.2017 N 217-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Федеральный закон от 29.07.2017 N 217-ФЗ URL] (лингвистическое исследование пункта 7 статьи 14. Взносы членов товарищества проведено автором 25 июля 2025 г. на основании частного обращения).

Оспариваемый сторонами фрагмент Федерального закона от 29.07.2017 N 217-ФЗ (ред. от 20.03.2025), содержащийся в пункте 7 статьи 14. Взносы членов товарищества, приведен ниже:

7. В случаях, предусмотренных уставом товарищества, размер взносов может отличаться для отдельных членов товарищества, если это обусловлено различным объемом использования имущества общего пользования в зависимости от размера садового или огородного земельного участка и (или) суммарного размера площади объектов недвижимого имущества, расположенных на таком земельном участке, или размера доли в праве общей долевой собственности на такой земельный участок и (или) расположенные на нем объекты недвижимого имущества.

В «Обзор судебной практики за 2014 и 2020 гг.», составленный экспертом службы Правового консалтинга ГАРАНТ, включены 3 примера: «Обзор судебной практики ... за 2010-2013 год» об определении размера взносов членов некоммерческих садово-огородных товариществ в зависимости от площади земельного участка, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 2 июля 2014 г., и два Определения СК по гражданским делам кассационных судов общей юрисдикции от 17 декабря 2020 г. и от 28 мая 2020 г.

Два из названных документов: Обзор Президиума Верховного Суда РФ от 2 июля 2014 г. и Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17 декабря 2020) трактуют содержание фрагмента ст. 7 одинаково, дословно приводя одну и ту же формулировку: **«не исключается возможность установления размера членских взносов в зависимости от размера участка, принадлежащего члену указанного объединения, установления обязанности по уплате членских взносов в размере, кратном количеству принадлежащих члену объединения земельных участков, поскольку наличие у одного лица участка (либо участков) большей площади, чем у других садоводов, предполагает и соответствующее увеличение текущих расходов объединения, связанных с содержанием имущества общего пользования и обслуживанием большего по размеру участка»** (выделено мною – Т. Ч.) [Обзор судебной практики URL]. Очевидно, что в качестве основного критерия, учитываемого при изменении размера членских взносов, определен **размер земельного участка владельца**, что актуализировано в Обзоре Президиума Верховного Суда РФ трижды: **в зависимости от размера участка, в размере, кратном количеству принадлежащих члену объединения земельных участков, наличие у одного лица участка (либо участков) большей площади, чем у других садоводов, большего по размеру участка.**

Формулировка Определения СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 мая 2020 г. более приближена к содержанию спорного фрагмента и, соответственно, более точно отражает его содержание: **«В то же время уставом может быть предусмотрена дифференциация размера взносов в зависимости от количества участков, от размера участка, от суммарной площади объектов, расположенных на земельном участке»** (выделено мною – Т. Ч.) [Обзор судебной практики URL].

В «Обзоре» эксперта службы Правового консалтинга ГАРАНТ также содержится вопрос, заданный неким заинтересованным лицом: **«Я понимаю п. 7 ст. 14 закона N 217-ФЗ так: если потребление услуг зависит от количества соток – нужно платить пропорционально соткам. Если не зависит – платить по общему принципу, одинаково для всех членов общества (независимо от количества соток). Верно?»** (Правовед.RU, декабрь 2018 г.), на который в скобках следует ответ составителя представленного Обзора: **«... уставом товарищества действительно может быть предусмотрена дифференциация размера взносов в зависимости от площади земельного участка либо расположенной на нем недвижимости»** (выделено мною – Т. Ч.) [Обзор судебной практики URL]. Ответ очень важен для правильного понимания текста ст. 7 [Федеральный закон от 29.07.2017 N 217-ФЗ URL], поскольку перефразированно повторяет содержащийся в нем

спорный фрагмент: «если это обусловлено **различным объемом использования имущества общего пользования в зависимости от размера садового или огородного земельного участка ...**», отсутствующий, например, в Обзоре Президиума Верховного Суда РФ.

Приведенные выше примеры указывают на неоднозначность толкования спорного фрагмента, обусловленную, по всей видимости, его структурно-синтаксической сложностью, наличием в постпозиции сложного союза *в зависимости*, управляющего группой конструкций с однородными членами, внутри которых объединены сочинительные союзы с разным значением: соединительным (*и*) и противительным (*или*). Такое построение фразы дает рядовым гражданам простор для «множественности интерпретаций» спорного фрагмента как «естественного механизма интерпретирующей деятельности сознания ...» [Голев 2008: 140], что в свою очередь вводит п. 7 ст. 14 Закона в разряд спорных и потенциально конфликтных.

Осложняет ситуацию и увеличивает возможность конфликтных ситуаций и комментариев, содержащийся в Обзоре Президиума Верховного Суда РФ от 2 июля 2014 г., в котором право выбора основных критериев, по которым возможно увеличение взносов, по сути, передается общему собранию членов товарищества: «... с учетом правового регулирования и исключительного права общего собрания членов садоводческого, огороднического и дачного некоммерческого объединения на установление размера членских и иных взносов (ст. 21 Закона о садоводах) необходимо соблюдение со стороны общего собрания принципа равноправия при определении размеров членских взносов» [Обзор судебной практики URL].

Проведенный лингвистический анализ позволяет конкретизировать актуальную для данного контекста интерпретацию спорного фрагмента и определить основания для установления у отдельных членов товарищества различий в размерах взносов, содержащиеся в пункте 7 статьи 14.

1. На первом этапе исследования была проанализирована структурно-логическая организация спорного текста, в состав которой входит несколько смысловых единиц, организованных на основе синтаксических связей в единое целое:

1 часть представляет собой сложноподчиненное предложение с обстоятельственным придаточным предложением, которое выражает **условие**, при котором возможно действие, описанное в главной части: «размер взносов может **отличаться** для отдельных членов товарищества (*при каком условии?*), **если** это обусловлено (то есть является следствием, результатом или зависит от определенных условий, причин или обстоятельств) **различным объемом использования имущества общего пользования** в зависимости от...»;

2 часть придаточного предложения со значением условия осложняется введением при помощи сложного предлога «в зависимости от» нескольких рядов однородных членов придаточного предложения, при помощи которых передается информация о том, чем может быть обусловлен (от чего зависит и, соответственно, может повлиять на размер взносов) «**различный объем использования имущества общего пользования членами товарищества**» – далее перечисляются такие случаи: «если это обусловлено **различным объемом использования имущества общего пользования, в зависимости от** (чего?):

1) **от размера садового или огородного земельного участка и (или) суммарного размера площади объектов недвижимого имущества, расположенных на таком земельном участке** (дополнения, выраженные словосочетаниями **размер садового или огородного земельного участка и (или) суммарный размер площади объектов недвижимого имущества**),

2) **или размера доли в праве общей долевой собственности на такой земельный участок и (или) расположенные на нем объекты недвижимого имущества**».

Таким образом, проведенный структурно-логический и лингвистический анализ синтаксических единиц, содержащихся в пункте 7 статьи 14, позволяет утверждать, что размер взносов может отличаться для отдельных членов товарищества, **если это обусловлено различным объемом использования имущества общего пользования**. Именно этот критерий, а не размер участка, выведен в главную часть сложноподчиненного предложения; следующее далее описание уточняет обстоятельства, в которых может быть актуализирован основной критерий, а именно: количество участков, размеры участка, суммарная площадь объектов, расположенных на земельном участке, размер доли в праве общей долевой собственности на такой земельный участок и (или) расположенные на нем объекты недвижимого имущества.

2. Проведенный на втором этапе исследования лексико-грамматический анализ позволил получить информацию о том, действительно ли единственным и достаточным основанием для установления различия во взносах членов товарищества является **размеры** их участков.

Как указывалось ранее, в спорном тексте также содержится указание на то, что объем использования имущества общего пользования членами товарищества зависит от следующих обстоятельств: 1) *от размера садового или огородного земельного участка и (или) суммарного размера площади объектов недвижимого имущества, расположенных на таком земельном участке*; 2) *или размера доли в праве общей долевой собственности на такой земельный участок и (или) расположенные на нем объекты недвижимого имущества*.

В ходе анализа были выявлены значения и функции союзов, содержащихся в этих фрагментах спорного текста. Проведенный анализ показал следующее.

1. Между развернутыми однородными дополнениями а) *размер садового или огородного земельного участка и (или)* б) *суммарный размер площади объектов недвижимого имущества* стоят сочинительные союзы с разным значением: соединительный союз *и*, указывающий на чередование явлений, действий или признаков, выбор одного из нескольких вариантов в спорном тексте, свидетельствует о том, что при расчете объема использования имущества общего пользования членами товарищества необходимо учитывать **и размеры участка, и суммарный размер площади объектов недвижимого имущества, расположенных на таком земельном участке**. При этом в тексте ст. 7 не конкретизируется, о каком по объему размеру участка идет речь (большом или небольшом) – очевидно, что и на большом, и на меньшем по размеру участке может быть расположен различный (как значительный, так и незначительный) объем имущества общего

пользования. Таким образом, размер участка не является единственным и достаточным основанием для установления различия во взносах членов товарищества.

2. Разделительный союз *или*, представленный в анализируемом фрагменте пункта 7, как и другие сочинительные союзы, соединяет указанные ранее однородные члены предложения. Однако, в отличие от соединительных и противительных союзов, разделительные союзы выражают идею **чередования или выбора**. В этом случае при расчете объема использования имущества общего пользования членами товарищества для определения членского взноса учитывается **только один из приведенных случаев**: или размер садового или огородного земельного участка, или суммарный размер площади объектов недвижимого имущества, расположенных на таком земельном участке.

Аналогичную функцию **чередования и выбора** выполняет в анализируемом фрагменте спорного текста разделительный союз *или*: его использование в начале данного фрагмента (*или размера доли в праве общей долевой собственности на такой земельный участок*) свидетельствует о том, что при расчете объема использования имущества общего пользования членами товарищества для определения членского взноса учитывается только один из приведенных случаев: или размер садового или огородного земельного участка, или суммарный размер площади объектов недвижимого имущества, расположенных на таком земельном участке, или размер доли в праве общей долевой собственности на такой земельный участок (выбор одного из критериев обязательно должен быть закреплен уставом товарищества).

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что в анализируемом фрагменте важным основанием для установления различия во взносах членов товарищества является различный объем использования имущества общего пользования членами товарищества. Информации о том, что достаточным основанием для установления различия во взносах членов товарищества является только размер их участков, в анализируемом спорном фрагменте пункта 7 не содержится.

Заключение

Анализ многолетней практики юрислингвистического исследования текстов правовых и административных актов, реализованных в текстах разнообразных документных жанрах, функционирующих в региональной и общероссийской официально-деловой сферах, а также обзора судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел, связанных с интерпретацией спорного фрагмента текста законодательного акта, позволил выявить жанровые разновидности документов, реализовавших в ходе применения конфликтный потенциал (95 % – тексты административных жанров, 5 % – законодательные), определить причины, снижающие эффективность законодательных текстов. Среди наиболее актуальных – отсутствие ориентации разработчиков на фактор адресата, игнорирование многозначности возможной интерпретации громоздких конструкций законодательных текстов, допущение разных вариантов закрепления нормы закона в процессе его использования рядовыми гражданами, что открывает возможности избирательной трактовки документа в повседневной практике и способствует, с одной стороны, распространению речевых конфликтов в деловой сфере, а с другой – размыванию языка законодательных и административных жанров деловой речи, основу которого составляет официально утвержденный в РФ государственный язык Российской Федерации, и росту недоверия граждан к возможности однозначной трактовки законодательных и правоприменительных текстов. Согласимся с мнением исследователей

(Н. Д. Голев, К. А. Аркаева и др.), утверждающих, что минимизация негативных последствий, связанных с юридическим и обыденным толкованием, в частности, законодательных текстов, возможна с введением «для качественной экспертизы проекта закона одним из ее этапов ... предварительного бытийного толкования финальной редакции нормы права, при котором как раз необходимо предусмотреть возможные когнитивные препятствия в ее толковании и применении» [Аркаева 2023], что будет способствовать устранению «множественности интерпретаций» [Голев 2008] нормы права в текстах законодательных актов и повышению их эффективности.

Литература

- Аркаева К. А. О когнитивном искажении при интерпретации нормы права в аспекте ее лингвистической экспертизы / Юрислингвистика. – 2023. – № 30. DOI: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)3004](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)3004)
- Багрова Ю.Ю. Лингвистические ошибки в области составления правотворческих текстов / Достижения науки и образования. – 2018. – №7 (29).
- Батюшкина М.В. О лингвистической экспертизе законопроектов / Журнал российского права. – 2016. – № 4. – С. 26.
- Батюшкина М. В., Чернышова Т. В. Лингвистическая экспертиза законопроекта: общие подходы / Филология и человек. – 2024. – № 2. С. 94.
- Белов С. А., Кропачев Н. М. Понятие государственного языка / Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020, 17 (1): 4–21. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.101>
- Белоконь Н.В. Языковые ошибки и дефекты в нормативных правовых актах, проектах нормативных правовых актов и иных юридических документах / Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2016. – № 4. – 2016.
- Белянская О.В. Лингвистические противоречия в сфере законотворчества и правоприменения / Неофилология. – 2019. – Т. 5. – № 20.
- Голев Н. Д. Юридизация речевых конфликтов как основание их типологии / Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово; Барнаул, 2008. С. 139-141.
- Государственный язык. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/gosudarstvennyi-iazuk-875f10>.
- Дускаева Л.Р. Стилистика официально-деловой речи. – М., 2011. С. 98-99.
- Кушнерук С. П. Документная лингвистика (русский деловой текст). – Волгоград, 1999. – С. 64-68.

Мякишева О. В., Сиротинина О. Б. Государственный (литературный) русский язык: обязательные и возможные сферы его использования, нормы и реальный узус / Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – Вып. 13. Культура русской речи. — М., 2017. – С. 83.

Мякишева О.В., Сиротинина О.Б. Современный русский литературный язык как государственный язык Российской Федерации / Русский язык в школе. – 2019. – № 3. – С. 22–26. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-3-22-26>.

Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел, связанных с садоводческими, огородническими и дачными некоммерческими объединениями, за 2010–2013 годы (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 2 июля 2014 г.). URL: <https://pravovest.ru/hotnews/faq/175033>

О государственном языке Российской Федерации. Федеральный закон от 01.06.2005 N 53-ФЗ (ред. от 22.04.2024) "О государственном языке Российской Федерации". Статья 1. Русский язык как государственный язык Российской Федерации. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/22277adf3d159e8c071d2a73161373398e4b13b3/.

Орешкина М. В. Официальный язык. Социоллингвистика. – 2020. – № 2 (2). – С. 124–125. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-2-2-124-137>.

Сферы использования государственного языка Российской Федерации. Федеральный закон от 01.06.2005 N 53-ФЗ (ред. от 22.04.2024) "О государственном языке Российской Федерации". Ст. 3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/4f8f696dc43e2fb3765d8c428d6a13139b5e2d62/.

Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://academic.ru>

Сологуб О. П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте: монография / под ред. Н. Д. Голева. – Новосибирск, 2008. – С. 13.

Федеральный закон от 29.07.2017 N 217-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221173/3615287e918e808a3f6c234928594ab023cc52f8/

Чернышова Т. В. Прикладные аспекты изучения официально-деловой коммуникации: принципы оценки деловых текстов / Филология и человек. – № 2. – 2016.

References

Arkaeva, K. A. (2023). On cognitive distortion in the interpretation of a legal norm in terms of its linguistic examination. *Legal Linguistics*, 30. DOI: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2023\)3004](https://doi.org/10.14258/leglin(2023)3004) (in Russian).

Bagrova, Yu. Yu. (2018). Linguistic errors in the field of drafting legislative texts. *Achievements of science and education*, 7 (29).

Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-oshibki-v-oblasti-sostavleniya-pravotvorcheskih-tekstov/viewer> (in Russian).

Batyushkina M. V., Chernyshova T. V. (2024). Linguistic examination of the draft law: general approaches. *Philology and Man*, 2, 94 (in Russian).

Batyushkina, M. V. (2016). On the linguistic examination of bills. *Journal of Russian Law*, 4, 26 (in Russian).

Belokon, N. V. (2016). Language errors and defects in regulatory legal acts, draft regulatory legal acts and other legal documents). *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*, 4 (in Russian).

Belov, S. A., Kropachev, N. M. (2020). The concept of the state language. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*, 17 (1), 4–21. Available from: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.101> (in Russian).

Belyanskaya, O. V. (2019). Linguistic contradictions in the sphere of lawmaking and law enforcement. *Neofilologiya*, 5, 20. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-protivorechiya-v-sfere-zakonotvorchestva-i-pravoprimeneniya/viewer> (in Russian).

Dictionaries and encyclopedias on Academician. Available from: <https://academic.ru>

Duskaeva, L. R. (2011). Stylistics of official business speech. *Moscow*, 98–99 (in Russian).

Federal Law of July 29, 2017 N 217-FZ (as amended on March 20, 2025) "On the conduct of gardening and vegetable gardening by citizens for their own needs and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation". Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221173/3615287e918e808a3f6c234928594ab023cc52f8/ (in Russian).

Golev, N. D. (2008). Juridization of speech conflicts as the basis for their typology / *Legal Linguistics -9: Truth in language and law: inter-university*. Kemerovo; Barnaul, 9 (in Russian).

Kushneruk, S. P. (1999). Document linguistics (Russian business text). *Volgograd*, 1999, 64–68 (in Russian).

Myaksheva, O. V., Sirotinina, O. B. (2017). The state (literary) Russian language: mandatory and possible areas of its use, norms and actual usage. *Works of the Vinogradov Russian Language Institute*, 13. The Culture of Russian Speech. *Moscow*, 83 (in Russian).

Myaksheva, O. V., Sirotinina, O. B. (2019). The modern Russian literary language as the state language of the Russian Federation. *Russian language at school*, 3, 22–26. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-3-22-26> (in Russian).

On the state language of the Russian Federation. Federal Law of 01.06.2005 N 53-FZ (as amended on 22.04.2024) "On the state language of the Russian Federation". Art. 1. Russian as the state language of the Russian Federation. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/22277adf3d159e8c071d2a73161373398e4b13b3/ (in Russian).

Oreshkina, M.V. (2020). Official language. *Sociolinguistics*, 2(2), 124–137. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-2-2-124-137> (in Russian).

Review of judicial practice on issues arising in the consideration of cases related to gardening, vegetable gardening and dacha non-profit associations for 2010–2013 (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 2, 2014): <https://pravovest.ru/hotnews/faq/175033>. Available from: <https://pravovest.ru/hotnews/faq/175033>

Sologub, O. P. (2008). Russian business text in the functional-genetic aspect: monograph. Novosibirsk, 2008, 13 (in Russian). Spheres of use of the state language of the Russian Federation. Federal Law of 01.06.2005 N 53-FZ (as amended on 22.04.2024) "On the state language Russian Federation", art. 3. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/4f8f696dc43e2fb3765d8c428d6a13139b5e2d62/ (in Russian). State language. Great Russian Encyclopedia. Available from: <https://bigenc.ru/c/gosudarstvennyi-iazyk-875f10> (in Russian).

Citation:

Чернышова Т. В. Конфликтогенный потенциал жанров деловой коммуникации (на материале спорных текстов) // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 22-29.

Chernyshova T. V. (2025) Conflict-Generating Potential of Business Communication Texts (Case Study of Controversial Texts). Legal Linguistics, 37, 22-29.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Гносеологические и ценностные основания правовой концепции Е. В. Васьковского

М. В. Титаренко

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Алтайский филиал)
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: titarenko-mv@ranepa.ru*

Статья посвящена исследованию гносеологических и ценностных оснований политико-правовой концепции Е. В. Васьковского – одного из наиболее значимых представителей дореволюционной российской юридической науки. В статье подчеркивается, что современная юридическая наука в России страдает от узкой отраслевой специализации, что затрудняет комплексное междотраслевое исследование правовых явлений. В этом контексте научное наследие Васьковского, свободно оперировавшего категориями гражданского права, гражданского процесса и общей теории права, представляет особую ценность. Основное внимание уделено пониманию Васьковским познания права не как формального усвоения норм, а как их интерпретации в конкретных социально-исторических условиях. Подчеркивается значимость гибридного подхода ученого, сочетающего элементы правового позитивизма и правового интерпретативизма с учетом моральных и этических аспектов. Ценностный компонент его концепции основывается на идее справедливости как ключевом ориентире правового регулирования. В статье проводится сравнение подходов Васьковского с теориями Г. Кельзена и Р. Штамmlера, что позволяет выявить оригинальность его позиции. Делается вывод о высокой актуальности идей Васьковского в условиях современного правового плюрализма и глобализации. Его подход к праву как динамичной и морально ориентированной системе способствует формированию целостного и справедливого правовопонимания в современной науке и практике.

Ключевые слова: Е. В. Васьковский, правовая гносеология, ценность в праве, справедливость, юридическая теория.

Epistemological and Value Foundation of E.V. Vaskovsky's Legal Concept

M. V. Titarenko

*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Altai branch)
61 Lenina St. , 656049, Barnaul, Russia. E-mail: titarenko-mv@ranepa.ru*

The article studies the epistemological and value foundations of the political and legal concept of E.V. Vaskovsky, one of the most significant representatives of the pre-revolutionary Russian legal science. The article emphasizes that modern legal science in Russia suffers from a narrow sector specialization, which makes it difficult to conduct a comprehensive interdisciplinary study of legal phenomena. In this context, the scientific legacy of Vaskovsky, who freely handled the categories of civil law, civil procedure and general theory of law, is of particular value. The main attention is paid to Vaskovsky's understanding of legal knowledge not as a formal assimilation of norms, but rather as their interpretation in specific socio-historical context. The author emphasizes the importance of the scientist's hybrid approach, combining elements of legal positivism and legal interpretation, taking into account moral and ethical aspects. The value component of his concept is based on the idea of justice as the key guideline for legal regulation. The article compares Vaskovsky's approaches with the theories of G. Kelsen and R. Stammler, which makes it possible to identify the distinction of his position. The conclusion is made about the high relevance of Vaskovsky's ideas in the context of modern legal pluralism and globalization. His approach to the law as a dynamic and moral-focused system contributes to the development of a holistic and fair legal understanding in modern science and practice.

Key words: language of public administration, official business text, genres of business communication, speech conflict, linguistic expertise.

В российской юридической науке крайне мало специалистов, которые могут проводить фундаментальный теоретический анализ правовых явлений на междотраслевом уровне. Очевидно, что это обусловлено узкой отраслевой специализацией, формирующейся с первых этапов погружения в юридическую науку – уже на стадии поступления в аспирантуру молодой

ученый сталкивается с необходимостью четко определить направление своих научных исследований. В дальнейшем карьера российского ученого, как правило, развивается в изначально выбранном направлении, и случаи, когда исследователь отказывается от своей «родной» отрасли и переключается на другую сферу, встречаются крайне редко. Однако многие правовые институты обладают пограничной природой, соответственно, их регулирование должно быть многогранным, обеспечивая тем самым согласованное их взаимодействие с моделями, используемыми в других правовых отраслях. В результате законотворческой деятельностью занимаются специалисты узкой отраслевой направленности, вследствие чего принятые законопроекты неизбежно вступают в противоречия с другими нормативными правовыми актами, формально регулирующими иные сферы правоотношений, однако фактически использующие схожие правовые конструкции и модели.

В конце XIX – начале XX вв. в России, хотя материальные и процессуальные отрасли права были четко разграничены, в законодательной деятельности и в научных исследованиях столь явного разделения не наблюдалось. Представляется, что главной причиной данного явления было то, что почти все видные специалисты в области процессуального права происходили из среды цивилистов. И, безусловно, Евгений Владимирович Васьковский являлся выдающимся представителем дореволюционной научной школы, свободно исследовавшим правовые явления вне строгих отраслевых границ.

Его выдающиеся труды по теории права, гражданскому праву и гражданскому процессу всегда демонстрируют ценность целостного подхода к правовым институтам. Современным ученым стоит взять пример с великого юриста, ведь необходимость глубокого анализа межотраслевых правовых взаимосвязей очевидна. Легкость, с которой он использовал различные правовые конструкции, – это то, к чему следует стремиться каждому исследователю.

Гносеологические и ценностные основания правовой концепции цивилиста и процессуалиста Е. В. Васьковского представляют собой неотъемлемую часть его правовой теории, которая сыграла значительную роль в развитии российской юридической науки и практики. Чтобы глубже понять эти аспекты, нужно рассмотреть, как Е. В. Васьковский подходил к проблемам познания права, его интерпретации и значимости ценностей в правовых системах.

В основе правовой концепции ученого лежит особое понимание гносеологии права. Он придерживался позиции, согласно которой познание права – это не механическое восприятие законодательных норм, а процесс интерпретации, связанный с анализом смысла норм и их применения в конкретных ситуациях. В отличие от традиционного подхода, ориентированного на абстрактные формулы и нормы, Васьковский акцентировал внимание на субъективных аспектах правового познания, которые включают восприятие, интерпретацию и применение норм в реальной жизни.

Для Васьковского важнейший элемент гносеологии – это способность субъекта (судьи, юриста, законодателя) воспринимать и анализировать правовые нормы в контексте реальных общественных и исторических условий. Он исходил из того, что право является динамичной системой, которая постоянно изменяется и развивается, и в этой связи правовое познание должно быть гибким, способным адаптироваться к новым условиям. В его концепции право – это не статическое, замкнутое образование, а живой, развивающийся процесс, требующий постоянного пересмотра и интерпретации.

Васьковский, разделяя идеи правового позитивизма, все же не ограничивался им, считая, что правовая система должна быть соотнесена с ценностями и моралью, а также историческими условиями, которые влияют на правовую реальность. Таким образом, его подход к праву можно назвать «гибридным», в том смысле, что он сочетает элементы позитивистского подхода с интерпретативным, теоретическим подходом, активно учитывающим роль ценностей и моральных ориентиров в правовом процессе [Липень 2016: 65-71].

Ценностные основания правовой концепции процессуалиста являются центральным элементом его теории, поскольку, как он сам утверждал, правовой порядок не может существовать вне приверженности определенным моральным и социальным ценностям. Ученый-процессуалист подчеркивал, что право должно быть справедливым, то есть оно должно соответствовать моральным нормам, которые разделяет общество. Это отличает его подход от формалистических позиций, которые утверждают, что право можно понять и применить исключительно через текст закона без учета социальных и моральных аспектов [Туманов 2017: 160-171].

Васьковский находится в интеллектуальном контексте, в котором одновременно с ним развивались различные школы права, что позволяет провести сравнение его подхода с другими важными теоретиками права. Например, с одним из наиболее влиятельных представителей правового позитивизма, Гансом Кельзеном, Васьковский разделяет основное внимание к структуре и нормам права. Однако Васьковский значительно расширяет эту структуру, добавляя моральную и этическую компоненты, что отличает его от чистого позитивизма, который утверждает, что право должно быть отделено от морали. В отличие от Кельзена, который ориентировался на нормативизм и отвергал этические и социальные основания права, Васьковский считал, что справедливость и мораль являются неотъемлемыми аспектами правового познания и практики [Барченкова 2017: 1-3].

Еще одно интересное сравнение можно провести с представителями философии права, такими как Рудольф Штаммлер, который в рамках правового неокантианства поднимал проблему ценности права и его интерпретации. В отличие от Штаммлера, который акцентировал внимание на юридической науке и на ее изоляции от социокультурных факторов, Васьковский рассматривал право как живую ткань, которая органически связана с культурными и социальными реалиями общества [Шавеко 2016: 147-157].

На современном этапе стремительных трансформаций правовой среды и роста влияния глобализационных процессов научное наследие Е. В. Васьковского обретает особую актуальность и значимость. Современные подходы к праву, такие как юридический реализм и критическая правовая теория, часто подчеркивают важность социальных и моральных аспектов правового регулирования. В этом контексте концепция Васьковского о праве как ценностном, динамичном и интерпретируемом процессе представляется крайне актуальной [Гаджиев 2016: 57-63].

Особое значение в научном наследии Е. В. Васьковского имеет его представление о праве как о социально значимом феномене, который должен не только быть нормативно урегулирован, но и соответствовать этическим принципам общества. Такой подход перекликается с современными взглядами на правовой плюрализм, транснациональное регулирование и

признание культурной специфики при интерпретации норм международного характера. В условиях растущих глобальных вызовов, сопряженных с многообразием правовых культур, необходимость учитывать различия в социальных установках и правовых традициях становится особенно очевидной.

В этом контексте философско-познавательные и аксиологические основания концепции права, предложенные Васьковским, занимают центральное место в его теоретической системе. Он рассматривал право как подвижную, развивающуюся структуру, в которой логика нормативного регулирования должна сочетаться с требованиями морали и социальной справедливости. Его научный подход контрастирует с формалистскими школами, настаивавшими на строгом отрыве права от нравственности. Напротив, Васьковский утверждал, что только через признание их взаимодействия возможно формирование эффективной и справедливой правовой системы.

Его идеи продолжают оставаться актуальными и в XXI веке, особенно в связи с актуализацией проблем глобализации, правового реализма и многоуровневого правового регулирования. Подход Васьковского позволяет рассматривать право не как закрытую систему правил, а как ценностно нагруженный инструмент регулирования общественных отношений, способный адаптироваться к изменяющимся социальным реалиям.

Литература

- Барченкова К. А. Чистое учение о праве Г. Кельзена: теоретико-правовой анализ / Право: современные тенденции: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). – Краснодар, 2017. – С. 1-3.
- Васьковский Е. В. Цивилистическая методология: в 1 ч. Ч. 1. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. – XXII.
- Гаджиев Г. А. Е. В. Васьковский и современная цивилистическая методология / Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 57-63.
- Липень С. В. Е. В. Васьковский как представитель юридического позитивизма в отечественной юридической науке / Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 65-71.
- Туманов Д. А. О понимании общественного интереса Е. В. Васьковским и о значении его воззрений по этому вопросу для современного права и процесса / Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 3. – С. 160-171.
- Шавеко Н. А. Социальный (правовой) идеал Рудольфа Штамmlера / Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2016. – Т. 26 (1) – С. 147-157.

References

- Barchenkova, K. A. (2017). The pure doctrine of law by G. Kelsen: a theoretical and legal analysis. Law: modern trends: proceedings of the IV International Scientific Conference (Krasnodar, February 2017). Krasnodar, 1-3 (in Russian).
- Gadzhiev, G. A. (2016). E. V. Vaskovsky and modern Civilistic methodology. Journal of Russian Law, 8, 57-63 (in Russian).
- Lipen, S. V. (2016). E. V. Vaskovsky as a representative of legal positivism in Russian Legal science. Journal of Russian Law, 8, 65-71 (in Russian).
- Shaveko, N. A. (2016). The social (legal) ideal of Rudolf Stammler. Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law", 26 (1), 147-157 (in Russian).
- Tumanov, D. A. (2017). On understanding E. V. Vaskovsky's public interest and the significance of his views on this issue for modern law and process. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA), 3, 160-171 (in Russian).
- Vaskovsky, E. V. (1901). Civilistic methodology: in 1 part of Part 1. The doctrine of the interpretation and application of civil laws. Odessa, XXII (in Russian).
- Zorkin, V. D. (1978). Positivist theory in Russia. Moscow, 8-9 (in Russian).

Citation:

Титаренко М. В. Гносеологические и ценностные основания правовой концепции Е.В. Васьковского // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 30-32.

Titarenko M. V. (2025) Epistemological and Value Foundation of E.V. Vaskovsky's Legal Concept. Legal Linguistics, 37, 30-32.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Религиозные догматы как первые источники запрета порнографии

А. И. Фонштейн

Кубанский государственный университет

ул. Ставропольская, 149, 350040, Краснодар, Россия. E-mail: anya.litovchenko.00@mail.ru

Современная политико-религиозная обстановка заставляет задуматься о кризисе веры, на протяжении истории тесно связанной с правовым регулированием. С этой позиции проблема соотношения религии и права приобретает актуальность и в наше время, предполагая обсуждение связи некоторых правовых терминов, в частности уголовно-правовых, с их религиозными «прародителями».

Исследование посвящено вопросам построения и закрепления запретов порнографии в различных мировых вероучениях на основе священных текстов и религиозных концепций, соотносящихся с вопросами сексуальной морали. Целью исследования является выявление и отражение влияния религии на запрет порнографии в качестве греха и преступления. Предметом исследования являются акты, включая первичные тексты и производные документы религиозных деятелей и организаций, длительное время играющие роль источника формирования и ориентира для светских уголовно-правовых предписаний, в том числе основы криминализации феномена порнографии. Установлено, что, несмотря на отсутствие четкого термина, который был оформлен лишь в XIX в., феномен порнографии был известен на протяжении веков и подвергался запретам с помощью применения иных терминов, таких как «блудодеение», «блуд», «прелюбодеяние», которые и предопределили в дальнейшем содержание исследуемого понятия.

Сделан вывод о ключевой роли религии в формировании отношения к названному явлению, в том числе о коренных различиях в отношении к порнографии при разности религиозных и культурных воззрений в правовых системах, предопределяющих вектор развития уголовного законодательства. Определено, что терминологически родственные понятию «порнография» явления запрещены в христианстве, исламе и иудаизме, однако с позиции индуизма и буддизма являются лишь нежелательными проявлениями чувственной природы человека.

Ключевые слова: порнография, прелюбодеяние, религия, источник права.

Religious Dogmas as the Primary Source of Pornography Prohibition

A. I. Fonshteyn

Kuban State University

149 Stavropolskaya str., 350040, Krasnodar, Russia. E-mail: anya.litovchenko.00@mail.ru

The current political and religious situation makes us think about the crisis of faith, which has been closely associated with legal regulation for a long historical period. From this point of view, the problem of the relation between religion and law is becoming relevant in our time, suggesting a discussion of the connection of some legal terms, in particular criminal law, with their religious «ancestors».

The study discusses the issues of the formation and consolidation of pornography prohibitions in various world religious doctrines by studying sacred texts and religious concepts related to issues of sexual morals. The purpose of the study is to identify and reflect the influence of religion on the prohibition of pornography as sin and crime. The subject of the study is acts, including primary texts and derivative documents of religious leaders and organizations, which for a long time have played the role of a source of formation and a reference point for secular criminal-legal regulations, including the basis for criminalization of the phenomenon of pornography. It has been established that despite the absence of a clear term, which was formalized only in the 19th century, the phenomenon of pornography has been known for centuries and was subject to prohibitions through the use of other terms, such as «whoredom», «fornication», «adultery», which subsequently predetermined the content of the concept under study.

A conclusion has been made about the key role of religion in shaping the attitude to this phenomenon, including the fundamental differences in attitudes to pornography given the difference in religious and cultural views in legal systems that predetermine the vector of development of criminal legislation. It has been determined that phenomena terminologically related to the concept of

«pornography» are prohibited in Christianity, Islam and Judaism, but from the standpoint of Hinduism and Buddhism they are undesirable manifestations of the sensual nature of man.

Key words: pornography, adultery, religion, source of law.

Формирование современной системы регулирования уголовно-правовых отношений имеет длительную историю, которая построена на основе эталонных правил, декларируемых в различных религиозных традициях. Указанная система отношений обусловлена возможностью закрепления и сохранения религиозных предписаний в письменном виде, что и позволило многим из них пережить тысячелетия в неизменном виде, сохранив свое влияние на последователей, в отличие от многих утраченных устных традиций и нравов. Религия, являясь структурированной и организованной системой верований, ритуалов и символов, имея своей целью приближение к священной высшей силе в форме Бога, истины или реальности, стала инструментом регулирования.

Наряду с правовым обычаем или судебным прецедентом, религия, несмотря на свой трансцендентный характер, является источником норм права [Федоров 2022: 68], одним из первых морально-правовых ориентиров человечества. В этом отношении религиозная норма соответствует современной правовой своим имманентным содержанием, а не формой реализации, отделяя законное «богоугодное» поведение от противоправного. Так, например, на основе второй книги Ветхого Завета [Ветхий Завет. Вторая книга Моисея. Исход 2015: 8] в IV в. была сформирована вполне целостная система норм, в науке именуемая Синайским религиозно-уголовным законодательством, которая, хотя и предусматривает закрепление современных положений уголовного закона, делает это в свойственной религиозным текстам манере [Папаян 2002: 39].

Повсеместная секуляризация на разных этапах построения цивилизаций изменила расстановку «правовых сил», роль религии стала уменьшаться, однако ее сущностные установки и догматы все еще руководили организацией общественной жизни. Став более формальными, религиозные догматы были восприняты органами публичной власти, постепенно трансформировавшись в правовые предписания [Спирин 2021: 95]. К примеру, известные каждому заповеди «не убий» и «не прелюбодействуй» были встроены не только в уголовно-правовые установления церкви, но и нормативно-правовые акты многих стран, сформировав основу светского уголовного законодательства.

Результатом указанных изменений стала трансплантация положений священных текстов в законы, а в некоторых случаях и сохранение роли религиозных актов в качестве основного источника права в сообществах, где превалирует теологическая концепция миропонимания (в странах семьи религиозного мусульманского права). Таким образом, и современное уголовное право, являясь преемником репрессивных религиозных предписаний, закрепляет многие моральные нормы и обеспечивает коллективное принуждение к их исполнению [Чирков 2023: 232]. Указанная ситуация характерна и для российского уголовного права, построенного на преемственности и рецепции православных и языческих канонов [Георгиевский 2014: 78-79].

В контексте данного исследования подлежит изучению порнография, запрещенная положениями ст. 242-242.2 гл. 25 УК РФ, которая является одним из преступлений против общественной нравственности. Терминологически понятие «порнография» уголовный закон не определяет, предмет преступления в ст. 242 УК РФ описан с помощью обобщенной формулировки «порнографические материалы или предметы». При этом указанный предмет преступления впервые появился в отечественном уголовном законодательстве только в 1935 г. [Постановление ЦИК СССР № 21, СНК СССР № 2335 1935 URL], и до этого заменялось иными формулировками, более характерными для христианской этики.

Сформированные на базе сакральных императивных религиозных норм запреты в сфере сексуальной индустрии, объединяющие проституцию и обращение порнографии, имели длительную историю и религиозную окраску, на что и ранее обращалось внимание в исследованиях [Шевелева, Бидзян 2021: 579]. Помимо того, что первые упоминания указанных деяний датируются XVIII в. до н. э., ссылки на них встречаются в самых разных вероучениях и тесно связаны с такими категориями, как скромность, достоинство и прелюбодеяние, упоминаемыми в текстах священных писаний, богословской доктрине, церковных актах. На основе религиозных мнений о порнографии акцентируем внимание на роли религиозных догматов и предписаний в качестве «источников-прародителей» современных уголовно-правовых запретов изготовления и оборота порнографических материалов и предметов.

Сам термин «порнография» происходит от двух греческих слов *porneia* (часто переводится как блуд, прелюбодеяние, адюльтер или сексуальная безнравственность) и *graphie* (письменность, живопись), обозначает материал или предмет, сочетающий в себе две особенности: определенное содержание сексуального характера и цель (намерение) сексуального возбуждения аудитории. Материалы откровенно сексуального характера появились еще до зарождения большинства современных религий, например, через все античное искусство проходит линия платонических наслаждений ввиду распространения в Древней Греции и Риме оргиастических культов [Пименова 2012: 3].

Эллинский политеизм и почитание римских божеств, как и иные формы многобожия, предполагали жертвоприношения и иные способы поклонения, в том числе сопровождаемые изготовлением фигур и изображений, в наше время явно носящих сексуальный подтекст. Причиной современного отношения к порнографии как раз является длительная и планомерная политика по стигматизации подобных изображений, проводимая представителями монотеизма.

Итак, рассмотрение запретов порнографии хотелось сосредоточить на изучении источников религий Откровения, традиционно утверждающих и одобряющих исключительно патриархальный и гетеронормативный подход к проявлениям сексуальности. Постепенная трансформация «Римского мира» из политеистического в христианский ознаменовала одно из самых радикальных идеологических изменений истории, в том числе в сфере сексуального поведения. Появление теологического понятия греха и развитие идей свободной воли в христианской догматике стали причиной запретов внебрачных связей, проституции и порнографии, сделав все действия человека подотчетными духовному, а не физическому

миру.

Христианство, являясь «ключом» к пониманию развития Западной цивилизации последние две тысячи лет, имеет долгую текстовую историю, а экзегеза основных его постулатов на протяжении столетий была направлена на противодействие порнографии, которая, изображая сексуальную природу человека, подрывала уже сформированные ценности. Хочется отдельно отметить, что слово *porneia*, от которого и образована «порнография», часто встречается в Библии [Толковая Библия 1904-1913], и с точки зрения христианства представляет собой любую форму незаконной сексуальной активности, приводящую к грехопадению.

Отметим, что в Священном писании действительно нет прямого запрета порнографии, однако среди Объяснений Закона [Второзаконие 1902: 21], расширяющих значение 10 заповедей, и в Евангелии от Матфея [Святое Евангелие с толкованиями и комментариями 2021: 36] упоминается прелюбодеяние, усматриваемое даже во взгляде на женщину «с вожделением». Под гиперболическое толкование изложенного завета попали и материалы, изготавливаемые с целью сексуального возбуждения аудитории, иносказательно похоти, которая равносильна прелюбодеянию. С этой точки зрения обращение порнографии противоречит учениям христианских конфессий, а феномен порнографии, расширительно толкуемый как прелюбодеяние в Новом завете, стал восприниматься и в качестве положения заповеди из Ветхого завета, и в качестве одного из смертных грехов в Первом послании Иоанна [Первое послание Иоанна URL].

При системном рассмотрении религиозных источников следует также обратить внимание на богословскую доктрину и церковные акты, которые разъясняют положения первичных текстов и сформулированы специальными лицами, имеющими глубокое познание в области конкретной религии [Дубинина, Воронцова 2021: 8]. Именно истолкование основных источников христианства является фундаментом для формирования негативного восприятия порнографии в современных правовых актах. К примеру, в православии установлен прямой запрет «чувственного искусства» 100-м правилом Трулльского Собора 691–692 гг., а именно «изображения на досках, или на ином чем представляемые, обаяющие зрение, растлевающие ум, и производящие воспламенения нечистых удовольствий» под угрозой отлучения от церкви [Карташев 1963: 65]. Названное положение наряду с другими, принятыми на Трулльском соборе, не признано Западной церковью до настоящего времени.

Стоит, однако, учесть, что и католическая экзегеза считает прелюбодеяние и блуд неприемлемыми и приводящими к потере благодати и изгнанию из Царства Божьего. Согласно современному официальному толкованию принципов католической веры, порнография и вовсе напрямую упомянута в качестве тяжкого греха в п. 2354 Катехизиса 1992 г. [Катехизис Католической Церкви URL], предполагая «изъятие сексуального акта, реального или симулированного, из интимности партнеров с целью выставить преднамеренно их на показ другим».

Иные христианские течения также считают любые проявления сексуальности вне брака прелюбодеянием или блудом (при отсутствии брака), а порнографические материалы признают пропагандирующими осуждаемый Словом Божиим образ жизни и грехом похоти со ссылками на Евангелие от Матфея 5:27-28 [Святое Евангелие с толкованиями и комментариями: 2021: 37]; Послание к Римлянам 13:14 и 2-е послание Петра 2:14, 18-19 [Толковая Библия 1904-1913: 805, 1058].

При этом стоит учитывать, что в христианстве, особенно католицизме, имеет место неоднородное отношение к сексуальности, проявляемое с помощью религиозной символики в искусстве, где зачастую допускается эротическое изображение святых (скульптура Бернини «Экстаз святой Терезы», фреска Микеланджело «Сотворение Евы»). Разница между порнографией и «эротическим» христианским искусством состоит в том, что последнее действительно содержит сексуальные темы, но фокусируется на преданности и религиозных чувствах, а не на сексуальном возбуждении, как это делает порнография. Схожие положения находят отражение и в законодательстве, например в Примечании 1 к ст. 242.1 УК РФ, Примечании к ст. 255 УК Грузии [Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. URL].

На основе приведенных положений складывается общий вывод, согласно которому порнография является неприемлемым проявлением сексуальности в православии, католицизме и иных течениях, по своей сути противоречит христианскому пути и является греховной, хотя напрямую не указана в Библии.

Несмотря на значительное влияние христианства в вопросах криминализации порнографии, ислам, являясь второй по числу верующих мировой религией, также не оставил в стороне регулирование сексуальных отношений. Его положения, построенные по аналогичной христианской модели, где первичные нормы (Коран, а в некоторых случаях Сунна и хадисы) и доктринальные (основы фикха), образуют единую идейно-теоретическую систему, выступают регулятором отношений наряду со светским законом.

Являясь «строгой» религией, ислам устанавливает жесткие запреты, связанные с половой жизнью своих последователей, запрещая любые внебрачные связи (зина) и «приближение» к ним, в том числе путем установления правил аврата, закрепленных в сурах 24:30, 24:31 и 33:59 Корана [Священный Коран 2023: 102, 116], согласно которым мусульмане обязаны скрывать под одеждой определенные части тела. Нарушение указанного правила, которое в арабской традиции именуется табаррудж, зачастую связано с феноменом современной порнографии, где лица предстают обнаженными, что с позиции ислама поощряет рост похоти и желаний. Религиозное сознание, построенное на названной концепции, стало предпосылкой формирования в странах мусульманской правовой семьи строгих норм уголовного характера, направленных против обращения порнографии. Например, большое число строгих запретов, связанных с нарушением общественной нравственности, предусмотрено Законом Республики Индонезия о порнографии [Закон Республики Индонезия № 44 от 26 ноября 2008 г. URL], ст. 319 УК Иорданского Хашимитского Королевства [Уголовный кодекс Иорданского Хашимитского Королевства от 01 мая 1960 г. URL].

Коран служит не только духовным руководством, но и правовой базой, регулирующей различные аспекты мусульманской жизни, однако в исламской традиции положения о прелюбодеяниях, в том числе порнографии, содержатся не только в Коране, но и во многих хадисах, переданных пророком Мухаммедом. Из хадиса 2657-1 Сахих Муслима следует: «Аллах предписал каждому сыну Адама свою долю прелюбодеяния, которое он неизбежно совершит. Так прелюбодеянием глаз

становится взгляд» [Книга Сахих Муслим 2 том. 2017: 93], что отражает отношение мусульман к порнографии, как одному из шагов на пути к высшему греху – зина. Только отказ от искушений, в том числе порнографии, дает возможность сосредоточиться на жизни, которая соответствует ценностям ислама, включая брак и семейные отношения.

Кроме того, традиция аниконизма, оформившаяся к IX в. после развития ортодоксальных толкований Корана, вовсе воспрещает любые изображения людей: «Пророк сказал, что создатели изображений будут наиболее строго наказаны Аллахом в День Воскрешения» [Сборник Аль Бухари «Фатх аль Бари» 2020: 10/382], ввиду отождествления изобразительного искусства идолопоклонству [Большаков 1969: 146, 151].

Таким образом, ислам также отказывается от порнографии, как и христианство, а его «язык» мало отличается от последнего. Изображения порнографического характера в исламе фактически приравниваются к прелюбодеянию (зина), относящемуся к числу самых тяжких грехов, как и в других авраамических религиях.

Помимо христианских и исламских источников, которые стали первоосновой религиозного запрета порнографии, видится необходимым рассмотрение также повествований и законов иудаизма, изложенных в Танахе (еврейской Библии) и раввинской литературе. Несмотря на то, что в иудаизме сексуальность не имеет такой явно негативной коннотации, как в иных религиях Откровения, в нем также наличествует отрицательное отношение к порнографии, развитое в галахических законах скромности (цниют) на основе толкований Торы [Cohen 1976: 14].

Еврейские законы, касающиеся скромности, подчеркивают концепцию цниют как кодекса поведения и внешнего облика верующих, предполагают, помимо прочего, соблюдение правил о недопустимости похотливых или безнравственных мыслей, взглядов на «интимную» анатомию представителей противоположного пола, а также избегание изображений или сцен, которые могут вызвать сексуальное возбуждение.

Широкое соблюдение законов Торы впервые было засвидетельствовано во II в. до н. э. в качестве принудительного средства права. К примеру, согласно трактату Авода Зара 20а, Талмуд утверждает, что «нельзя смотреть на вещи, которые могут привести к возбуждению, включая красивую женщину, цветные женские одежды и даже животных во время спаривания», а в соответствии с трактатом Шаббат «любой, кто смотрит на палец женщины, как будто он посмотрел на ее гениталии» [Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона 1908-1913: 148, 396].

Позднее, уже в XVI в., указанные запреты были формализованы сводом еврейских законов Шулхан Арух, а также дополнены наблюдением за женщиной, стирающей белье, вдыханием запаха женских духов или хождением позади нее на рынке. Можно отметить, что в указанных отрывках не упоминается наблюдение за мужчиной со стороны женщин, однако в конечном счете людям любого пола запрещено потреблять порнографию, заниматься ее изготовлением, а также другими актами нескромности, исходя из расширительного толкования законов цниют. Аналогично современное уголовное законодательство Израиля устанавливает ответственность за оборот непристойности в ст. 214, 214а, 214b Закона Государства Израиль об уголовном праве [Закон Государства Израиль от 04 августа 1977 г. URL].

Обратим внимание, перечисленные религиозные источники, запрещающие потребление сексуальных изображений, подразумевают, что сами мысли верующих являются проблематичными даже без реального недозволенного сексуального поведения. Из указанного следует вывод, согласно которому порнография, хотя не упоминается напрямую в иудаизме, противоречит его догматике, даже при наличии нереализованного умысла на ее потребление, изготовление и оборот, согласно трактовкам Танаха.

Не ограничиваясь исследованием авраамических религиозных источников, перейдем к анализу свода буддийских текстов Трипитаки, в частности Палийского канона, также затрагивающего тему «чувственного наслаждения». Буддизм классифицирует сексуальность как тип земного удовольствия (камы), от которого необходимо воздерживаться, о чем говорит и пятый священный обет буддизма [Васильев 1857: 134]. Согласно Кама Сутте (4.1), изложенной во второй книге Трипитаки [Священные тексты религий мира. Трипитака и другие тексты буддизма 2022: 115], Будда отказывается от чувственности на пути к просветлению, так как жажда сексуального удовольствия является причиной страданий. Согласно этой точке зрения, порнография с ее вымышленными проявлениями, призванными возбуждать, представляет собой вершину заблуждения, вызывая искусственную реальность для удовлетворения низменных желаний, приводящих к последующим бесконечным перерождениям.

При этом в буддизме отказ от блудодеяния, включающий полное воздержание от любых действий сексуального характера, в том числе связанных с производством и потреблением порнографии, предполагает исключительно сознательное неимперативное самоограничение. Такое правило является не «заповедью» от Бога или Будды, а обязательством, взятым перед самим собой, сделать все возможное, чтобы соблюдать определенный тип сдержанности. Для достижения просветления необходим добровольный отказ от сексуально-неподобающего поведения и его проявления в форме порнографии, несоблюдение данного завета не влечет «небесной кары» для последователей, однако для монахов любая форма нарушения celibата до сих пор рассматривается как серьезное религиозное преступление и влечет изгнание из общины. Стоит, однако, отметить, что, несмотря на обозначенный религиозный подход, современная правовая традиция в Китае (в том числе Тибете), Вьетнаме и иных странах Азии все же предусматривает наказания за обращение любых форм порнографии из-за поглощения положений европейского колониального права на зависимых от метрополий территориях [Скурко 2022: 175].

Из изложенного можно сделать вывод, что рассмотрение догматических источников буддизма показало иной подход к порнографии как явлению, являющемуся личным выбором верующего и не влекущему для него каких-либо отрицательных религиозных последствий. При этом буддизм сохраняет негативную коннотацию при определении термина «блудодеяние», что также становится причиной осуждения сексуальных aberrаций, в том числе порнографии.

Хочется также отметить вклад норм индуизма в формирование религиозно-правового отношения к порнографии, который не менее интересен. Сложная природа индуизма не поддается категоризации с точки зрения традиционной авраамической структуры религии, охватывая обширную систему философий, дискурсов и текстов, исследующих божественный и человеческий опыт на протяжении тысячелетий. Одной из центральных концепций индуизма является

концепция Пурушартхи, которая является целью человеческого существования и пропагандирует стремление к четырем элементам счастливой жизни, в том числе к чувственному наслаждению «кама».

При этом духовное удовлетворение, в том числе посредством сексуальных актов, в индуизме возможно только при соблюдении определенных ограничений, что также приводит к признанию современной порнографии противоречащей концепции «кама». Сказанное подчеркнуто, например, в эпосе Махабхарата [Махабхарата. Книги 13-18. 2018]. Так, в разделе CXLV книги Анушасанапарва указано, что «те мужчины, которые, ведомые желанием в своих сердцах, бросали взгляды на обнаженных женщин, из-за этих злых деяний будут рождены, чтобы провести всю следующую жизнь в одной непрерывной болезни», а также «никогда не следует смотреть ни на обнаженную женщину, ни на голого мужчину; предаваться сексуальному общению, кроме как наедине» [Смирнов 1955-1972: 778].

Таким образом, в индуизме сексуальные темы заложены в доктрину вероучения в качестве возвышенной и духовной составляющей Пурушартхи, где тело рассматривается как философская сущность, а сексуальные сцены, изображенные в храмах или содержащиеся в религиозных источниках, выполняют функцию символизма без негативной коннотации. При этом, основываясь на некоторых концепциях индуистского эпоса, порнография, так же, как и в буддизме, рассматривается в качестве морально неприемлемого и эгоистического действия, влекущего последующие перерождения. На формирование же современных правовых запретов в указанной сфере огромное влияние имели пуританские взгляды исламских правителей, британских колонизаторов и касты браминов, в связи с чем ст. 294, 295, 296 Индийского кодекса правосудия направлены против дистрибуции непристойных предметов [Индийский кодекс правосудия Республики Индия от 01 июля 2024 г. URL].

Представленный обзор религиозных источников в контексте понимания феномена порнографии с точки зрения концепций авраамических религий, буддизма и индуизма приводит к выводу о ключевой роли религии в формировании отношения к названному явлению. Концепции блуда, блудодеяния и прелюбодеяния, под которые подпадает явление порнографии, имеют как сущностные, так и формальные различия, признаются грехом в авраамических религиях, а также не соответствуют идеям буддизма и индуизма, получив развитие в качестве не только религиозно, но и социально-неодобряемого поведения, и стали основой для формирования светских запретов.

Запрет порнографии имеет глубокие корни в священных текстах иудаизма, христианства и ислама, служа как моральным правилом, так и инструментом социально-правового регулирования, укрепляющим семейные и общественные отношения. Названным авраамическим системам, где сексуальные отношения регулируются не только индивидуальной моралью, но и широкой системой социальных норм, с течением времени стало свойственно стремление к построению институтов регулирования для политического господства и собственного правотворчества, чему способствовало историческое постоянство религиозных норм и их универсальность.

Именно поэтому, являясь надгосударственными и наднациональными структурами, религиозные организации (церковь, имамат) играли роль в развитии и становлении права, способствуя созданию единого культурного, социального и правового пространства на основе вероучений.

Авраамические религии занимают позицию, противостоящую порнографии, исходя из различных обоснований, чаще всего связанных с потерей добродетелей. В источниках, особенно христианских и исламских, есть множество положений, которые интерпретируют в качестве осуждающих и запрещающих любые формы прелюбодеяния, в том числе порнографию, однако их регламентация отличается. Отношение к порнографии как к одному из проявлений прелюбодеяния обусловило формирование социальных, а затем и правовых институтов нравственности, охраняемых уже не только религиозными, но и светскими нормами. Ввиду экспансивной политики государств, где основной религией выступали христианство или ислам, такие положения распространились по всему миру, в том числе и в странах, исповедующих иные верования (например, колониальная политика в Индии).

Также прослеживается, что более древние буддизм и иудаизм относятся к просмотру и обращению порнографии как к проявлению эгоистического акта, однако не признают его греховным и влекущим какой-либо божественной кары, в отличие от религий Откровения, что, по сути, иллюстрирует характер более свободной дхармической концепции нравственности. Сказанное также могло стать причиной формирования либеральных взглядов на порнографическую продукцию в государствах, где были распространены указанные религии, ввиду исторического развития эротических религиозных символов и искусства (Япония, Непал).

Рассмотренные религиозные парадигмы понимания порнографии, хотя и имеют некоторые сходные черты, различаются ввиду разности концептуальных элементов, и даже в наши дни имеют прямое или косвенное влияние на построение запретов в законодательстве практически всех стран мира. Посредством нормативных предписаний религии подтверждают свою приверженность глубоко укоренившимся моральным ценностям, заложенным в первичных текстах и доктрине, а также свою роль в формировании и поддержании этичного и устойчивого правопорядка.

Литература

- Большаков О. Г. Ислам и изобразительное искусство / Труды Гос. Эрмитажа. – 1969. – т. X. С. 142-153.
Васильев В. П. Буддизм, его догматы, история и литература. Часть 1. Общее обозрение. СПб., 1857.
Ветхий Завет. Вторая книга Моисея. Исход / Семейная библиотека. Священные тексты. СПб., 2015.
Второзаконие / Православная богословская энциклопедия. СПб., 1902.
Дубинина Е. Н., Воронцова В. Д. Светские и религиозные правовые семьи в современной действительности: вопросы взаимосвязи / *Advances in Law Studies*. – 2021. – Т. 9, № 2. С. 6-10.
Георгиевский Э. В. Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию: монография. М., 2014.

Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Абода Зара. Шабат / СПб., 1908–1913.

Закон Государства Израиль об уголовном праве от 04 августа 1977 г. URL: <https://main.knesset.gov.il/activity/legislation/laws/pages/lawprimary.aspx?t=lawlaws&st=lawlaws&lawitemid=2000479>

Индийский кодекс правосудия Республики Индия от 01 июля 2024 г. URL: [https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2023/Bharatiya_Nyay_\(Second\)_Sanhita_2023.pdf](https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2023/Bharatiya_Nyay_(Second)_Sanhita_2023.pdf)

Карташев А. В. Вселенские Соборы. VI Вселенский собор (680—681 гг.) / Париж, 1963.

Катехизис Католической Церкви. URL: <https://cccconline.ru/>

Книга Сахих Муслим 2 том. М., 2017.

Махабхарата. Книги 13–18. М., 2018.

Об ответственности за изготовление, хранение и рекламирование порнографических изданий, изображений и иных предметов и за торговлю ими: Постановление ЦИК СССР № 21, СНК СССР № 2335 от 17 октября 1935 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=31380>

Папаян Р. А. Христианские корни современного права. М., 2002.

О порнографии: Закон Республики Индонезия № 44 от 26 ноября 2008 г. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/39740>

Первое послание Иоанна. URL: <https://www.patriarchia.ru/bible/jn1/3/>

Пименова Ж. В. Эротика и культура: пластика оргиастических культов / Актуальные инновационные исследования: наука и практика. – 2012. – № 1. С. 1–16.

Сборник Аль Бухари «Фатх аль Бари». Казань, 2020.

Святое Евангелие с толкованиями и комментариями. М., 2021.

Священные тексты религий мира. Трипитака и другие тексты буддизма. М. 2022.

Священный Коран. М., 2023.

Скурко Е. В. Правовые системы государств Азии: традиции и современность / Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2022. – № 4. С. 170–178.

Смирнов Б. Л. Комментарий к Махабхарата. 7 т. Ашхабад, 1955–1972.

Спирин М. Ю. Особенности религиозных факторов (истоков права), определяющих сущность правового регулирования / Сб. мат. Междунар. науч.-практич. конф. «Вторые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пьянова»: 06–14 ноября 2020 г., г. Иркутск. Иркутск, 2021. С. 93–100.

Толковая Библия. Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В 11 т. / под ред. А. П. Лопухина (т. 1); издание преемников А. П. Лопухина (тт. 2—11). СПб., 1904–1913.

Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=263>

Уголовный кодекс Иорданского Хашимитского Королевства от 01 мая 1960 г. URL: <https://cyrilla.org/entity/aq185ttua4fmjzs4kowqgds4i?page=75&file=1589193961149blfhxqk95bb.pdf>

Федоров С. М. Религия как средство обеспечения законности в современном обществе / Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 18. С. 65–72.

Чирков Ф. В. Мораль и уголовная политика: опыт моделирования / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 11. С. 231–236.

Шевелева С. В., Бидзян Д. Р. Генезис нормативных запретов проституции и порнографии в России / Сб. науч. трудов Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, 16 октября 2021 г., г. Курск, Курск, 2021. С. 578–582.

Cohen Seymour J. The Holy Letter: a Study in Medieval Jewish Sexual Morality, ascribed to Nahmanides. New York, 1976.

References

Al-Bukhari's collection Fath al-Bari (2020). Kazan (in Russian).

Bolshakov, O. G. (1969). Islam and fine arts. Transactions of the State Hermitage Museum. Vol. X, 142–153 (in Russian).

Catechism of the Catholic Church. Available from: <https://cccconline.ru/> (in Russian).

Chirkov, F. V. (2023). Morality and criminal policy: a modeling experience. Humanities, socio-economic and social sciences. 11, 231–236 (in Russian).

Cohen, Seymour J. (1976). The Holy Letter: a Study in Medieval Jewish Sexual Morality, ascribed to Nahmanides. New York.

Criminal Code of Georgia dated 22.07.1999 Available from: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=263> (in Russian).

Criminal Code of the Penal Code of the Hashemite Kingdom of Jordan dated 01.05.1960 Available from: <https://cyrilla.org/entity/aq185ttua4fmjzs4kowqgds4i?page=75&file=1589193961149blfhxqk95bb.pdf>

Deuteronomy (1902). Orthodox Theological Encyclopedia. St. Petersburg (in Russian).

Dubinina, E. N., Vorontsova, V. D. (2021). Secular and religious legal families in modern reality: issues of interconnection. Advances in Law Studies. Vol. 9, 2, 6–10 (in Russian).

Explanatory Bible. Commentary on all the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. In 11 volumes (1904–1913). Edited by A.P. Lopukhin (vol. 1); publication of the successors of A.P. Lopukhin (vols. 2–11). St. Petersburg (in Russian).

Fedorov, S. M. (2022). Religion as a means of ensuring the rule of law in modern society. Issues of Russian justice, 18, 65–72 (in Russian).

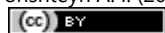
First Epistle of John. Available from: <https://www.patriarchia.ru/bible/jn1/3/> (in Russian).

Georgievskiy, E. V. (2014). Religious grounds for criminal-law prohibitions: from archaic polytheism to Russian Orthodoxy:

- monograph. Moscow (in Russian).
- Jewish Encyclopedia of Brockhaus and Efron. Aboda Zara. Shabbat (1908-1913). St. Petersburg (in Russian).
- Kartashev, A. V. (1963). Ecumenical Councils. VI Ecumenical Council (680-681). Paris (in Russian).
- Mahabharata (2018). Books 13-18. Moscow (in Russian).
- Old Testament. The Second Book of Moses. Exodus / Family Library. Sacred Texts (2015). St. Petersburg (in Russian).
- On liability for the production, storage and advertising of pornographic publications, images and other items and for trading in them: Resolution of the Central Executive Committee of the USSR № 21, Council of People's Commissars of the USSR № 2335 dated 17.10.1935. Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=31380> (in Russian).
- On pornography: Law of the Republic of Indonesia № 44 dated 26.11.2008. Available from: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/39740> (in Indonesian)
- Papayan, R. A. (2002). Christian roots of modern law. Moscow (in Russian).
- Pimenova, Zh. V. (2012). Erotica and culture: the plasticity of orgiastic cults. Actual innovative research: science and practice. 1, 1-16 (in Russian).
- Sacred texts of the world religions. Tripitaka and other texts of Buddhism (2022). Moscow (in Russian).
- Sahih Muslim Book. Volume 2 (2017). Moscow (in Russian).
- Sheveleva, S. V., Bidzyan, D. R. (2021). Genesis of regulatory bans on prostitution and pornography in Russia. Collection of scientific papers of the South-West Legal Forum dedicated to the 30th anniversary of the Faculty of Law of the South-West State University, October 16, 2021. Kursk, 578-582 (in Russian).
- Skurko, E. V. (2022). Legal systems of Asian states: traditions and modernity / Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 4, State and Law: Abstract journal, 4, 170-178 (in Russian).
- Smirnov, B. L. (1955-1972). Commentary on the Mahabharata. vol. 7. Ashgabat (in Russian).
- Spirin, M. Yu. (2021). Features of religious factors (sources of law) that determine the essence of legal regulation. Coll. of materials. Int. scientific-practical. conf. "The Second International Theoretical and Legal Readings named after Professor N. A. Pyanov": November 6-14, 2020. Irkutsk, 93-100 (in Russian).
- The Criminal Law of the State of Israel, dated 04.08. 1977. Available from: <https://main.knesset.gov.il/activity/legislation/laws/pages/lawprimary.aspx?t=lawlaws&st=lawlaws&lawitemid=2000479> (in Hebrew).
- The Holy Gospel with interpretations and commentaries (2021). Moscow (in Russian).
- The Holy Quran (2023). Moscow (in Russian).
- The Indian Code of Justice of the Republic of India, dated 01.07.2024. Available from: [https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2023/Bharatiya_Nyay_\(Second\)_Sanhita_2023.pdf](https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2023/Bharatiya_Nyay_(Second)_Sanhita_2023.pdf)
- Vasiliev, V. P. (1857). Buddhism, its dogmas, history and literature. Part 1. General review. St. Petersburg (in Russian).

Citation:

Фонштейн А. И. Религиозные догматы как первые источники запрета порнографии // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 33-39.
 Fonshteyn A. I. (2025) Religious Dogmas as the Primary Source of Pornography Prohibition. Legal Linguistics, 37, 33-39.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О необходимости взаимодействия юридического и лингвоэкспертного сообществ в целях повышения эффективности законотворческой техники (на примере одного арбитражного дела)

А. Д. Нечаева¹, М. С. Саломатина²

¹ООО «ОлимпЛаб»

Театральная ул., 23/1, 394036, Воронеж, Россия. E-mail: nechaeva90@mail.ru

²Воронежский государственный университет

Университетская пл., 1, 394018, Воронеж, Россия. E-mail: salomatina.maria@yandex.ru

Статья посвящена обсуждению актуальной в современном отечественном юридическом и лингвоэкспертном сообществах проблемы повышения эффективности законотворческой техники, а также вопросам лингвистической интерпретации юридического текста в процессе правоприменения. В работе обсуждаются так называемые спорные случаи интерпретации нормативно-правового акта, когда его содержание по-разному толкуется участниками судебного процесса, что создает препятствия к эффективной работе правовой системы. Указанный вопрос рассматривается на материале взаимодействия авторов – практикующего юриста и лингвиста-эксперта – в рамках арбитражного судопроизводства. Показательность предлагаемого кейса в свете обозначенной проблемы обусловлена тем, что необходимость обращения к специальным лингвистическим знаниям в данном случае была обозначена судом, который и инициировал привлечение лингвиста к участию в арбитражном процессе. Потребность в получении письменного заключения специалиста и последующем разъяснении его содержания в зале суда вызвана главным образом особенностями синтаксической организации спорного текста, а именно синтаксической сложностью, характерной для российского официально-делового языка. В статье демонстрируется методика лингвистического анализа текста приказа Минздрава, в том числе обосновывается выбор предлагаемого подхода к исследованию спорного языкового материала. Показан способ использования лингвистических знаний в судебном процессе и место заключения специалиста в общей системе доказательств по делу. На материале конкретного дела авторами выявлены проблемы современной российской законотворческой техники, в частности несоответствие правового текста требованиям непротиворечивости, однозначности, ясности, лаконичности. Обозначено направление продуктивного взаимодействия лингвистического и юридического сообществ в сфере законотворческой деятельности.

Ключевые слова: законотворческая техника, лингвистическая экспертиза нормативно-правовых актов, противоречия в интерпретации нормативно-правового акта, методика лингвоэкспертного анализа текста.

On the Need for Interaction between the Legal and Linguistic Expert Communities to Increase the Effectiveness of Legislative Technology (Case Study of an Arbitration Case)

A. D. Nechaeva¹, M. S. Salomatina²

¹OlympLab LLC

23/1Teatralnaya St., 394036, Voronezh, Russia. E-mail: nechaeva90@mail.ru

²Voronezh State University

1 Universitetskaya Sq, 394018, Voronezh, Russia. E-mail: salomatina.maria@yandex.ru

The article discusses the problem of increasing the efficiency of legislative technology, which is relevant in the modern domestic legal and forensic linguist expert communities, as well as issues of linguistic interpretation of legal text in the process of law enforcement. The work discusses the so-called controversial cases of interpretation of a normative legal act, when its content is interpreted differently by the participants in the trial, which creates obstacles to the effective operation of the legal system. This issue

is considered based on collaboration of the authors - a practicing lawyer and a linguist expert - within the framework of arbitration proceedings. The exemplarity of the proposed case in light of the identified problem is due to the fact that the need to turn to special linguistic knowledge in this case was indicated by the court, which initiated the involvement of a linguist in the arbitration process. The need to obtain a written opinion of a specialist and subsequent clarification of its content in the courtroom is caused mainly by the peculiarities of the syntactic organization of the disputed text, namely the syntactic complexity characteristic of the Russian official business language. The article demonstrates the methodology of linguistic analysis of the text of the decree of the Ministry of Health, including the grounds to the choice of the proposed approach to the study of controversial linguistic material. The method of using linguistic knowledge in the judicial process and the place of the expert's conclusion in the general system of evidence in the case are shown. Using the material of a specific case, the authors identified the problems of modern Russian law-making technology, in particular, the discrepancy between the legal text and the requirements of consistency, unambiguity, clarity, and brevity. The focus of productive interaction between the linguistic and legal communities in the field of law-making is outlined.

Key words: legislative technique, linguistic examination of normative legal acts, contradictions in the interpretation of a normative legal act, methods of linguistic expert analysis of text.

В последние годы специалисты в области юриспруденции и лингвистики активно обсуждают проблему понимания юридического текста. По словам ученых, «в настоящее время судам все чаще приходится сталкиваться с ситуациями, когда участники юридических разбирательств ссылаются на непонимание смысла юридических документов как на юридически значимое обстоятельство. <...> Непонимание может иметь разные формы и разные причины, требуя разных критериев оценки, однако одна из наиболее распространенных сегодня причин – усложнение языка правовых документов, его юридизация» [Белов 2019]. На наш взгляд, средством решения указанной распространенной проблемы может стать систематическое и последовательное взаимодействие юридического и лингвоэкспертного сообществ в сфере законотворческой техники.

Юридическая лингвистика, как известно, «изучает государственный язык (как особый статус, как объект языковой политики государства и т.д.) и язык права (как специализированную терминосистему, как элемент обслуживания юридической сферы, как объект следственного и судебного разбирательств и т.д.)». [Костромичева 2007: 59]. С юриспруденцией юрислингвистика связана главным образом «в прикладной области: как с источником огромного эмпирического материала, как с объектом юридического регулирования, как со средством законодательной деятельности, как с инструментом и объектом правоприменительной деятельности» [Костромичева 2007: 59].

Ярким примером применения специальных лингвистических знаний в сфере решения правовых вопросов является арбитражное дело № А14-5489/2024, в котором причиной возникновения спорных отношений послужила юридико-лингвистическая неопределенность наименования Приказа Минздрава РФ №303н «Об утверждении порядка выдачи справки об отсутствии у работников, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к наркотическим средствам, психотропным веществам (далее – НСПВ), внесенным в список I и таблицу I списка IV перечня НСПВ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, прекурсоров или культивируемым наркосодержащим растениям, заболеваний наркоманией, токсикоманией, хроническим алкоголизмом» (далее – Приказ №303н) [Приказ Минздрава РФ №303н URL].

Предметом судебного спора явилось наименование Приказа N303н. Позиция заявителя основывалась на буквальном прочтении наименования приказа N303н, в котором упоминается НСПВ, включенные в список I и таблицу I списка IV перечня, включенного в Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. N 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 N 681 URL].

Сотрудники медицинского учреждения использовали НСПВ, внесенные в списки II и III, поэтому заявитель сделал вывод о том, что данный нормативно-правовой акт не регулирует спорные правоотношения и для допуска к работе, достаточно получить справку любого образца, в том числе выданную в порядке, предусмотренном Приказом Минздрава РФ от 14.09.2020 N 972н «Об утверждении Порядка выдачи медицинскими организациями справок и медицинских заключений» [Приказ Минздрава РФ от 14.09.2020 N 972н URL].

Ответчик был не согласен с позицией заявителя, в связи с чем вынес предписание об устранении нарушений: пп. «б» пункта 4 Постановления Правительства РФ от 20.05.2022 N 911 «О допуске лиц к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, а также к деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ (вместе с "Правилами допуска лиц к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, а также к деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ")» [Постановление Правительства РФ от 20.05.2022 № 911 URL], выразившееся в допуске к работе с НСПВ лиц, в отношении которых отсутствовали справки, предусмотренные абзацем четвертым пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» [Федеральный закон «О наркотических средствах...» URL]; пунктов 1, 2, 3, 4, 5, 6 Приказа N 303н [Приказ Минздрава РФ №303н URL]. Указанное предписание было оспорено заявителем в арбитражном суде.

Изучив материалы дела, суд рекомендовал привлечь специалиста в области лингвистики. Перед специалистом-лингвистом был поставлен вопрос: содержится ли в названии Приказа № 303н информация о том, что действие указанного приказа распространяется на работников, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к НСПВ, внесенным в списки II и III перечня НСПВ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации? Объектом лингвистического исследования, таким образом, стало наименование вышеуказанного приказа.

Специфика лингвистического исследования в этом случае была обусловлена не столько сложностью задачи, сколько

необходимостью выбора подхода к исследованию спорного текста, а именно выбора методологии. Указанная сложность объясняется тем, что специалист при исследовании предоставленного языкового материала поставлен перед необходимостью доказывать, казалось бы, очевидное обстоятельство – отсутствие в спорном названии упоминаний списков II и III перечня НСПВ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации. Тем не менее, как известно, утверждение в тексте «может быть как явным (эксплицитным), так и скрытым, неявным (имплицитным)». К эксплицитным относятся такие утверждения, содержание которых можно установить из поверхностной формы высказывания, не проводя дополнительных смысловых преобразований, которые могут основываться как на значении слов, входящих в это высказывание, так и на значении контекста. К скрытым утверждениям относятся такие утверждения, которые выявляются на основе дополнительного анализа значения выражений, входящих в высказывание, и на значении контекста употребления этого высказывания» [Баранов 2011].

Принимая во внимание приведенный теоретический постулат, а также синтаксическую сложность исследуемого спорного названия, специалистом-лингвистом было принято решение об использовании для семантического анализа текста Приказа 303н приема выделения т. н. смысловых блоков. В результате использования указанного приема были выделены следующие смысловые блоки.

1. В приказе утверждается порядок выдачи Справки об отсутствии у работников, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к наркотическим средствам, психотропным веществам, внесенным в список I и таблицу I списка IV перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, прекурсоров или культивируемым наркосодержащим растениям, заболеваний наркоманией, токсикоманией, хроническим алкоголизмом («Об утверждении Порядка выдачи справки об отсутствии у работников, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к наркотическим средствам, психотропным веществам, внесенным в список I и таблицу I списка IV перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, прекурсоров или культивируемым наркосодержащим растениям, заболеваний наркоманией, токсикоманией, хроническим алкоголизмом»).

2. В приказе утверждается форма Справки об отсутствии у работников, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к наркотическим средствам, психотропным веществам, внесенным в список I и таблицу I списка IV перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, прекурсоров или культивируемым наркосодержащим растениям, заболеваний наркоманией, токсикоманией, хроническим алкоголизмом («Об утверждении Порядка выдачи справки об отсутствии у работников, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к наркотическим средствам, психотропным веществам, внесенным в список I и таблицу I списка IV перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, прекурсоров или культивируемым наркосодержащим растениям, заболеваний наркоманией, токсикоманией, хроническим алкоголизмом, формы такой справки»).

3. В Приказе сообщается о признании утратившим силу Приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 22 декабря 2016 г. N 988н («<...> о признании утратившим силу приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 22 декабря 2016 г. N 988н»).

4. Работники, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к наркотическим средствам, психотропным веществам, внесенным в список I и таблицу I списка IV перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, прекурсоров или культивируемым наркосодержащим растениям, должны получить справку об отсутствии у них заболеваний наркоманией, токсикоманией, хроническим алкоголизмом («Об утверждении Порядка выдачи справки об отсутствии у работников, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к наркотическим средствам, психотропным веществам, внесенным в список I и таблицу I списка IV перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, прекурсоров или культивируемым наркосодержащим растениям, заболеваний наркоманией, токсикоманией, хроническим алкоголизмом»).

5. К заболеваниям, препятствующим получению доступа к наркотическим средствам, психотропным веществам, внесенным в список I и таблицу I списка IV перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, прекурсоров или культивируемым наркосодержащим растениям, относятся наркомания, токсикомания, хронический алкоголизм («<...> об отсутствии у работников, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к наркотическим средствам, психотропным веществам, внесенным в список I и таблицу I списка IV перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, прекурсоров или культивируемым наркосодержащим растениям, заболеваний наркоманией, токсикоманией, хроническим алкоголизмом»).

6. Справка необходима работникам, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к наркотическим средствам, психотропным веществам, внесенным в список I и таблицу I списка IV перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, прекурсоров или культивируемым наркосодержащим растениям («Об утверждении Порядка выдачи справки об отсутствии у работников, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к наркотическим средствам, психотропным веществам, внесенным в список I и таблицу I списка IV перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, прекурсоров или культивируемым наркосодержащим растениям»).

7. Наркотические средства, психотропные вещества, для доступа к которым требуется Справка, внесены в список I и таблицу I списка IV перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации («<...> справки об отсутствии у работников, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к наркотическим средствам, психотропным веществам, внесенным в список I и таблицу I списка IV перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации <...>»).

Предпринятый анализ позволил исследовать семантическую структуру спорного наименования и показал, что в спорном тексте указаны список I и таблица I списка IV перечня НСПВ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации. Списки же II и III перечня НСПВ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в спорном тексте не названы. В спорном тексте также отсутствуют языковые средства, которые могли бы указывать на то, что действие Приказа распространяется на работников, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к НСПВ, внесенным в списки II и III перечня НСПВ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации. В русском деловом языке для указания на то, что перечисление может быть продолжено, как правило, используются такие лексические единицы, как «и прочее», «и так далее», «и другое», «и некоторые другие», «и подобные». Приведенные языковые единицы и их синонимы отсутствуют в спорном тексте.

Значимым фактором в процессе производства лингвистического заключения эксперта или специалиста является также учет стилистической принадлежности спорного текста. При анализе обсуждаемого языкового материала фактор стиля стал одним из ключевых для решения исследовательской задачи.

С точки зрения стилистической принадлежности спорный текст относится к официально-деловому стилю, в частности к административно-канцелярскому, или административному подстилю.

Официально-деловой стиль – «один из функциональных стилей современного литературного языка, обслуживающий сферу права, власти, администрации, коммерции внутри- и межгосударственных отношений. <...> Наиболее общие стилиобразующие экстралингвистические факторы О.-д.с. – правовая сфера, соотносимая с законодательной, правовой, административной, коммерческой видами деятельности и формой общественного сознания – правом» [Жеребило 2010].

Одним из значимых признаков официально-делового стиля является точность, «не допускающая инотолкования» [Жеребило 2010]. «Функция социальной регламентации, которая играет самую важную роль в официально-деловой речи, предъявляет к соответствующим текстам требование однозначности прочтения» [Официально-деловой стиль URL], то есть смысловая точность деловой речи, по мнению лингвистов, является одним из главных условий, обеспечивающих практическую и правовую ценность официально-делового текста [Трубникова 2019].

Еще одним существенным признаком официально-деловой речи является полнота информации: «Письменная деловая речь – это речь в отсутствии собеседника, поэтому ситуация в документе должна быть представлена во всех подробностях, чтобы сделаться понятной адресату. Полнота информации – одно из главных условий, обеспечивающих практическую и правовую ценность документа» [Официально-деловой стиль URL].

Указанные признаки официально-делового стиля в полной мере релевантны и для обсуждаемого спорного текста, являющегося типичным примером официально-деловой письменной речи. Данный факт дает возможность сделать вывод о том, что спорный текст не содержит скрытых смыслов, в том числе намека, подтекста, иносказания, что наряду с результатами, полученными в ходе семантического анализа, позволяет заключить, что в спорном тексте отсутствует косвенное указание на иные списки, не упомянутые в названии Приказа.

Проведенное лингвистическое исследование позволило сделать вывод о том, что в названии Приказа № 303н *отсутствует* информация о том, что действие указанного приказа распространяется на работников, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к наркотическим средствам и психотропным веществам, внесенным в списки II и III перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации.

Далее необходимо дать краткую информацию о содержании судебного решения в том числе и в части, не касающейся непосредственно лингвистической составляющей спора. Это позволит, с одной стороны, продемонстрировать роль заключения специалиста в данном деле, с другой – увидеть, каким образом лингвистическое исследование может способствовать выявлению частных несовершенств и противоречий современного законодательства.

Приняв во внимание заключение специалиста-лингвиста, суд признал, что Приказ N 303н действительно устанавливает порядок выдачи справки о допуске к НСПВ, внесенным в список I и таблицу I списка IV перечня НСПВ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации и не включает в данный порядок НСПВ и их прекурсоров, внесенные в списки II и III перечня НСПВ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации.

Одним из значимых обстоятельств, повлиявших на содержание принятого судом решения, стало то, что иного порядка получения справки, дающей медицинским работникам право доступа к НСПВ по всем утвержденным спискам и внесенным в Список I прекурсоров, не утверждено. Таким образом, по мнению суда, к спорным правоотношениям возможно применение действующего законодательства (по аналогии), которое регулирует непосредственно оборот НСПВ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации. В качестве такого нормативно-правового акта в решении указан Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах». В соответствии с п. 1 ст. 8 названного закона «Оборот наркотических средств, психотропных веществ и внесенных в Список I прекурсоров на территории Российской Федерации осуществляется только в целях и порядке, установленных настоящим Федеральным законом и принимаемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами Российской Федерации» [Федеральный закон «О наркотических средствах...» URL]. По мнению суда, только Приказ N 303н отвечает вышеуказанным требованиям.

На основании этого суд сделал вывод о том, что, поскольку в правовом регулировании спорных правоотношений отсутствует утвержденный соответствующим органом порядок получения справок, дающих доступ к НСПВ и их прекурсоров,

внесенным в списки II и III перечня, оспариваемое предписание надзорного органа о необходимости получения справки по форме, утвержденной приказом N 303н, не может нарушать права и законные интересы заявителя в сфере оборота НСПВ.

В результате Арбитражным судом было принято решение об отказе в удовлетворении требований [Решение Арбитражного суда Воронежской области от 14.10.2024 по делу N A14-5489/2024 URL].

Арбитражное дело *подсветило*, таким образом, ряд сложностей, связанных со спецификой организации современной законодательной системы. Кроме того, рассмотренный кейс демонстрирует один из вариантов использования в процессе судопроизводства заключения специалиста. В данном случае оно не стало ключевым доказательством по делу, поскольку спорный вопрос лежал по большей части в собственно правовой плоскости и обусловлен наличием лагун в российском законодательстве. Однако лингвистическая составляющая дела стала инструментом, позволившим не только выявить эти законодательные лагуны, но и обратить внимание на языковое несовершенство самих нормативно-правовых текстов, обусловившее противоречия в интерпретации сторонами судебного разбирательства содержания правовых документов.

Как уже было сказано, необходимость обращения к специальным лингвистическим знаниям во многом была продиктована такой характеристикой спорного текста, как синтаксическая сложность. В 2020 году факультет права Высшей школы экономики провел исследование новых форм-факторов юридической коммуникации при взаимодействии граждан и бизнеса, в ходе которого в числе прочего было установлено, что около 70% граждан с высшим образованием не могут понять текст закона без помощи юриста [Исследование новых форм-факторов 2025 URL]. Язык взаимодействия различных социальных институтов и граждан настолько усложнился, что не только неспециалисты, но и профессиональные юристы зачастую испытывают трудности в понимании сути сформулированных правил.

Вместе с тем Конституционный суд РФ говорит о том, что правовые запреты, предписания и дозволения должны восприниматься максимально однозначно любым, кто ознакомится с текстом нормативного акта, – в этом состоит гарантия того, что в делах со сходными обстоятельствами и в одинаковых условиях правовые нормы будут истолковываться и применяться одинаково [Постановление Конституционного Суда РФ № 11-П URL, Постановление Конституционного Суда РФ № 9-П URL].

Реализации требования определенности правовой нормы препятствует существующая проблема синтаксической сложности нормативных правовых актов, которая является чрезвычайно актуальной для отечественного законодательства. Так, в 2020 г. Высшей школой экономики было проведено исследование, в ходе которого было проанализировано 592 нормативных правовых акта, разработан индекс синтаксической сложности нормативно-правовых актов. Результаты анализа показали, что язык российского законодателя в 10 раз превосходит по сложности современный русский литературный язык [Винокуров 2020]. Синтаксическая сложность наименования Приказа N303н, по данным сервиса, разработанного Высшей школой экономики [Оценка синтаксической сложности текстов URL], составила 56.36, в то время как в среднем законодательство РФ составляет 40,1. Синтаксическая сложность наименования Приказа №303н, на наш взгляд, стала ключевой причиной разночтений в процессе интерпретации спорного текста. В данном случае лингвистическое исследование послужило одним из важных источников судебной истины.

При поверхностном знакомстве с содержанием обсуждаемого дела может показаться, что судом не был учтен уже упоминавшийся нами фактор стилистической принадлежности спорного текста. Как было сказано ранее, тексты официально-делового стиля не предполагают наличия в них имплицитных утверждений, требующих исследования при помощи лингвистического инструментария. Таким образом, можно подумать, что суд имел основания принять решение о смысле спорного наименования без привлечения специалиста-лингвиста. Однако требования прозрачности синтаксических структур и отсутствия возможности полиинтерпретируемости, предъявляемые к официально-деловым, в частности, законодательным текстам, входят в противоречие с реальной законотворческой техникой, в рамках которой создаются тексты, не соответствующие критериям ясности, понятности, однозначности. В связи с этим в практику судов вошло регулярное обращение к лингвистам за разъяснениями смысла различных юридических текстов.

Описанная проблема, касающаяся языка законодательных текстов, носит системный характер. Представляется, что она может быть решена в процессе регулярного и систематического взаимодействия специалистов в области лингвистики и юриспруденции.

Литература

- Баранов А. Н. Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста / Юрислингвистика. 2011. – №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skrytoe-implitsitnoe-utverzhenie-v-lingvisticheskoy-ekspertize-teksta-1>.
- Белов С. А., Тарасова К. В. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? / Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2019. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatnost-tekstov-yuridicheskikh-dokumentov-fiksiya-ili-prezumpsiya>.
- Винокуров А. Слишком нормативный русский. В Высшей школе экономики оценили сложность российских законов. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4291932>.
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010.
- Исследование новых форм-факторов 2025 юридической коммуникации при взаимодействии граждан и бизнеса. 2025. URL: <https://pravo.hse.ru/mirror/pubs/share/1053121884.pdf>
- Костромичёва М. В. Юридическая лингвистика: к вопросу о соотношении языка и права / Среднерусский вестник общественных наук. – 2007. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-lingvistika-k-voprosu-o-sootnoshenii-yazyka-i-prava>.
- Официально-деловой стиль / Русский язык и культура речи. URL: <https://yagu.s-vfu.ru/mod/assign/view.php?id=922427>.
- Оценка синтаксической сложности текстов. URL: <https://lawreadability.hse.ru/>

- Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 N 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР" и Законов Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и "О федеральных органах налоговой полиции"». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15071999-n/>.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 N 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Н. Белецкого, Г. А. Никовой, Р. В. Рукавишникова, В. Л. Соколовского и Н. И. Таланова"». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27052003-n/>.
- Постановление Правительства РФ от 20.05.2022 N 911 «О допуске лиц к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, а также к деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ (вместе с "Правилами допуска лиц к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, а также к деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ")». URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/drugs/licensingdrugs/documents/78291>.
- Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 N 681 (ред. от 11.06.2025) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/12112176/>.
- Приказ Минздрава РФ от 14.09.2020 N 972н «Об утверждении Порядка выдачи медицинскими организациями справок и медицинских заключений». URL: <https://sudact.ru/law/prikaz-minzdrava-rossii-ot-14092020-n-972n/>.
- Приказ Министерства здравоохранения РФ от 4 мая 2022 г. N 303н «Об утверждении Порядка выдачи справки об отсутствии у работников, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к наркотическим средствам, психотропным веществам, внесенным в список I и таблицу I списка IV перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, прекурсорам или культивируемым наркосодержащим растениям, заболеваний наркоманией, токсикоманией, хроническим алкоголизмом, формы такой справки и о признании утратившим силу приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 22 декабря 2016 г. N 988н». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=603073242>.
- Решение Арбитражного суда Воронежской области от 14.10.2024 по делу N A14-5489/2024 Требование: О признании недействительным предписания Территориального органа Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения. Решение: В удовлетворении требования отказано. Электронный ресурс Консультант плюс. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=7F09DAA876448B3AF49B31F2173A12D7&mode=backrefs&base=ASCN&n=2906497&BASENODE=liliMiwyMTMsQVNQSSiLCliMiwyMDAsQVMiliwiljlsMixBUklilil&rnd=RsvSIA#mDiJuqUeW9K3RwaM1>.
- Трубникова Ю. В. Проблемы реализации жанра делового письма в современной деловой коммуникации: коммуникативно-прагматический, структурный и нормативный аспекты / Филология и человек. – 2019. – № 2. – С. 99-110.
- Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259>.
- Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102050997>.

References

- Assessment of the syntactic complexity of texts. Available from: <https://lawreadability.hse.ru/> (in Russian).
- Baranov, A. N. (2011). Hidden (implicit) statement in linguistic examination of the text. *Jurilinguistics*, 11. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/skrytoe-implitsitnoe-utverzhdienie-v-lingvisticheskoy-ekspertize-teksta-1> (in Russian).
- Belov, S. A., Tarasova, K. V. (2019). Clarity of texts of legal documents: fiction or presumption?. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Law*, 4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatnost-tekstov-yuridicheskikh-dokumentov-fiksiya-ili-prezumpsiya> (in Russian).
- Decision of the Arbitration Court of the Voronezh Region dated October 14, 2024 in case N A14-5489/2024 Claim: On the recognition of the order of the Territorial Body of the Federal Service for Surveillance in Healthcare as invalid. Decision: The claim is denied. Consultant Plus electronic resource. Available from: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=7F09DAA876448B3AF49B31F2173A12D7&mode=backrefs&base=ASCN&n=2906497&BASENODE=liliMiwyMTMsQVNQSSiLCliMiwyMDAsQVMiliwiljlsMixBUklilil&rnd=RsvSIA#mDiJuqUeW9K3RwaM1> (in Russian).
- Federal Law "On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances" dated 08.01.1998. Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102050997> (in Russian).
- Federal Law of November 21 2011 N 323-FZ "On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation". Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259> (in Russian).
- Kostromicheva, M. V. (2007). Legal linguistics: on the issue of the relationship between language and law. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 3. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-lingvistika-k-voprosu-o-sootnoshenii-yazyka-i-prava> (in Russian).
- Official business style. Russian language and culture of speech. Available from: <https://yagu.s-vfu.ru/mod/assign/view.php?id=922427> (in Russian).

Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 14.09.2020 N 972n "On approval of the Procedure for issuing certificates and medical reports by medical organizations". Available from: <https://sudact.ru/law/prikaz-minzdrava-rossii-ot-14092020-n-972n/> (in Russian).

Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated May 4, 2022 N 303n "On approval of the Procedure for issuing a certificate of absence of diseases in employees who, in accordance with their job duties, must have access to narcotic drugs, psychotropic substances included in List I and Table I of List IV of the list of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors subject to control in the Russian Federation, precursors or cultivated drug-containing plants, drug addiction, substance abuse, chronic alcoholism, the form of such a certificate and on the recognition of the order of the Ministry of Health of the Russian Federation of December 22, 2016 N 988n as invalid. Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=603073242> (in Russian).

Research of new form factors 2025 of legal communication in the interaction of citizens and business. (2025). Available from: <https://pravo.hse.ru/mirror/pubs/share/1053121884.pdf> (in Russian).

Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.07.1999 N 11-P "On the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Law of the RSFSR "On the State Tax Service of the RSFSR" and the Laws of the Russian Federation "On the Fundamentals of the Tax System in the Russian Federation" and "On the Federal Tax Police Bodies"". Available from: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15071999-n/> (in Russian).

Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.05.2003 N 9-P "On the case of checking the constitutionality of the provision of Article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens P. N. Beletsky, G. A. Nikova, R. V. Rukavishnikov, V. L. Sokolovsky and N. I. Talanova". Available from: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27052003-n/> (in Russian)

RF Government Resolution of 20.05.2022 N 911 "On the admission of persons to work with narcotic drugs and psychotropic substances, as well as to activities related to the circulation of precursors of narcotic drugs and psychotropic substances (together with the "Rules for the admission of persons to work with narcotic drugs and psychotropic substances, as well as to activities related to the circulation of precursors of narcotic drugs and psychotropic substances)"). Available from: <https://roszdravnadzor.gov.ru/drugs/licensingdrugs/documents/78291> (in Russian)

RF Government Resolution of 30.06.1998 N 681 (as amended on 11.06.2025) "On approval of the list narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors subject to control in the Russian Federation". Available from: <https://base.garant.ru/12112176/> (in Russian).

Trubnikova, Yu. V. (2019). Problems of implementing the business letter genre in modern business communication: communicative-pragmatic, structural and normative aspects. *Philology and Man*, 2, 99-110 (in Russian).

Vinokurov, A. Too normative Russian. The Higher School of Economics assessed the complexity of Russian laws. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4291932> (in Russian).

Zherebilo, T. V. (2010). Dictionary of linguistic terms. Nazran (in Russian).

Citation:

Нечаева А. Д., Саломатина М. С. О необходимости взаимодействия юридического и лингвоэкспертного сообществ в целях повышения эффективности законотворческой техники (на примере одного арбитражного дела) // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 40-46.

Nechaeva A. D., Salomatina M. S. (2025) On the Need for Interaction between the Legal and Linguistic Expert Communities to Increase the Effectiveness of Legislative Technology (Case Study of an Arbitration Case). *Legal Linguistics*, 37, 40-46.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Машиночитаемое право: границы применимости

А. А. Перевозкин

Тюменский государственный университет

ул. Ленина, 38, 625000, Тюмень, Россия. E-mail: mail@perevozkin.com

В свете развития информационных технологий в последние годы наблюдается существенный рост интереса к теме автоматизации правовых процессов, в том числе посредством перевода существующего права в машиночитаемый вид. Результатом такого перевода должно стать машиночитаемое право, пригодное для автоматического толкования и применения. Создание такого права могло бы повысить правовую определенность, ускорить процесс правоприменения, снизить вероятность ошибок. Для успешного и сбалансированного развития данного направления необходимо провести теоретико-правовое осмысление многих особенностей создания и использования машиночитаемого права. Настоящая статья посвящена исследованию вопроса границ применимости машиночитаемого права, вытекающих из сущности такого права. Используя формально-юридический и формально-логические методы, автор формулирует перечень наиболее существенных ограничений применимости машиночитаемого и машиноисполняемого права. Данные ограничения связаны с устранением позитивной и негативной правовой неопределенности либо корректной обработкой такой неопределенности; с устранением ссылок на тексты на естественном языке либо с особым способом обработки таких ссылок; с особенностями использования диспозитивных норм и др. Для машиноисполняемого права рассматриваются требования о возможности перевода в машиночитаемый вид информации о фактическом составе и наличии возможности автоматически реализовать вынесенное решение. Затрагивается вопрос совместного применения искусственного интеллекта и машиночитаемого права. Делается вывод о том, что сложность перевода норм права различается в зависимости от области правового регулирования. Полученные результаты могут быть полезны при определении норм права, пригодных для перевода в машиночитаемый вид.

Ключевые слова: машиночитаемое право, машиноисполняемое право, правовая неопределенность, принципы права, автоматизация правоприменения.

Machine-Readable Law: Limits to Applicability

A. A. Perevozkin

Tyumen State University

38 Lenin St., 625000, Tyumen, Russia. E-mail: mail@perevozkin.com

In light of the development of information technology in recent years, there has been a significant increase in interest in the topic of automation of legal processes, including through the conversion of existing law into machine-readable form. Such conversion should result in machine-readable law suitable for automatic interpretation and application. The development of such law could increase legal certainty, speed up the law enforcement process, and reduce the likelihood of errors. For the successful and balanced development of this area, it is necessary to provide a theoretical and legal understanding of many features of the creation and use of machine-readable law. This article studies the issue of the limits of applicability of machine-readable law arising from the essence of such law. Using formal legal and formal logical methods, the author defines a list of the most significant limitations of the applicability of machine-readable and machine-executable law. These limitations are associated with the elimination of positive and negative legal ambiguity or the correct processing of such uncertainty; with the elimination of links to texts in natural language or with a special way of processing such links; with the specifics of using dispositive norms, etc. For machine-executable law, the requirements for the possibility of converting information on the factual composition into a machine-readable form and the ability to automatically implement the delivered judgment are considered. The issue of the joint use of artificial intelligence and machine-readable law is addressed. It is concluded that the complexity of converting legal norms varies depending on the area of legal regulation. The results obtained can be useful in determining legal norms suitable for conversion into a machine-readable form.

Key words: machine-readable law, machine-executable law, legal ambiguity, principles of law, automation of law enforcement.

Введение

В последние годы в России все чаще обсуждается вопрос создания машиночитаемого права. В 2021 году была принята Концепция развития технологий машиночитаемого права [Концепция 2021]. Кроме того, в паспорте Национальной

программы «Цифровая экономика Российской Федерации» упоминаются планы по внедрению механизмов формирования и использования машиночитаемых норм [Национальная программа 2019]. Аналогичная работа ведется и в других странах мира [Борисова 2024].

Результатом такой работы должно стать создание новой разновидности писаного права – машиночитаемого права. Машиночитаемое право можно определить как совокупность правовых норм, изложенных на формальном языке, обеспечивающем однозначность распознавания их смыслового содержания информационными системами. Создание такого права может ускорить процессы правоприменения, повысить правовую определенность, снизить вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором. Кроме того, может быть поставлен вопрос о создании машиноисполняемого права, т. е. разновидности машиночитаемого права, которая не только толкуется, но и реализуется автоматически [Перевозкин 2024: 27-33].

Представляется, что для успешного и сбалансированного развития данного направления необходимо провести комплексное теоретико-правовое исследование указанного явления. В частности, дискуссионным остается вопрос о возможной сфере применения машиночитаемого права. В настоящий момент уже существует ряд исследований, в которых поднимается данный вопрос. Здесь можно отметить, в частности, упомянутую уже Концепцию развития технологий машиночитаемого права, существенная часть которой посвящена описанию возможных сфер применения машиночитаемого права. Кроме того, А. М. Вашкевич в своей книге, посвященной машиночитаемому праву, предложил формулу, позволяющую оценить потенциал автоматизации группы правовых норм [Вашкевич 2019: 243-255]. В настоящей же работе более подробно будет рассмотрен вопрос фундаментальных теоретико-правовых ограничений применимости машиночитаемого права, вытекающих из сущности такого права.

Стоит отметить, что различные авторы могут понимать под машиночитаемым правом различные явления. В первую очередь такое различие в понимании связано со степенью «машинизации» такого права, со степенью его вычислимости. В самом простом варианте благодаря машиночитаемой разметке информационная система может однозначно распознать лишь структурные элементы источника права (главы, статьи, части статей и т. п.), в самом максимальном варианте – однозначно распознать буквальный смысл нормативных предписаний и автоматически реализовать их. В настоящей статье будут рассмотрены границы применимости полностью машиночитаемого права (право, буквальный смысл предписаний которого может быть автоматически распознан информационной системой) и его разновидности – машиноисполняемого права (кроме автоматического распознавания смысла предписаний предполагает автоматическую их реализацию).

Ключевой особенностью рассматриваемого права, напрямую влияющей на границы его применимости, является однозначность его буквального толкования. Предполагается, что машиночитаемое право излагается с использованием формального языка таким образом, чтобы информационная система могла однозначно интерпретировать такой текст и автоматически прийти к юридически значимому выводу или выполнить юридически значимое действие.

Например, в случае использования языка программирования в качестве такого формального языка (как это обычно происходит сегодня при создании смарт-контрактов) юридическое содержание записывается в виде программного кода. При применении такого подхода к нормам права они должны быть преобразованы в строго определенный алгоритм действий, который не допускает каких-либо расплывчатых формулировок, т. е. требует исключения любой правовой неопределенности, как негативной (правовые пробелы, коллизии, двусмысленности в прочтении и т. п.), так и позитивной (оценочные категории и др.) [Власенко 2016].

Данные и другие особенности машиночитаемого права накладывают ряд ограничений на сферу его применения. Рассмотрим подробнее такие ограничения.

Границы применимости машиночитаемого права, связанные с содержанием правовых норм

1. Отсутствие негативной правовой неопределенности.

Современное писаное право часто обладает большим количеством изъянов, приводящих к нежелательной двусмысленности при толковании таких текстов. Выделим наиболее заметные из них. Во-первых, синтаксис естественного языка не защищает автора нормативных текстов от двусмысленностей в прочтении таких текстов (например, может возникнуть синтаксическая омонимия, то есть ситуация, при которой одна и та же синтаксическая конструкция может быть прочитана двояко [Перевозкин 2025: 230]). Во-вторых, в нормативных текстах могут использоваться общепотребительные слова, значения которых нормативно не закреплены, которые могут толковаться по-разному в зависимости от контекста, ситуации или интереса сторон (некоторые такие случаи можно отнести к позитивной правовой неопределенности, поскольку они используются умышленно для повышения гибкости регулирования, но часто это именно недоработки со стороны законодателя). В-третьих, могут существовать правовые пробелы, наилучший способ заполнения которых может вызывать споры. В-четвертых, в праве могут существовать коллизии между несколькими нормами права.

Для создания машиночитаемого права большинство из указанных проблем должны быть устранены. Так, правильно используя синтаксис формального языка, например языка программирования, мы устраняем всю синтаксическую неоднозначность текста. Наличие такой неоднозначности не позволило бы такой программе функционировать. Кроме того, при создании программ на многих языках программирования предполагается обязательное явное объявление (описание) всех сущностей, которые используются в такой программе. Таким образом, в существенной части подходов к созданию машиночитаемого права неминуемо возникнет вопрос о необходимости раскрытия и явного закрепления всех терминов, содержащихся в нормативном тексте. Также, использование машиночитаемого права может привести к необходимости закрытия части правовых пробелов. Так, программный код может просто не запуститься или не выдать ожидаемого результата, если часть этого кода будет просто отсутствовать. Стоит отметить, что машиночитаемое право может не предполагать полного закрытия всех правовых пробелов и разрешения всех коллизий, поскольку они могут существовать за границами той группы правовых норм, которые переведены в машиночитаемый вид.

На основании вышеизложенного можно определить первую границу применимости машиночитаемого права: группа правовых норм, переводимая в машиночитаемый формат, должна либо изначально быть свободна от практически любой

негативной правовой неопределенности, что в реальной практике почти не встречается, либо допускать возможность внесения изменений в свой текст. Стоит учитывать, что такие изменения будут носить не технический, а сущностный характер, то есть требовать переработки смысла источника права путем выбора того или иного варианта трактовки двусмысленных предписаний. Это может быть невозможно или сложно сделать, например, если речь идет о Конституции страны или об историческом документе.

Кроме того, исключение правовой неопределенности, как негативной, так и позитивной, обычно приводит к казуализации текста, что может быть допустимо для подзаконных актов, но недопустимо для Конституции, рамочных законов и т. п.

2. Отсутствие позитивной правовой неопределенности или наличие возможности применить особый способ обработки такой неопределенности.

В общем случае машиночитаемое право не предполагает наличия в своем составе оценочных категорий, норм принципов и норм, нуждающихся в конкретизации на этапе правоприменения. В случае если такие нормы присутствуют в том наборе норм, которые необходимо перевести в машиночитаемый вид, могут быть использованы описанные далее подходы.

А. Конкретизация норм права на этапе правотворчества. Данный подход можно применять, если это не приводит к существенному ухудшению качества преобразуемого регулирования и не противоречит принципам права. Например, замена фразы «в разумный срок» на «не позднее 30 дней» устраняет правовую неопределенность и, во многих случаях, не будет ухудшать правовое регулирование.

Б. Комбинирование машиночитаемого права и экспертной оценки. При таком подходе в машиночитаемом праве продолжают существовать оценочные категории, которые лишь отмечаются как таковые. Когда алгоритм доходит до такой категории, он просит правоприменителя или эксперта дать свою оценку по данному вопросу. Такая оценка затем включается в процесс дальнейшего исполнения программы как входные данные [Waddington 2019: 42]. Например, эксперт дает оценку аварийности здания, но все остальные юридически значимые действия, вытекающие из такой оценки, производятся автоматически и заранее запрограммированы.

М. В. Кирюшкин, рассуждая о роли юриста в работе с оценочными категориями, сравнивает такого юриста с датчиком, который подает на вход вычислительной системе информацию о наличии или отсутствии определенного признака [Кирюшкин 2007: 40]. Р. Б. Головкин и И. М. Кузьмин указывают, что подобный подход «позволит тратить человеческий ресурс не на рутинную (порой «бумажную») работу, а направить его на решение ключевых, сущностных, переломных аспектов» [Головкин 2024: 123].

Указанный подход может применяться там, где не представляется возможным или допустимым полностью устранить человека из процесса принятия решения.

В. Комбинирование машиночитаемого права и моделей машинного обучения. При таком подходе в машиночитаемом праве продолжают существовать оценочные категории, для автоматического заключения по которым применяются специально созданные для этих целей модели машинного обучения или общий искусственный интеллект.

Возможность использования данного подхода в части вопросов этического характера сегодня вызывает наибольшие споры в научной юридической среде. Мнение о том, что искусственный интеллект не сможет полностью заменить человека в процессе правоприменения, в частности из-за его неспособности оперировать этическими категориями, высказывали многие авторы, в том числе: А. И. Овчинников [Овчинников 2019: 259], Д. А. Пашенцев [Цифровизация правоприменения 2022: 10-11, 108], Е. А. Казьмина [Казьмина 2022: 456], А. В. Комин [Комин 2023: 76]. Стоит отметить, что искусственный интеллект в его современном состоянии действительно пока не может быть полноценно использован для решения этических вопросов, поскольку в данный момент такие системы склонны к галлюцинированию и могут не иметь стойких этических убеждений (выдают случайный ответ). Однако представляется, что данные технические проблемы могут быть устранены в ближайшем будущем. Исходя из этого, скорее можно говорить о том, что человечество не считает для себя возможным передать разрешение части жизненно важных правовых вопросов искусственному интеллекту.

Тем не менее, сегодня модели машинного обучения уже успешно используются в юридической сфере, в частности для оценки нарушений правил дорожного движения. Таким образом, рассматриваемый подход потенциально может быть использован в некоторых ситуациях уже сегодня.

Из вышесказанного следует, что машиночитаемое право может применяться там, где либо отсутствует позитивная правовая неопределенность, либо есть возможность обработать ее одним из описанных выше способов. Чем больше та или иная область правового регулирования требует юридической или экспертной оценки, тем сложнее будет перевести ее регулирование в машиночитаемый вид. Так, в машиночитаемый вид крайне сложно перевести уголовное право, поскольку оно почти полностью состоит из оценочных категорий («вина», «мотив», «малозначительность» и пр.).

3. Отсутствие необходимости ссылаться на нормы права, изложенные на естественном языке, или наличие возможности применить особый способ обработки таких норм.

Предполагается, что группа норм права, которая переводится в машиночитаемый вид, должна быть самодостаточной, чтобы обеспечить однозначность своего буквального толкования. То есть данные нормы права не должны ссылаться на любые другие нормы права, изложенные на естественном языке. Например, если перевести в машиночитаемый вид правовые нормы, определяющие ответственность за нарушение правил дорожного движения, но не перевести в машиночитаемый вид сами правила дорожного движения, то автоматическое применение таких норм в общем случае будет невозможно или затруднительно.

Стоит отметить, что здесь речь идет именно о прямых ссылках из машиночитаемого права на нормы права на естественном языке (что предполагает регулярное обращение к таким нормам). Наличие норм права на естественном языке, стоящих над машиночитаемым правом и определяющих границы и параметры его использования (нормы-принципы, нормы рамочных законов и т. п.), не препятствует созданию и использованию машиночитаемого права. Так, основным

способом реализации норм-принципов является ниторация (основывание) [Бырдин 2018: 69], т. е. их предписания должны быть реализованы еще на этапе создания машиночитаемых норм. Машиночитаемые нормы должны быть заранее проверены на соответствие принципу справедливости, отсутствие дискриминации и т. д. Обращение к нормам-принципам в таком случае будет происходить не на постоянной основе, а только в исключительных ситуациях, например в случае обжалования машиночитаемого нормативного правового акта как неконституционного или как противоречащего вышестоящим источникам права.

В случае если в переводимой в машиночитаемый вид группе правовых норм присутствуют ссылки на нормы права на естественном языке, может быть применен один из следующих подходов.

А. Необходимые нормы права могут быть продублированы в машиночитаемом виде. Так, исключительно для целей конкретного машиночитаемого нормативного правового акта могут быть продублированы нормы-дефиниции, содержащиеся в других источниках права на естественном языке.

Б. Может быть принято решение дополнительно перевести в машиночитаемый вид другую группу правовых норм, которая тесно связана с первой. Например, помимо норм права, устанавливающих ответственность за нарушение правил дорожного движения, в машиночитаемый вид будут переведены сами правила дорожного движения.

В. Как и в случае с оценочными категориями, правовые вопросы, выходящие за рамки группы правовых норм, переводимых в машиночитаемый вид, могут быть отданы для разрешения эксперту или искусственному интеллекту. Результат их работы как дополненный параметр будет подаваться на вход программе, реализующей машиночитаемые нормы. Например, факт нарушения конкретного правила дорожного движения определяет человек или искусственный интеллект, руководствуясь правилами дорожного движения на естественном языке, затем данная информация передается информационной системе, где на основании машиночитаемых норм автоматически определяется мера ответственности за такое нарушение. При таком подходе нет необходимости переводить в машиночитаемый вид сами правила дорожного движения.

4. Отсутствие диспозитивных правовых норм, предоставляющих субъектам права возможность установить свой вариант регулирования, или наличие возможности применить особый способ обработки таких норм.

Данное ограничение во многом аналогично рассмотренному ранее ограничению на ссылки на нормы права, записанные с использованием естественного языка. Такая же проблема может возникнуть, если машиночитаемое право для своего функционирования будет требовать учета информации из соглашений, заключенных частными лицами.

В общем случае нормы права, переводимые в машиночитаемый вид, не должны предусматривать ситуации, при которой субъекты права могут согласовать свое, не описанное нигде, регулирование. Такую возможность обычно предоставляют абсолютно диспозитивные нормы права и даже некоторые относительно диспозитивные нормы права. Таким образом, в общем случае для перевода в машиночитаемый вид подойдут лишь диспозитивные нормы права, предусматривающие конкретный, закрытый и исчерпывающий перечень вариантов регулирования, из которого субъекты права могут выбирать. Например, выбор из заранее описанных типовых уставов для учреждения юридического лица.

В случае если среди переводимых в машиночитаемый вид норм права присутствуют диспозитивные нормы, предоставляющие субъектам права возможность установить свой вариант регулирования, могут быть использованы следующие подходы.

А. Такие диспозитивные нормы могут быть трансформированы до диспозитивных норм, содержащих закрытый перечень возможных вариантов поведения. Иногда такая трансформация может быть не только допустима, но и полезна, поскольку она может сократить количество спорных ситуаций, стандартизовав определенное правовое регулирование.

Б. Могут быть применены ранее рассмотренные подходы с использованием заключения эксперта или искусственного интеллекта в качестве входных данных. Например, человек оценивает, содержится ли в конкретном договоре, заключенном сторонами, условие о выплате компенсации в определенной ситуации, и передает эту информацию в информационную систему для дальнейшей автоматической обработки на основе машиночитаемых

норм.

В. Может быть предусмотрена возможность для субъектов права заключать машиночитаемые договоры, положения из которых будут совместимы с машиночитаемыми нормами, расширяя и дополняя их. Это позволило бы всему этому комплексу государственно-частного регулирования функционировать без помощи человека, автоматически разрешая правовые вопросы, применяя санкции за нарушения обязательств и т. п.

Как указывает М. А. Орлов: «если сторона составляет текст машиночитаемого договора с помощью государственного программно-технического комплекса, то такой комплекс служит системой проверки соответствия договора закону, а при необходимости – процедуры его соблюдения» [Орлов 2021: 76].

Границы применимости машиноисполняемого права

Рассматривая машиноисполняемое право, т. е. разновидность машиночитаемого права, предполагающую возможность автоматической реализации правовых предписаний, можно выделить дополнительные факторы, обуславливающие границы его применимости.

1. Наличие возможности перевести информацию о фактическом составе в машиночитаемый вид.

Информационная система, использующая машиноисполняемое право, должна иметь возможность получать данные о фактическом составе в структурированном виде. Как справедливо указывает Д. А. Будковская: «на данный момент автоматизировать имеет смысл то, где мы можем получить нормально структурированную информацию, либо информацию, которую можно оцифровать (скорость движения автомобиля и т. д.)» [Будковская 2024: 292].

Примерами фактов, которые могут быть легко записаны в машиночитаемом виде, могут служить институциональные факты [Hildebrandt 2008: 172]: наличие лицензии у юридического лица, наличие брака, наличие статуса самозанятого и др. Обычно для оцифровки таких фактов создаются специальные реестры. Факты реального мира сложнее перевести в точный,

машиночитаемый формат. Часто для этого будет требоваться дополнительное оборудование. Например, скорость движения автомобиля можно измерить, используя камеры, наличие сотрудника на рабочем месте можно отследить, введя электронные пропуска. В машиночитаемый вид сложно перевести такую информацию, как свидетельские показания или произвольную запись с камер видеонаблюдения.

2. Наличие у информационной системы возможности исполнить вынесенное решение.

Информационная система, автоматически реализующая предписания машиноисполняемого права, должна не только иметь доступ к информации о фактическом составе, но должна быть способна исполнить вынесенное решение. Например, информационная система должна быть способна изменить запись в государственном реестре, выписать или даже автоматически списать штраф, возможно, даже автоматически удаленно остановить автомобиль.

Использование машиноисполняемого права будет невозможно в тех областях, где соответствующая инфраструктура еще не создана, или в случае, если по смыслу предписания осуществить его может только человек. Кроме того, могут существовать области, в которых человечество не посчитает для себя возможным ввести автоматическое непосредственное регулирование.

Границы применимости машиночитаемого права, связанные с особенностями области правового регулирования

Представляется возможным выделить еще одну группу ограничений, влияющих на применимость машиночитаемого и машиноисполняемого права, связанных с особенностями области правового регулирования, где предполагается использовать такое право. Данные границы по своему характеру являются менее строгими, чем рассмотренные ранее, и скорее представляют собой некоторый ориентир.

1. Правое регулирование в данной области уже сложилось или является очевидным.

Данное ограничение, связанное с применением машиночитаемого права, вытекает из того факта, что машиночитаемое право создается в первую очередь для того, чтобы автоматически тиражировать буквальное толкование некоторой группы правовых норм. Расширительное и ограничительное толкование при таком подходе рассматриваются как исключительные случаи, как способ ручного исправления ошибок тех, кто создавал машиночитаемые нормы и при этом не учел какую-то особую, возможно, редко встречающуюся ситуацию.

Таким образом, машиночитаемое право плохо подходит для автоматизации в новых, еще не сложившихся областях правового регулирования, где необходима гибкость в терминах и подходах и где еще не были достаточно изучены все спорные, исключительные ситуации. Например, в Европейском союзе в настоящий момент складывается гибкая система регулирования искусственного интеллекта, что позволяет оперативно реагировать на меняющуюся реальность [Кутейников, Ижаев, Зенин, Лебедев 2025: 22-23].

Машиночитаемое право может применяться в тех областях правового регулирования, где отношения носят массовый и типовой характер, где регулирование уже сложилось, а все исключительные ситуации разобраны в судебной практике. Как справедливо отмечает И. Е. Певцова: «в частноправовой сфере машиночитаемое право будет востребовано при оформлении массовых, типовых видов сделок, прежде всего тех, которые имеют однозначный предмет и существенные условия» [Певцова 2022: 48-49].

2. В данной области редко встречаются ситуации, требующие небуквального толкования правовых норм, и последствия ошибок правоприменения в таких ситуациях могут быть признаны незначительными.

В некоторых сложных областях правового регулирования не редки ситуации, когда отказ от следования нормативному предписанию больше соответствует духу данного предписания, чем буквальное следование ему. Например, когда водитель решает не подчиниться правилам дорожного движения, чтобы избежать аварии [Hoffmann-Riem 2020: 10]. Обычно это связано с тем, что невозможно описать в законе все возможные ситуации, которые могут случиться в данной области.

Данный факт может стать препятствием в первую очередь для внедрения машиноисполняемого права, которое в таком случае будет автоматически тиражироваться в своем буквальном толковании даже тогда, когда такое толкование будет явно не соответствовать ситуации и духу закона.

Использование машиноисполняемого права в таких областях может быть признано оправданным только в случае, если указанные исключительные ситуации составляют подавляющее меньшинство от общего числа ситуаций, встречающихся в данной области, последствия ошибки правоприменения могут быть признаны незначительными и существует эффективный механизм оспаривания таких автоматически принятых решений. Например, в настоящий момент в России активно применяются камеры, отслеживающие некоторые нарушения правил дорожного движения с последующим автоматическим назначением штрафа за такие нарушения. Такие системы не защищены от ошибок, не способны учитывать весь контекст ситуации, тем не менее, их использование признаётся оправданным и допустимым.

Заключение

Таким образом, в настоящей работе был сформулирован перечень наиболее существенных ограничений, влияющих на применимость машиночитаемого права. Понимание данных ограничений может быть полезно при определении норм права, которые могут быть эффективно переведены в машиночитаемый вид.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в большинстве случаев перевести в машиночитаемый вид нормы публичного права проще, чем нормы частного права; процессуальные и процедурные нормы проще, чем материальные нормы; подзаконные акты (в частности административные регламенты) проще, чем законы. Кроме того, в машиночитаемый вид будет проще перевести регулирование тех областей, где оно уже сложилось, где не предполагается наличие большого количества ситуаций, требующих небуквального толкования.

В статье были рассмотрены только фундаментальные ограничения применимости, вытекающие из сущности машиночитаемого права. Кроме них могут существовать еще и экономические, политические, культурные и другие ограничения, которые необходимо учитывать при переходе к машиночитаемому праву.

Литература

- Борисова Н. С. Применение технологий машиночитаемого права: международный опыт / Бизнес, менеджмент и право. – 2024. – № 2. – С. 72–77.
- Будковская Д. А. Факторы формирования машиночитаемого права в Республике Беларусь / Трансформация механизма государства в период становления и развития инновационного электронного государства. Сборник статей международного круглого стола. – Минск, 2024. – С. 288–293.
- Бырдин Е. Н. Теория государства и права (в схемах, таблицах и определениях): учебно-методическое пособие. – Тюмень, 2018.
- Вашкевич А. М. Автоматизация права: право как электричество. М., 2019.
- Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения / Журнал российского права. – 2013. – № 2 (194). – С. 32–44.
- Головкин Р. Б., Кузьмин И. М. Машиночитаемое право в механизме развития правоприменения / Вестник Владимирского юридического института. – 2024. – № 1 (70). – С. 120–125.
- Казьмина Е. А. Машиночитаемое право: основные тенденции развития / Государство и право в эпоху глобальных перемен. Материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул, 2022. – С. 455–457.
- Кiryushkin М. V. Алгоритмические преобразования в юриспруденции / Российский юридический журнал. – 2007. – № 4 (56). – С. 34–44.
- Комин А. В. Применение алгоритмов в юриспруденции / Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2023. – Т. 23. – № 2. – С. 74–79.
- Концепция развития технологий машиночитаемого права (утверждена Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31) / СПС «Консультант Плюс».
- Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Зенин С. С., Лебедев В. А. Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам. М., 2025.
- Овчинников А. И. Риски в процессах цифровизации права / Юридическая техника. – 2019. – № 3. – С. 257–261.
- Орлов М. А. О некоторых вопросах перевода норм права в машиночитаемый формат / Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 3 (154). – С. 74–76.
- Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) / СПС «Консультант Плюс».
- Певцова И. Е. Развитие технологий машиночитаемого права и их влияние на частноправовые отношения / Гражданское право и гражданское судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. – Хабаровск, 2022. – С. 46–49.
- Перевозкин А. А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права / Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. – № 8. – С. 22–37.
- Перевозкин А. А. Автоматизация правоприменения: проблемы и пути их решения с использованием машинного обучения и машиночитаемого права / Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 227–237.
- Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / под ред. Д. А. Пашенцев М., 2022.
- Hildebrandt M. Legal and Technological Normativity: more (and less) than twin sisters / *Techné*, 2008. Vol. 12. Iss. 3. P. 169–183.
- Hoffmann-Riem W. Legal Technology/Computational Law: Preconditions, Opportunities and Risks / *Journal of Cross-Disciplinary Research in Computational Law*, 2020. No 1 (1). P. 1–16.
- Waddington M. Machine-consumable legislation: A legislative drafter's perspective – human v. artificial intelligence / *The Loophole*, 2019. June. No. 2. P. 21–52.

References

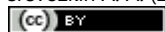
- Borisova, N. S. (2024). Application of machine-readable law technologies: international experience. *Business, Management and Law*, 2, 72–77 (in Russian).
- Budkovskaya, D. A. (2024). Factors of the formation of machine-readable law in the Republic of Belarus. Transformation of the mechanism of the state in the period of formation and development of an innovative electronic state. Collection of articles of the international round table, 288–293 (in Russian).
- Byrdin, E. N. (2018). Theory of State and law (in diagrams, tables and definitions): educational and methodical manual. Tyumen (in Russian).
- Digitalization of law enforcement: search for new solutions: a monograph. (2022). Edited by D. A. Pashentsev. Moscow (in Russian).
- Golovkin, R. B., Kuzmin, I. M. (2024). Machine-readable law in the prospects of law enforcement development, *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 1 (70), 120–125 (in Russian).
- Hildebrandt, M. (2008). Legal and Technological Normativity: more (and less) than twin sisters. *Techné*, vol. 12, 3, 169–183.
- Hoffmann-Riem, W. (2020). Legal Technology/Computational Law: Preconditions, Opportunities and Risks. *Journal of Cross-Disciplinary Research in Computational Law*, 1 (1), 1–16.
- Kazmina, E. A. (2022). Machine-readable law: the main development trends. State and law in the era of global change. Materials of the international scientific and practical conference, 455–457 (in Russian).
- Kiryushkin, M. V. (2007) Algorithmic transformations in jurisprudence. *Russian Law Journal*, 4 (56), 34–44 (in Russian).

- Komin, A. V. (2023). Application of algorithms in jurisprudence. Bulletin of the South Ural State University. Series "Law". vol. 23, 2, 74-79 (in Russian).
- Kuteynikov, D. L., Izhaev, O. A., Zenin, S. S., Lebedev, V. A. (2025). Artificial intelligence and law: from fundamental problems to applied problems. Moscow (in Russian).
- Orlov, M. A. (2021). On some issues of translation of norms of law into a machine-readable format. Eurasian Law Journal, 3 (154), 74-76 (in Russian).
- Ovchinnikov, A. I. (2019). Risks in the processes of legal digitalization. Legal technology, 3, 257-261 (in Russian).
- Passport of the national project "National Program "Digital Economy of the Russian Federation" (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Protocol No. 7 dated 04.09.2019). (in Russian).
- Perevozkin, A. A. (2024). Theoretical and legal characteristics of machine-readable law. Actual Problems of Russian Law, 8, 22-37 (in Russian).
- Perevozkin, A. A. (2025). Automation of Law Enforcement: Problems and Solutions Using Machine Learning and Machine-Readable Law. The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 1, 227-237 (in Russian).
- Pevtsova, I. E. (2022). The development of machine-readable law technologies and their impact on private law relations. Civil law and civil proceedings: current issues of theory and practice. Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, 46-49 (in Russian).
- The concept of development of machine-readable law technologies (approved by the Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Business Conditions, Protocol No. 31 dated 15.09.2021). (in Russian).
- Vashkevich, A. M. (2019). Automation of law: law as electricity. Moscow (in Russian).
- Vlasenko, N. A. (2013). Uncertainty in law: the nature and forms of expression. Journal of Russian Law, 2 (194), 32-44 (in Russian).
- Waddington, M. (2019). Machine-consumable legislation: A legislative drafter's perspective – human v. artificial intelligence. The Loophole, 2, 21-52.

Citation:

Перевозкин А. А. Машиночитаемое право: границы применимости // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 47-53.

Perevozkin A. A. (2025) Machine-Readable Law: Limits to Applicability. Legal Linguistics, 37, 47-53.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Категории «дистанционный труд» и «долголетие работника»: характер взаимосвязи

И. В. Рехтина¹, Ю. Е. Василенко²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹jerdel80@mail.ru, ²vasilenkojulia77@mail.ru

В статье представлен анализ влияния дистанционного труда на долголетие работника. В рамках научной статьи исследуются различные аспекты удаленной трудовой деятельности, включая ее особенности, характер, условия выполнения, а также влияние психосоциальных факторов, связанных с работой. Результаты исследования акцентируют внимание на необходимости дальнейшего развития дистанционного труда и формирования комфортных условий для его осуществления. В частности, предлагаются пути совершенствования трудового законодательства в области дистанционного труда. В статье предлагаются изменения в ст. 312.4 Трудового кодекса РФ.

Ключевые слова: здоровье работника, здоровье, здоровье и труд, дистанционная работа, удаленная работа, долголетие, влияние работы на долголетие, охрана труда.

Categories "Distance Working" and "Employee Longevity": the Nature of Correlation

I. V. Rehtina¹, Yu. E. Vasilenko²

Altai State University

61 Lenina Str., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹jerdel80@mail.ru, ²vasilenkojulia77@mail.ru

The article presents an analysis of the impact of distance working on worker longevity. Within the framework of the study, various aspects of distance working are examined, including its characteristics, nature, working conditions, and the influence of work-related psychosocial factors. The research findings highlight the need for further development of distance working and the creation of favorable conditions for its implementation. In particular, the article suggests ways to improve labor legislation concerning distance working. Proposed amendments to Article 312.4 of the Labor Code of the Russian Federation are also discussed.

Key words: worker's health, health, health and labor, distance working, telecommuting, longevity, impact of work on longevity, on-the-job safety.

На сегодняшний день в условиях цифровой трансформации и глобализации рынок труда претерпевает значительные изменения. Одним из ключевых изменений последних лет стало распространение дистанционного труда, который не только предоставляет новые возможности для занятости, но и существенно влияет на образ жизни работников. Вопрос о том, как удаленная работа сказывается на здоровье и долголетию трудоспособного населения, становится особенно актуальным в свете стремительного роста числа удаленных сотрудников.

Исторически работа вне места нахождения работодателя всегда рассматривалась как более безопасная относительно офисного или фабричного трудоустройства, поскольку позволяла работникам избегать вредных и опасных условий труда, характерных для производства, а также снижала риски, связанные с несчастными случаями на рабочем месте. Е. С. Заиченко отмечает, что надомная работа была широко распространена среди лиц с ограниченными возможностями, так как обеспечивала им возможность трудиться без необходимости преодолевать трудности, связанные с передвижением и адаптацией к рабочей среде [Заиченко 2011: 111].

Вместе с тем дистанционный труд приводит к ряду новых вызовов для здоровья работников. Как справедливо отмечает А. С. Кашлакова, на сегодняшний день процесс надлежащего правового оформления правил охраны труда при использовании нестандартных форм занятости остается незавершенным, что повышает риски для здоровья работников [Кашлакова 2015 URL].

По общему правилу, работодатель обязан обеспечить безопасные условия труда, учитывая всестороннюю оценку технического и организационного состояния рабочего места, а также анализ факторов производственной среды и

особенностей трудового процесса, способных нанести вред здоровью сотрудников (Решение Никулинского районного суда города Москвы от 20 марта 2023 года по делу № 2-1620/23).

Однако, согласно ст. 312.7 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), в целях обеспечения безопасных условий труда и охраны труда дистанционных работников в период выполнения ими трудовой функции дистанционно работодатель исполняет обязанности, предусмотренные абз. 18, 21 и 22 ч. 3 ст. 214 ТК РФ, а также осуществляет ознакомление дистанционных работников с требованиями охраны труда при работе с оборудованием и средствами, рекомендованными или предоставленными работодателем.

Таким образом, можно сделать вывод, что многие нормы, направленные на сохранение здоровья работника, в условиях дистанционной занятости могут не применяться.

В частности, норма ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 28.12.2013 года № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» освобождает работодателя от проведения специальной оценки в отношении условий труда надомников и дистанционных работников. Однако специальная оценка условий труда осуществляется, в числе прочего, с целью предотвращения несчастных случаев на производстве (Решение Пригородного районного суда Свердловской области от 15.10.2020 по делу № 2-593/2020). При этом российское законодательство возлагает на работодателя дистанционного работника обязанность по расследованию и учету несчастных случаев на производстве, в то время как работодатель не имеет возможности заранее оценить условия труда сотрудника и принять меры для предотвращения таких случаев.

Помимо этого, одной из важных норм в области защиты здоровья работника является ч. 2 ст. 91 ТК РФ, устанавливающая нормальную продолжительность рабочей недели. На дистанционных работников распространяется специальная норма ст. 312.4 ТК РФ, которая в ч. 1 устанавливает, что «коллективным договором, локальным нормативным актом, принятым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору может определяться режим рабочего времени дистанционного работника, а при временной дистанционной работе также могут определяться продолжительность и (или) периодичность выполнения работником трудовой функции дистанционно». В свою очередь ч. 2 ст. 312.4 ТК РФ уточняет, что «если иное не предусмотрено коллективным договором, локальным нормативным актом, принятым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору, режим рабочего времени дистанционного работника устанавливается таким работником по своему усмотрению».

Анализ норм ч. 2 ст. 91 ТК РФ, а также ч. 1, 2 ст. 312.4 ТК РФ позволяет сделать вывод, что по общему правилу дистанционному работнику устанавливается конкретный режим рабочего времени. В свою очередь, если время начала и окончания рабочего времени удаленного работника не определено, он вправе самостоятельно определять режим рабочего времени [Прасолова 2024 URL].

Э. И. Денисов в такой ситуации отмечает в качестве факторов, негативно влияющих на здоровье работников, низкую заработную плату и нестандартные договоры о рабочем времени [Денисов 2020: 937].

О. А. Кожевников и М. В. Чудиновских справедливо отмечают возникновение сложностей при учете наличия сверхурочной работы, работы в ночное время, а также в выходные и праздничные дни [Кожевников 2020: 575].

Элиза Берч и Элисон Престон, напротив, отмечают, что дистанционный труд оказывает положительное влияние на оплату труда работников, поскольку удаленный труд, по мнению ученых, сокращает гендерный разрыв в оплате труда [Birch 2024 URL]. Р. Ф. Мурзагулова считает, что удаленный формат труда позволяет работнику изначально устраиваться в регионы с более высокими зарплатными предложениями, чем на местном рынке [Мурзагулова 2024: 87].

В целом можно согласиться с мнением Р. Ф. Мурзагуловой о том, что удаленный формат труда предоставляет работнику возможность трудоустроиться в регионы с более высокими зарплатными предложениями по сравнению с его местным рынком труда. Однако при этом следует учитывать, что не все работодатели готовы устанавливать единые ставки оплаты вне зависимости от региона проживания сотрудника.

Тем не менее суды указывают, что при установлении сотруднику гибкого рабочего графика у работодателя не возникает обязанности оплачивать часы, превышающие норму рабочего времени, поскольку у работника в таком случае не может быть сверхурочной работы (Апелляционное определение Московского городского суда от 23 ноября 2022 г. по делу № 33-35816/2022).

Таким образом, можно сделать вывод, что в тех ситуациях, когда работодатель не устанавливает конкретный режим рабочего времени для удаленного сотрудника, такой работник на практике не может претендовать на оплату сверхурочной работы, а также работу в ночное время, выходные и праздничные дни.

Вместе с тем норма ч. 2 ст. 91 ТК РФ (о 40-часовой рабочей неделе) направлена на защиту здоровья работников. Она устанавливает пределы допустимой трудовой нагрузки, предотвращая чрезмерное физическое и эмоциональное истощение, которое часто возникает при длительных рабочих сменах и переработках. Ограничение рабочего времени позволяет работникам восстанавливать силы, уделять внимание здоровью, проводить время с семьей и заниматься личными делами. Таким образом, 40-часовая рабочая неделя поддерживает уровень трудоспособности, снижает риски выгорания и способствует улучшению общего качества жизни сотрудников. В частности, ученые в области медицины – Г. В. Артамонова, С. А. Максимов, О. А. Иванова, Е. В. Индукаева, С. А. Макаров, А. Е. Скрипченко, М. Ю. Огарков – указывают, что напряженная трудовая деятельность может провоцировать развитие заболеваний [Артамонова 2012: 144].

Помимо этого М. Н. Чомаева отмечает, что необходима жесткая регламентация рабочего времени всех сотрудников, работающих за компьютером, по причине негативного воздействия на зрение [Чомаева 2020: 10].

Государственная инспекция труда отмечает, что отсутствие фиксированного рабочего времени у дистанционных сотрудников, наряду с обязанностью работодателя учитывать несчастные случаи при удаленной работе, способствует злоупотреблению правом со стороны работников [Государственная инспекция труда в Еврейской автономной области 2019 URL].

На сегодняшний день, согласно абз. 8 ст. 3 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (ред. от 29.05.2024), «профессиональное заболевание – хроническое или острое заболевание застрахованного, являющееся результатом воздействия на него вредного (вредных) производственного (производственных) фактора (факторов) и повлекшее временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности и (или) его смерть». Исчерпывающий перечень таких заболеваний устанавливается Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 апреля 2012 г. № 417н «Об утверждении перечня профессиональных заболеваний».

По общему правилу, труд дистанционных работников не считается связанным с воздействием вредных или производственных факторов, в связи с чем профессиональные заболевания удаленных работников выделяются лишь в литературе.

В частности, А. С. Шумяк отмечает ухудшение осанки, боли в спине и шее, вызванные неправильной организацией рабочего места. Сидячий образ жизни усиливается на «удаленке», так как отсутствуют даже короткие переходы на работу в офис. Кроме того, ученый указывает в качестве факторов риска психологическое здоровье работника. На «удаленке» зачастую растет чувство изоляции и одиночества из-за отсутствия живого общения с коллегами, что может приводить к депрессии и эмоциональному выгоранию [Шумяк 2015 : 120].

В такой ситуации представляется целесообразным изменить формулировку ч. 2 ст. 312.4 ТК РФ, обязав работодателей с помощью технических средств вести учет времени, фактически отработанного дистанционным работником, во всех случаях, когда сотруднику устанавливается режим рабочего времени по своему усмотрению.

Помимо этого, практикующий юрист государственной инспекции по труду В. И. Неклюдов справедливо выделяет в качестве одного из факторов риска для здоровья дистанционных работников воздействие высоких температур. На сегодняшний день, согласно п. 3 ст. 39 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», соблюдение санитарных правил является обязательным для граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Как следствие, на работодателя возлагается обязанность обеспечить на рабочих местах температуру воздуха в пределах допустимых значений (допустимые значения установлены Санитарными правилами и нормами «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» (утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 2) [Неклюдов 2021 URL].

Температура на рабочем месте играет важную роль в поддержании комфортных условий для трудовой деятельности сотрудников. Помимо этого, неправильная температура может спровоцировать высокую заболеваемость вирусными инфекциями среди работников (Решение Ленинского районного суда г. Нижний Новгород от 18 ноября 2019 г. по делу № 2-1018/19).

Вместе с тем в рамках дистанционного труда у работника может отсутствовать стационарное рабочее место, в таком случае оценить температуру воздуха представляется невозможным.

В. И. Неклюдов в такой ситуации рекомендует предусматривать в трудовых договорах с удаленными сотрудниками условия работы при высоких температурных режимах, чтобы исключить возможные споры на практике [Неклюдов 2021 URL].

Таким образом, можно сделать вывод, что, наряду с преимуществами, имеются и определенные недостатки удаленного труда. В частности, недостаток физической активности и социальная изоляция могут негативно сказаться на здоровье работников, что требует особого внимания. Грамотное правовое регулирование дистанционного труда является ключевым фактором в минимизации рисков и максимизации положительных эффектов. Представляется необходимым обеспечивать баланс между интересами работников и работодателей. Одной из необходимых мер поддержки здоровья работников на «удаленке» является четкая регламентация рабочего времени и времени отдыха, а также соблюдение норм безопасности труда. На данный момент необходима реформа нормативного регулирования рабочего времени и времени отдыха для работников на удаленной работе. Это позволит избежать переработок, способных вызывать хроническую усталость и снижать продуктивность.

Помимо этого, создание сбалансированной нормативно-правовой базы, обеспечивающей права и интересы всех сторон, является важным условием для развития дистанционного труда как формы занятости, сочетающей гибкость и заботу о здоровье сотрудников.

Литература

- Артамонова Г. В., Максимов С. А., Иванова О. А., Индукаева Е. В., Макаров С. А., Скрипченко А. Е., Огарков М. Ю. Напряженность трудовой деятельности и артериальная гипертония / Медицина труда и промышленная экология. - 2012. - № 1. - С. 141-145.
- Государственная инспекция труда в Еврейской автономной области «Порядок расследования несчастных случаев на производстве», 2019 год. URL: <https://clck.ru/re7wp>
- Денисов Э. И. Новые формы трудовой занятости и здоровье работников / Мед. труда и пром. экол. - 2020. - № 12. - С. 936-950.
- Заиченко Е. С. Труд надомников в России: история развития правового регулирования / Труды Института государства и права РАН. - 2011. - № 2. - С. 108-118.
- Кашлакова А. С. Охрана труда работников при нетипичных формах занятости / Трудовое право в России и за рубежом. - 2015. - № 1. URL: <https://clck.ru/eEeKF>

- Кожевников О. А., Чудиновских М. В. Регулирование труда дистанционных работников в России и за рубежом / Вестник СПбГУ. - 2020. - № 3. - С. 563-583.
- Неклюдов В. И. Должен ли работодатель предпринять какие-либо действия в отношении дистанционных работников в связи с очень жаркой погодой? / Консультация эксперта. Государственная инспекция труда в Нижегородской обл., 2021. URL: <https://clck.ru/3EnyJt>
- Мурзагулова Р. Ф. Удаленная занятость в больших городах: выгода для работников в терминах заработной платы / Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. - 2024. - № 19 (1). - С. 85-106. DOI: 10.17072/1994-9960-2024-1-85-106
- Прасолова И. А., Василенко Ю. Е. Особенности правового регулирования рабочего времени дистанционных работников / Кадровик. - 2024. - № 3. URL: <https://clck.ru/3EkpCG>
- Чомаева М. Н. Компьютер как фактор вредного воздействия на здоровье человека / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2020. - №7-2. - С. 9-11.
- Шуляк А. С. Компьютер и здоровье / Смоленский медицинский альманах. - 2015. - №3. - С. 120-122.

References

- Artamonova, G. V., Maksimov, S. A., Ivanova, O. A., Indukaeva, E. V., Makarov, S. A., Skripchenko, A. E., Ogarkov, M. Yu. (2012). Work-Related Stress and Arterial Hypertension, Occupational Medicine and Industrial Ecology, 1, 141-145 (in Russian).
- State Labor Inspectorate in the Jewish Autonomous Region, "Procedure for Investigating Workplace Accidents", 2019. Available from: <https://clck.ru/re7wp> (in Russian).
- Birch, E., Preston, A. (2024). Working at Home and the Gender Wage Gap. Industrial Relations Journal, 6. Available from: <https://clck.ru/3Ejxoj> (in Russian).
- Chomaeva, M. N. (2020). The Computer as a Factor of Harmful Impact on Human Health. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020, 7-2, 9-11 (in Russian).
- Denisov, E.I. (2020). New Forms of Employment and Workers' Health. Occupational Medicine and Industrial Ecology, 12, 936-950 (in Russian).
- Kashlakova, A. S. (2024). Occupational Safety of Workers in Atypical Forms of Employment. Labor Law in Russia and Abroad, 1. Available from: <https://clck.ru/eEeKF> (in Russian).
- Kozhevnikov, O. A., Chudinovskikh, M. V. (2020). Regulation of Remote Workers' Labor in Russia and Abroad. Bulletin of St. Petersburg University, 3, 563-583 (in Russian).
- Neklyudov, V. I. (2021). Should an Employer Take Any Action Regarding Remote Workers Due to Extremely Hot Weather? Expert Consultation. State Labor Inspectorate in the Nizhny Novgorod Region. Available from: <https://clck.ru/3EnyJt> (in Russian).
- Murzagulova, R. F. (2024). Remote Employment in Large Cities: Benefits for Employees in Terms of Wages. Perm University Bulletin. Series: Economics, 19 (1), 85-106. DOI: 10.17072/1994-9960-2024-1-85-106 (in Russian).
- Prasolova, I. A., Vasilenko, Y. E. (2024). Features of Legal Regulation of Working Hours for Remote Workers. Kadrovik, 3. Available from: <https://clck.ru/3EkpCG> (in Russian).
- Shulyak, A. S. (2016). The Computer and Health. Smolensk Medical Almanac, 3, 120-122 (in Russian).
- Zaichenko, E. S. (2011). Home-Based Work in Russia: The History of Legal Regulation Development. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2, 108-118 (in Russian).

Citation:

Рехтина И. В., Василенко Ю. Е. Категории «дистанционный труд» и «долголетие работника»: характер взаимосвязи // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 54-57.

Rehtina I. V., Vasilenko Yu. E. (2025) Categories «Distance Working» and «Employee Longevity»: the Nature of Correlation. Legal Linguistics, 37, 54-57.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О содержании понятий «целевое назначение» и «разрешенное использование» в земельном праве России

О. А. Трубникова¹, Н. И. Калашник²

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹trubnikova_67@mail.ru, ²nat.kalashnik@gmail.com

Статья посвящена изучению содержания понятий «целевое назначение» и «разрешенное использование». Актуальность исследования обусловлена тем, что действующее земельное законодательство не определяет содержание указанных понятий. Следствием этого является наличие различных позиций по определению их содержания, что не способствует надлежащему применению земельного и смежного с ним законодательства. Авторы анализируют земельное и лесное законодательство, исследуют сложившиеся в специальной литературе и судебной практике подходы к определению указанных понятий и предлагают свое мнение о содержании и соотношении изучаемых понятий. Сопоставляя положения Земельного кодекса РФ, авторы делают вывод, что под целевым назначением земель следует понимать «то, для чего земля предназначена и для чего она может быть использована». При этом указывается, что при определении целевого назначения речь не идет о конкретных земельных участках как объектах земельных и имущественных отношений. Кроме того, отмечается, что термин «разрешенное использование» не может быть применен вообще к землям (земле) как объекту земельных отношений и применяется только к конкретным земельным участкам, что является существенным отличием понятий «целевое назначение» и «разрешенное использование». Также авторы обращают внимание на проблему применения указанных правовых понятий к землям лесного фонда и земельным участкам, на которых расположены леса, не относящимся к категории земель лесного фонда, обусловленную, прежде всего, различным содержательным наполнением этих понятий в Земельном кодексе РФ и Лесном кодексе РФ.

Ключевые слова: целевое назначение, разрешенное использование.

On the Content of the Concepts of “Allowable Use” and “Permitted Use” in Russian Land Law

O. A. Trubnikova¹, N. I. Kalashnik²

Altai State University

68 Socialisticheskii St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹trubnikova_67@mail.ru, ²nat.kalashnik@gmail.com

The article studies the content of the concepts of «allowable use» and «permitted use». The relevance of the study is due to the fact that the current land law does not define the content of these concepts. The consequence of this is the existence of different positions on the definition of their content, which does not contribute to the proper application of the land law and related laws. The authors analyze land and forestry legislation, examine approaches to defining these concepts that have been developed in specialist literature and judicial practice, and offer their opinion on the content and relation of the concepts under study. Comparing the provisions of the Land Code of the Russian Federation, the authors conclude that the allowable use of land should be understood as «what the land is intended for and what it can be used for». It is noted that when determining the allowable use, we are not talking about specific land plots as objects of land and property relations. In addition, it is noted that the term «permitted use» cannot be applied in general to lands (land) as an object of land relations and is applied only to specific land plots, which is a significant difference between the concepts of «allowable use» and «permitted use». The authors also draw attention to the problem of applying the discussed legal concepts to forestry funds and land plots with forests which do not fall into the category of forestry funds, which is primarily due to the different scope of these concepts in the Land Code of the Russian Federation and the Forest Code of the Russian Federation.

Key words: allowable use, permitted use.

Принцип деления земель по целевому назначению на категории, согласно которому правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к определенной категории и разрешенному использованию в соответствии с зонированием

территорий и требованиями законодательства, является одним из основополагающих принципов земельного права [Земельный кодекс 2001 URL]. Между тем земельное законодательство не содержит определения таких основных понятий, составляющих содержание данного принципа, как «целевое назначение» и «разрешенное использование». В специальной литературе неоднократно предпринимались попытки раскрыть содержание указанных понятий, что, несомненно, необходимо, поскольку в материалах судебной практики отмечается некоторое смешение понятий «целевое назначение» и «разрешенное использование». Кроме того, и в литературе, и в практике встречаются такие формулировки, как «нецелевое использование земельного участка», «целевое использование земельного участка», что при отсутствии законодательно определенных дефиниций не способствует надлежащему применению норм земельного законодательства, смежного с ним градостроительного и лесного законодательства, а также законодательства, регулирующего ответственность за земельные правонарушения (например, административного) [Постановление 2020 URL].

В специальной литературе предлагаются различные подходы к пониманию содержания понятий «целевое назначение» и «разрешенное использование». В частности, природа целевого назначения понимается как способ реализации управленческой функции государства (В. А. Буров); как основной метод регулирования земельных отношений: установление в земельном законодательстве закрытого перечня категорий земель и возможность изменения их количества только в самом Земельном кодексе РФ (Е. А. Галиновская); как способ определения правового режима земель (О. И. Крассов) [Резников 2021 URL].

Анализ понятий, определяющих категории земель в Земельном кодексе РФ (далее – ЗК РФ), позволяет сделать вывод, что под целевым назначением земель следует буквально понимать «то, для чего земля предназначена и для чего она может быть использована» (например, землями сельскохозяйственного назначения признаются земли, находящиеся за границами населенного пункта и *предоставленные* для нужд сельского хозяйства, а также *предназначенные* для этих целей (п. 1 ст. 77 ЗК РФ); землями населенных пунктов признаются земли, *используемые и предназначенные* для застройки и развития населенных пунктов (п. 1 ст. 83 ЗК РФ). Причем следует отметить, что при определении целевого назначения речь не идет о конкретных земельных участках как объектах земельных и имущественных отношений. Можно согласиться с указанным выше мнением О. И. Крассова, который рассматривает целевое назначение как способ определения правового режима земель. Исходя из этого, правовой режим земельных участков, входящих в состав той или иной категории, также будет отличаться определенной спецификой, что видно из анализа соответствующих глав Земельного кодекса (главы XIV и XVIII) и смежного (лесного, водного) законодательства.

Некоторые авторы считают, что еще одним критерием определения правового режима земель является вид разрешенного использования. Так, например, М. Д. Сутягин отмечает, что «институты разрешенного использования и территориального зонирования, вне зависимости от предполагаемой отмены деления земель на категории, нуждаются в дополнительной проработке» [Сутягин 2022 URL]. Однако следует отметить, что термин «разрешенное использование» не может быть применен вообще к землям (земле) как объекту земельных отношений. Указанный термин применяется только к конкретным земельным участкам, что существенно отличает анализируемые правовые категории («целевое назначение» и «разрешенное использование»), и является, соответственно, критерием определения правового режима не земель, а земельных участков, которые имеют индивидуальные характеристики (границы, площадь, указание на принадлежность к определенной категории земель и др.). Таким образом, содержание термина «разрешенное использование» является более узким по отношению к содержанию термина «целевое назначение».

Полагаем, что, поскольку разрешенное использование может применяться только к конкретному земельному участку, то через указание на вид разрешенного использования земельного участка конкретизируется правовой режим такого участка, то есть более четко по отношению к целевому назначению определяется, какой вид деятельности может осуществляться на таком земельном участке. Например, земельный участок из состава земель сельскохозяйственного назначения (целевое назначение, определяющее категорию земель в целом) с видом разрешенного использования «животноводство» может быть использован для осуществления хозяйственной деятельности, связанной с производством продукции животноводства, в том числе сенокошение, выпас сельскохозяйственных животных, разведение племенных животных, производство и использование племенной продукции (материала), размещение зданий, сооружений, используемых для содержания и разведения сельскохозяйственных животных, производства, хранения и первичной переработки сельскохозяйственной продукции [Приказ 2020 URL], как разновидности деятельности в сфере сельского хозяйства. Таким образом, указание на вид разрешенного использования конкретизирует круг прав и обязанностей правообладателей земельного участка и еще больше по отношению к целевому назначению в целом ставит участников земельных правоотношений в определенные рамки.

Указание на виды разрешенного использования земельных участков содержится в нескольких документах. Во-первых, среди таких документов следует назвать Классификатор видов разрешенного использования, который не привязан к категориям земель и уточняет, а также упорядочивает различные виды деятельности, которые могут осуществляться на земельных участках. Во-вторых, в Лесном кодексе РФ также содержится указание на виды разрешенного использования лесов, которые конкретизируются по отношению к лесным участкам в лесохозяйственных регламентах лесничеств (ст. 25, ст. 87 ЛК РФ) [Лесной кодекс 2006 URL]. В-третьих, если говорить об использовании земельных участков для целей строительной деятельности, то следует указать также на Градостроительный кодекс РФ, в котором установлены такие виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства, как основной, вспомогательный и условно разрешенный (ст. 37 ГрК РФ), которые отражаются уже в градостроительных регламентах, определяющих правовой режим земельных участков, используемых для застройки и последующей эксплуатации объектов капитального строительства (ст. 36 ГрК РФ) [Градостроительный кодекс 2004 URL]. Например, в качестве основного вида разрешенного использования земельного участка и размещения объектов капитального строительства при многоэтажной жилой застройке будет деятельность, связанная с размещением многоквартирных домов этажностью девять этажей и выше [Приказ 2020 URL].

Таким образом, следует обратить внимание, что единое понятие «разрешенное использование» не выработано законодателем. Однако анализ содержания отдельных видов разрешенного использования земельных участков, как в классификаторе, так и в других документах, позволяет говорить о том, что установление вида разрешенного использования земельного участка определяет правовой режим такого земельного участка и указывает его правообладателю на необходимость придерживаться при осуществлении своей деятельности рамок, установленных законодательством.

В специальной литературе уже были высказаны предложения по определению понятия «разрешенное использование земельных участков». Так, например, Г. А. Волков предлагает такую дефиницию: «виды деятельности, допускаемые на земельном участке, не связанные со стадиями его освоения» [Волков 2019: 17]. Е. С. Болтанова так разделяет содержание целевого назначения и разрешенного использования: «*Целевое назначение* – устанавливаемые законодательством или на его основе порядок и условия использования земельного участка для конкретной цели в соответствии с категорией земель», а виды разрешенного использования земельных участков рассматривает в качестве публично-правовых пределов, ссылаясь на мнение Верховного Суда РФ о том, что «разрешенное использование земельного участка, основанное на зонировании территории, заключается в определении конкретных видов деятельности, которые могут вестись землепользователем на предоставленном ему участке» [Болтанова 2023: 3].

Рассматривая соотношение содержания понятий «целевое назначение» и «разрешенное использование» соответственно как общее (применяемое к категории земель) и частное (применяемое к конкретному земельному участку), суды также исходят из необходимости учитывать, что вид разрешенного использования земельного участка должен соответствовать целевому назначению земли, из состава которой предоставлен такой земельный участок, и фактическому использованию земельного участка. Так, например, администрация отказала обществу в предоставлении публичного земельного участка в собственность, указывая на несоответствие выбранного вида разрешенного использования такого участка «для размещения АТС (автоматической телефонной станции)» фактическому использованию земельного участка обществом в период действия договора аренды. Общество, не осуществляя такой вид деятельности, как связь, использовало земельный участок (категория – земли населенных пунктов) для разных видов деятельности (автосервис, фитнес-клуб), в том числе для размещения магазинов («Пятерочка», «Лакомка»). По мнению суда, предоставление в собственность земельного участка, имеющего вид разрешенного использования, не соответствующий фактическому использованию расположенного на нем объекта недвижимости, вступает в противоречие с указанными нормами права, а также влечет ненадлежащее, несоответствующее требованиям законодательства определение выкупной цены [Определение 2025 URL].

Анализ материалов судебной практики показывает также, что иногда суды смешивают указанные понятия, подменяя «разрешенное использование» «целевым назначением». Так, например, Общество арендовало земельный участок под принадлежащими ему зданиями кафе и магазина. Позднее суд признал их некапитальными строениями, и департамент (истец) потребовал прекращения договора аренды земельного участка, поскольку аренда носила строго целевой характер – эксплуатация объектов недвижимости. Признание строений некапитальными постройками, по мнению истца, не позволяло использовать земельный участок по его первоначальному назначению. В иске отказали, так как участок использовался по назначению без существенных нарушений, договор заключался для эксплуатации этих зданий. Не согласившись с принятыми по делу судебными актами, департамент обратился в Верховный Суд РФ с кассационной жалобой. По мнению Верховного Суда РФ, «судами приведенные в обоснование иска обстоятельства об отсутствии в настоящее время в границах рассматриваемого земельного участка объектов недвижимого имущества, принадлежащих на праве собственности обществу, как доказательство ненадлежащего использования участка, не были исследованы и не получили должную правовую оценку» [Определение 2023 URL]. В тексте Определения применяются такие формулировки, как «ненадлежащее использование», «целевой характер», «первоначальное целевое назначение», «использование земельного участка по назначению». Однако ясно, что поскольку земельный участок предоставлялся под размещение объектов недвижимости, то речь идет о применении термина «разрешенное использование» земельного участка и о правильном толковании такого понятия, как «разрешенное использование» (а буквально – «что можно, а что нельзя размещать на указанном земельном участке?», «каковы пределы эксплуатации конкретного земельного участка?»).

В этой связи следует отдельно рассмотреть позицию Конституционного Суда РФ о применении рассматриваемой терминологии, в которой Суд отчетливо указал на необходимость законодательного уточнения нормативных положений: «Изучение судебной практики, связанной с применением законодательства о целевом использовании земельных участков и государственной регистрации прав на них, показывает, что как суды общей юрисдикции, так и арбитражные суды по-разному понимают порядок и условия реализации собственником (правообладателем) земельного участка предоставленного ему права самостоятельного выбора – в дополнение к основному виду разрешенного использования земельного участка – вспомогательного вида его разрешенного использования... если исключают друг друга варианты толкования одной и той же нормы (продиктованные, помимо прочего, различиями в ее понимании при сопоставлении с другими нормами) оказываются не лишенными разумного юридического обоснования... наиболее корректным способом выявления подлинного смысла и значения установленного законодателем правового регулирования является законодательное уточнение нормативных положений, неясность (неоднозначность) которых, неустраняемая средствами юридического, в том числе конституционно-правового толкования, создает непреодолимые препятствия для полноценного обеспечения равенства перед законом и судом в процессе их применения» [Постановление 2020 URL].

Еще одной проблемой отсутствия надлежащих дефиниций «целевое назначение» и «разрешенное использование» в законодательстве является применение указанных правовых категорий к землям лесного фонда и земельным участкам, на которых расположены леса, не относящимся к категории земель лесного фонда. Согласно Лесному кодексу РФ (далее – ЛК РФ) выделяются три большие группы лесов: защитные, эксплуатационные и резервные, правовой режим которых существенно отличается (глава 17 ЛК РФ). Анализ указанной главы ЛК РФ позволяет сделать вывод, что на определение специфики правового режима влияют те же правовые категории: целевое назначение и разрешенное использование. Однако их применение в лесном и земельном законодательстве несколько отличается. Например, согласно ст. 111 ЛК РФ к

защитным лесам относятся леса, которые являются природными объектами, имеющими особо ценное значение, и в отношении которых устанавливается особый правовой режим использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, а выделение категорий защитных лесов (ценные, городские, расположенные на особо охраняемых природных территориях и др.) позволяет говорить о различии не только в целевом назначении каждой категории таких лесов, но и в установлении видов разрешенного использования земельных участков, занятых такими лесами. Согласно п. 4 ст. 111 ЛК РФ виды использования лесов, допустимые к осуществлению в защитных лесах, расположенных на землях лесного фонда, определяются лесохозяйственными регламентами лесничеств, а виды использования лесов, допустимые к осуществлению в защитных лесах, расположенных на землях, не относящихся к землям лесного фонда, определяются федеральными органами исполнительной власти. Из данного положения следует, что здесь идет речь об установлении видов разрешенного использования лесных участков. Однако термин «целевое назначение» в ЛК РФ применяется как в широком смысле, т. е. к лесам (к группам и категориям лесов), так и в узком смысле, т. е. к лесным участкам. Например, «в защитных лесах запрещается осуществление деятельности, несовместимой с *их целевым назначением* и полезными функциями» (п. 6 ст. 111 ЛК РФ); «запрещается изменение *целевого назначения* лесных участков, на которых расположены защитные леса, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами» (п. 7 ст. 111 ЛК РФ). Если, согласно ЗК РФ, применение термина «целевое назначение» указывает, прежде всего, на категорию земель, а потом уже на земельный участок из состава соответствующей категории, то из положений ЛК РФ не вполне ясно, о каком целевом назначении идет речь, если леса могут располагаться не только на землях лесного фонда, но и на землях других категорий. Следует согласиться с Ю. И. Шуплецовым, что «...имеется правовая неопределенность в отношении того, леса какого целевого назначения могут располагаться на землях иных, кроме земель лесного фонда, категорий» [Шуплецов 2020 URL].

Анализ судебной практики по применению лесного законодательства показывает, что суды в отношении лесных участков не применяют такую формулировку, как «вид разрешенного использования». Так, например, природоохранная организация оспаривала некоторые положения Правил заготовки древесины и особенности заготовки древесины в лесничествах, утвержденные приказом Минприроды России, в части, где указанные правила допускают выборочные рубки спелых и перестойных лесных насаждений в защитных лесах. Отказывая в удовлетворении административного искового заявления природоохранной организации, Верховный Суд РФ, применяя ст. 111-115 ЛК РФ, отметил, что «действующее законодательство безусловного запрета на осуществление заготовки древесины и рубок в защитных лесах не содержит», используя в Решении следующие формулировки: «целевое назначение и полезные функции», «использование совместимо с целевым назначением...» [Решение 2023 URL].

Интересной иллюстрацией применения и соотношения анализируемых правовых понятий в законодательстве может служить ст. 14 Федерального закона «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которая так и называется: «Целевое назначение, в том числе разрешенное использование искусственного земельного участка» [Федеральный закон 2011 URL]. Анализ данной нормы показывает, что целевое назначение создаваемого земельного участка обуславливает отнесение его к соответствующей категории земель (земли специального назначения, земли населенных пунктов), а установление и (или) изменение видов разрешенного использования созданных земельных участков конкретизирует те виды деятельности, которые можно осуществлять на земельных участках в соответствии с их целевым назначением (например, эксплуатация конкретного объекта капитального строительства, для размещения которого создается искусственный земельный участок (ст. 4 ФЗ № 246).

В материалах судебной практики встречаются и такие формулировки, как «разрешенное целевое назначение». Например, в одном из определений Верховного Суда РФ по спору об установлении публичного сервитута указано: «судам применительно к указанным условиям, при которых недопустимо установление публичного сервитута, необходимо было проверить приложение ответчиком в комплекте с ходатайством документов, обосновывающих возможность продолжения использования земельного участка Совхозом в соответствии с его *разрешенным целевым назначением* в течение определенного времени при возведении, эксплуатации газопровода с учетом требований по охранным зонам и доступа для его дальнейшего обслуживания...» [Определение 2024 URL]. В связи с указанными выше рассуждениями не вполне понятно, какое содержание имеет в данном случае понятие «разрешенное целевое назначение».

Таким образом, анализ доктринальных позиций, нормативных актов и практики их применения подтверждает, что для преодоления правовой неопределенности в регулировании земельных отношений необходимо на законодательном уровне определить содержание понятий «целевое назначение» и «разрешенное использование».

Литература

- Болтанова Е. С. Публично-правовые пределы использования земельного участка / Экологическое право. – 2023. – № 2. – С. 2–5.
- Волков Г. А. О совершенствовании определения видов разрешенного использования земельных участков / Экологическое право. – 2019. – № 1. – С. 13–19.
- Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/
- Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/
- Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/

Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 246-ФЗ . URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116987/

Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков: Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 10 ноября 2020 г. № П/0412. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573114694>

Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 июня 2023 г. № 305-ЭС23-165 по делу № А40-8297/2022. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05062023-n-305-es23-165-po-delu-n-a40-82972022/>

Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13 мая 2024 г. № 305-ЭС23-29621 по делу № А41-83261/2022. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/409018236>.

Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18 марта 2025 г. № 301-ЭС24-16594 по делу № А28-37/2023. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411622125/>

Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2020 г. № 42-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365726/

Резников Е. В. Земельные споры. Особенности судебного правоприменения Конституционного и Верховного судов Российской Федерации: практическое исследование. Волгоград, 2021. URL: <https://base.garant.ru/77163365/>

Решение Верховного Суда РФ от 11 января 2023 г. № АКПИ22-1133. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/406365647/>

Сутягин М. Д. Зонирование территорий и разрешенное использование земель как способ определения правового режима земель и земельных участков / Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 6. – С. 187–195. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zonirovanie-territoriy-i-razreshennoe-ispolzovanie-zemel-kak-sposob-opredeleniya-pravovogo-rezhima-zemel-i-zemelnyh-uchastkov/viewer>

Шуплецова Ю. И. Особенности правового регулирования использования лесов на землях различных категорий / Журнал российского права. – 2020. – № 9. – С. 120–133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-ispolzovaniya-lesov-na-zemlyah-razlichnyh-kategoriy/viewer>.

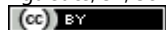
References

- Boltanova, E. S. (2023). Public-law limits of land use. *Environmental law*, 2, 2–5 (in Russian).
- Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 11, 2023 № АКПИ22-1133. Available from: <https://internet.garant.ru/#/document/406365647/> (in Russian).
- Determination of the Judicial Committee for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 13, 2024 № 305-ES23-29621 in case № А41-83261/2022. Available from: <https://internet.garant.ru/#/document/409018236> (in Russian).
- Determination of the Judicial Committee for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 18, 2025 № 301-ES24-16594 in case № А28-37/2023. Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411622125/> (in Russian).
- Forest Code of the Russian Federation of December 4, 2006 № 200-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/ (in Russian).
- Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 № 136-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (in Russian).
- On approval of the classifier of types of permitted use of land plots: Order of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography dated November 10, 2020 № П/0412. Available from: <https://docs.cntd.ru/document/573114694> (in Russian).
- On artificial land plots created on water bodies in federal ownership, and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 19, 2011 № 246-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116987/ (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 16, 2020 № 42-P. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365726/ (in Russian).
- Reznikov, E. V. (2021). Land disputes. Features of judicial law enforcement of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation: a practical study. Volgograd. Available from: <https://base.garant.ru/77163365/> (in Russian).
- Ruling of the Judicial Committee for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 5, 2023 № 305-ES23-165 in case № А40-8297/2022. Available from: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05062023-n-305-es23-165-po-delu-n-a40-82972022/> (in Russian).
- Shupletsova, Yu. I. (2020). Features of legal regulation of forest use on lands of various categories. *Journal of Russian Law*, 9, 120–133. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-ispolzovaniya-lesov-na-zemlyah-razlichnyh-kategoriy/viewer> (in Russian).
- Sutyagin, M. D. (2022). Zoning of territories and permitted use of land as a way of determining the legal regime of lands and land plots. *Actual problems of Russian law*, 6, 187–195. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zonirovanie-territoriy-i-razreshennoe-ispolzovanie-zemel-kak-sposob-opredeleniya-pravovogo-rezhima-zemel-i-zemelnyh-uchastkov/viewer> (in Russian).
- Urban Development Code of the Russian Federation of December 29, 2004 № 190-FZ. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (in Russian).
- Volkov, G. A. (2019). On improving the definition of types of permitted use of land plots. *Environmental law*, 1, 13–19 (in Russian).

Citation:

Трубникова О. А., Калашник Н. И. О содержании понятий «целевое назначение» и «разрешенное использование» в земельном праве России // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 58-63.

Trubnikova O. A., Kalashnik N. I. (2025) On the Content of the Concepts of "Allowable Use" and "Permitted Use" in Russian Land Law. Legal Linguistics, 37, 58-63.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О содержании понятия «иные действия сексуального характера» при толковании различных норм УК РФ

Н. В. Тыдыкова

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: academnauka@rambler.ru*

Статья посвящена анализу подходов к определению содержания понятия «иные действия сексуального характера». Доказывается, что толкование этого понятия при применении различных норм УК РФ отличается, что обуславливает необходимость включения в текст УК РФ определения исследуемого понятия, сформулированного с учетом потребностей применения всех норм, для которых содержание этого понятия имеет квалификационное значение. Отмечается, что отсутствуют формальные основания для ограничительного толкования этого понятия при квалификации насильственных действий сексуального характера, что делает содержание этого понятия почти безграничным. Однако необходимость правовой оценки по одной норме деяний, обладающих примерно одинаковой общественной опасностью, требует поиска критериев, с помощью которых возможно было бы ограничить круг возможных проявлений исследуемого понятия. Автор положительно оценивает подход законодателя к определению предмета преступлений, ответственность за которые предусмотрена статьями 242 и 242.1 УК РФ, в рамках которого к нему относятся, в частности, изображения полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера. При таком подходе указание на сопоставимость действий сексуального характера с половым сношением формирует содержательные границы этого понятия для целей соответствующих норм УК РФ. Выявлена необходимость определения исследуемого понятия и для целей квалификации деяний по нормам об ответственности за организацию занятия проституцией и вовлечение в занятие проституцией. Со ссылками на примеры доказывается, что практика широко определяет круг действий, которые могут совершаться в рамках проституции.

Ключевые слова: действия сексуального характера, развратные действия, проституция, материалы порнографического характера, изнасилование, половая свобода.

On the Scope of the Term 'Other Actions of Sexual Nature' in the Interpretation of Different Norms of the Criminal Code of the Russian Federation

N. V. Tydykova

*Altai State University
61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: academnauka@rambler.ru*

The article analyzes the approaches to the definition of the scope of the term «other actions of a sexual nature». It has been proved that the interpretation of this term differs in the application of different norms of the Criminal Code of the Russian Federation, which makes it necessary to include a definition of the concept under study into the text of the Criminal Code of the Russian Federation, formulating it in accordance with the needs of application of all norms for which the content of this term has qualifying significance. It is noted that there are no formal grounds for a restrictive interpretation of this concept in the qualification of violent acts of a sexual nature, which makes this concept almost limitless. However, the necessity to apply common legal assessment to acts of similar social danger requires the search for criteria to help limit the range of possible manifestations of the concept under study. The author positively estimates the approach of the legislator to the definition of the subject matter of the offences, responsibility for which is provided by Articles 242 and 242.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which includes, in particular, depicting sexual intercourse or comparable to sexual intercourse acts of sexual nature. Under this approach, the indication of the comparability of acts of sexual nature with sexual intercourse forms the meaningful boundaries of this concept for the purposes of the relevant norms of the Criminal Code of the Russian Federation. The article reveals the necessity of defining the term under study for the purposes of qualifying acts under the norms on liability for organizing prostitution and involvement in prostitution. With references to examples it has been proved that the practice sets a broad range of actions that can be committed within prostitution environment.

Key words: acts of sexual nature, sexual abuse, prostitution, pornographic materials, rape, sexual freedom.

Одним из нерешенных в уголовно-правовой науке и практике является вопрос о круге действий, которые образуют содержание понятия «иные действия сексуального характера», используемого законодателем в диспозиции ст. 132 УК РФ. Особенно остро стоит вопрос о возможности включения в его содержание таких действий, как поглаживания или прикосновения к интимным частям тела, в том числе через одежду, а также демонстрация половых органов или действий сексуального характера. Если указанные действия совершаются без применения насилия, угрозы его применения, использования беспомощного состояния потерпевшего лица, то уголовная ответственность наступает только при их совершении в отношении лица, которое заведомо для виновного не достигло шестнадцати лет. В этом случае такие действия определяются как развратные, что соответствует позиции, выраженной в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», где к ним предложено относить любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства. В случаях, предусмотренных примечанием к ст. 131 УК РФ, такие действия подлежат квалификации по ст. 132 УК РФ. Этот подход фактически смешивает понятия иных действий сексуального характера и развратных действий, но предложенный алгоритм квалификации является устоявшимся в правоприменении [См., например, Тыдыкова 2018: 60].

Вышеназванные действия, совершенные в отношении лица, достигшего шестнадцати лет, без применения насилия, угрозы его применения, использования беспомощного состояния не образуют признаков какого-либо преступления, объектом которого была бы половая свобода личности. Однако решение вопроса усложняется, если действия, традиционно оцениваемые как развратные действия (например, прикосновения к груди или ягодицам, в том числе через одежду), совершаются в отношении лица, уже достигшего шестнадцати лет, но с применением насилия, угрозы его применения или использованием его беспомощного состояния. Уголовный закон не содержит требований к минимальному проявлению насилия в ст. 132 УК РФ, а значит, например, удержание потерпевшего лица и совершение в отношении него любого иного действия сексуального характера образует признаки состава преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ. Так как закон не содержит формального основания для смыслового ограничения рассматриваемого понятия, то в практике это понятие может обретать почти безграничное содержание, ввиду чего и названные действия также можно относить к иным действиям сексуального характера. Такое решение вопроса влечет за собой необходимость квалификации обозначенных действий по ст. 132 УК РФ.

Однако устоявшимся правилом является и необходимость учета степени общественной опасности деяния, за совершение которого конкретная норма УК РФ устанавливает уголовную ответственность, при толковании конкретного признака этого преступления. Иными словами, все действия, ответственность за которые предусмотрена ч. 1 ст. 132 УК РФ, должны быть примерно одинаковыми по степени общественной опасности. Так, Т. В. Кондрашова справедливо отмечает, что в уголовном законе оборот, начинающийся с местоимения «иной», предполагает наказуемость действий, сопоставимых с теми, что конкретно указаны в норме [Кондрашова 2020: 73]. Руководствуясь аналогичными по содержанию аргументами, А. А. Бимбинов под иными действиями сексуального характера предлагает понимать действия, сопоставимые по форме выражения и возможным негативным последствиям с половым сношением, мужеложством и лесбиянством [Бимбинов 2017: 105, 119]. Е. В. Хромов также считает, что нельзя определять границы иных действий сексуального характера исключительно по остаточному принципу, так как тогда в качестве тяжкого (особо тяжкого) преступления, предусмотренного ст. 132 УК, правоприменитель будет рассматривать любые формы контактного превышения границ допустимости проявления сексуальной активности в силу низкого морально-нравственного и интеллектуального уровня развития [Хромов 2021: 40]. А. Г. Кибальник, признавая, что предлагаемый подход могут упрекнуть в сужении границ уголовной репрессии, содержание «иных действий сексуального характера» ограничивает сексуальным проникновением, отмечая, что безграничное понимание этого понятия приведет к неоправданному расширению рамок уголовной ответственности [Кибальник 2014: 59]. Л. Л. Кругликов и А. В. Иванчин также отмечают недопустимость чрезмерно широкого толкования исследуемого понятия, предлагая анализировать мотивы и цели противоправного поведения виновного в ряде случаев [Кругликов 2019: 46].

Отсутствие формального основания для ограничительного толкования исследуемого понятия, с одной стороны, и необходимость учета типовой степени общественной опасности преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 132 УК РФ, с другой стороны, приводят к неоднородности правоприменительной практики. Такая неоднородность заключается в том, что в одних случаях обсуждаемые действия квалифицируются по ст. 132 УК РФ, а в других – по соответствующим статьям КоАП РФ. Радикальным способом преодоления неоднородности правоприменительной практики видится принципиально иной способ закрепления признаков половых преступлений в нормах главы 18 УК РФ, при котором соответствующие действия сексуального характера были бы конкретизированы в диспозициях норм посредством указания на какой-то универсальный критерий, которым мог бы стать факт наличия или отсутствия проникновения в тело потерпевшего или виновного [См., например, Тыдыкова 2024: 7-8].

Следует учитывать, что рассматриваемое понятие имеет значение и для квалификации других преступлений. Например, ст. 242 и 242.1 УК РФ устанавливают ответственность за незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов и изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Понятие материалов и предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних дано в примечании к ст. 242.1 УК РФ. Под ними понимаются материалы и предметы, содержащие любое изображение или описание в сексуальных целях, в том числе несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение или иные действия сексуального характера. Предложенное законодателем в примечании определение в некоторой степени созвучно с определением, данным в ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», которое информацию порнографического характера определяет как информацию, представляемую в виде натуралистических изображения или описания половых органов человека и (или)

полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного.

Такой подход законодателя видится более удачным, так как указание на сопоставимость действий сексуального характера с половым сношением формирует содержательные границы этого понятия, включая в него лишь примерно одинаковые по степени общественной опасности. В таком законодательном решении «сопоставимость» становится тем критерием, который конкретизирует описываемое понятие в самом тексте закона. Нельзя не отметить, что ограничение круга действий сексуального характера для целей квалификации деяний по статьям 242 и 242.1 УК РФ теми, что сопоставимы с половым сношением, косвенно свидетельствует о том, что сам законодатель понятие действий сексуального характера, в том числе иных действий сексуального характера, считает широким и почти ничем не ограниченным. Поэтому можно предположить, что отсутствие, например, в примечании к ст. 132 УК РФ определения понятия «иные действия сексуального характера» является не упущением законодателя, а его принципиальным решением.

Статья 240.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего. Под сексуальными услугами для целей этой статьи в примечании к ней предложено понимать половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, условием совершения которых является денежное или любое другое вознаграждение несовершеннолетнего или третьего лица либо обещание вознаграждения несовершеннолетнему или третьему лицу. В этой норме круг иных действий сексуального характера также ничем не ограничен. В ней законодатель намеренно не использует термин «проституция», так как криминализирует соответствующее деяние даже при однократном его совершении. Но в силу одинаковой сути явлений видится возможным это определение использовать и для понимания границ проституции, легального определения которого нет ни в УК РФ, ни в КоАП РФ.

В уголовно-правовой литературе проституция определяется по-разному, а круг действий, совершаемых в рамках такой деятельности, часто обозначается широко, например, как систематическое вступление в сексуальные отношения с неопределенным кругом партнеров за вознаграждение [Агешкина 2016 URL]. Практика также широко определяет круг действий, которые могут совершаться в рамках проституции. Например, деятельность по организации массажных салонов, которые оказывают услуги массажа, связанного с интимными прикосновениями, в т. ч. стимуляции полового органа до семяизвержения, признается организацией занятия проституцией [Апелляционное постановление от 06.05.2019 г. URL].

Также для исполнителей такой услуги наступает административная ответственность. Например, по одному делу, привлекая лицо к ответственности по ст. 6.11 КоАП РФ, суд указал, что половая связь включает в себя не только половой акт как таковой, но и удовлетворение половых потребностей в иных формах, в том числе в имитации полового акта либо в воздействии на тело партнера без признаков полового акта, вызывающем половое возбуждение [Решение от 13 августа 2024 г. URL]. По другому делу А. признана виновной и осуждена за вовлечение в занятие проституцией группой лиц по предварительному сговору, а также за организацию занятия проституцией другими лицами, а равно содержание притонов для занятия проституцией. Вину А. не признала и полагала, что такие действия лежат в плоскости предпринимательства, направленной на получение прибыли от оказания услуг, так как массажный салон был зарегистрирован официально, с указанием основного вида деятельности, а проведение эротического массажа законодательно не запрещено. Однако допрошенный в качестве свидетеля врач-сексолог и психолог показал, что действия, связанные с контактом полового органа мужчины, способствующие возникновению у мужчины семяизвержения, являются действиями сексуального характера, поэтому доводы защитника о том, что в действиях осужденной отсутствуют признаки состава преступлений, несостоятельны [Апелляционное определение от 23 апреля 2024 г. URL].

Нельзя не отметить, что часто понимание действий сексуального характера для целей квалификации различных преступлений ограничивается контактным взаимодействием лиц. Однако в последнее время получила распространение практика онлайн-трансляций, в ходе которых лица за вознаграждение демонстрируют различные действия сексуального характера. Возникает вопрос о возможности признания таких действий проституцией. Видится, что формальные основания к отрицательному решению этого вопроса отсутствуют, тем более что современные технологии стирают грань между контактными и бесконтактными формами взаимодействия. Так, в ходе таких онлайн-трансляций может использоваться реквизит для совершения действий сексуального характера с дистанционным управлением.

Таким образом, толкование понятия «действия сексуального характера» при применении различных норм УК РФ отличается. Способом устранения неоднородности правоприменительной практики видится включение в текст УК РФ легального определения исследуемого понятия, которое должно быть сформулировано с учетом потребностей применения не только норм главы 18 УК РФ, но и других норм. До решения проблемы законодательным путем, как справедливо отмечает А. А. Бимбинов, она может и должна быть нивелирована в рамках судебной практики путем дачи судам разъяснений о содержании указанных действий с приведением их наиболее распространенных примеров [Бимбинов 2022: 203]. А в конкретных нормах УК РФ объем действий, который должен ими охватываться, может быть обозначен путем указания на соответствующий универсальный критерий.

Литература

- Агешкина Н. А. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13 июня 1996 г. / Н. А. Агешкина, М. А. Беляев, Ю. В. Белянинова, Т. А. Бирюкова, С. А. Болдырев, Г. К. Буранов, Н. И. Воробьев, В. А. Галкин, Д. А. Дудко, Ю. В. Егоров, Ю. Б. Захарова, А. В. Копьёв. Специально для системы ГАРАНТ, 2016 / ЭПС «Система Гарант».
- Апелляционное определение СК по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 23 апреля 2024 г. по делу N 22-2038/2024. URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/343267412/paragraph/1/doclist/3318/5/0/0/эротический*%20массаж:13
- Апелляционное постановление Московского городского суда от 06.05.2019 N 10-4858/2019 / ЭПС «Система Гарант».
- Бимбинов А. А. Ненасильственные половые преступления: монография. М., 2017.

- Бимбинов А. А. Практика применения норм об ответственности за половые преступления (статьи 131-135 Уголовного кодекса РФ) и способы ее совершенствования / Правоприменение. - 2022. - N 1. - С. 191-204.
- Кибальник А. Г. Судебные подходы к квалификации сексуальных преступлений / Уголовное право. - 2014. - № 5. - С. 58-60.
- Кондрашова Т. В. Развратные и иные действия сексуального характера: понятие и соотношение / Российский юридический журнал. - 2020. - N 1. - С. 72-81.
- Кругликов Л. Л., Иванчин А. В. Спорные проблемы трактовки и квалификации иных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) / Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. - 2019. - N 4. - С. 44-48.
- Решение Московского городского суда от 13 августа 2024 г. по делу N 7-11106/2024. URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/341566270/paragraph/1/doclist/3318/4/0/0/эротический*%20массаж:12
- Тыдыкова Н. В. О некорректном использовании медицинских терминов при конструировании составов половых преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации / Юрислингвистика. - 2018. - № 7-8. - С. 56-63.
- Тыдыкова Н. В. О новом концептуальном подходе к ответственности за половые преступления / Юрислингвистика. - 2024. - № 32 (43). - С. 6-10.
- Хромов Е. В. Границы иных действий сексуального характера / Законность. - 2021. - N 1. - С. 40-44.

References

- Ageshkina, N. A. (2016). Scientific and practical commentary to the Criminal Code of the Russian Federation of 13 June 1996 / N. A. Ageshkina, M. A. Belyaev, Y. V. Belyaninova, T. A. Biryukova, S. A. Boldyrev, G. K. Buranov, N. I. Vorobyev, V. A. Galkin, D. A. Dudko, Y. V. Egorov, Y. B. Zakharova, A. V. Kopyev. Specially for the GARANT system. Available from: EPS "Garant System" (in Russian).
- Appeal ruling of the Moscow City Court from 06.05.2019 N 10-4858/2019. Available from: EPS "Garant System" (in Russian).
- Appellate ruling of the Criminal Court of the Krasnodar Territory Court of 23 April 2024 on the case N 22-2038/2024. Available from: https://arbitr.garant.ru/#/document/343267412/paragraph/1/doclist/3318/5/0/0/эротический*%20massage:13 (in Russian).
- Bimbinov, A. A. (2017). Non-violent sexual offences: a monograph. Moscow (in Russian).
- Bimbinov, A. A. (2022). Practice of application of norms on liability for sexual offences (Articles 131-135 of the Criminal Code of the Russian Federation) and ways to improve it. Law enforcement, 1, 191-204 (in Russian).
- Decision of the Moscow City Court of 13 August 2024 in case N 7-11106/2024. Available from: https://arbitr.garant.ru/#/document/341566270/paragraph/1/doclist/3318/4/0/0/эротический*%20massage:12 (in Russian).
- Khromov, E.V. (2021). Boundaries of other actions of sexual nature. Legality, 1, 40-44 (in Russian).
- Kibalnik, A. G. (2014). Judicial approaches to the qualification of sexual offences. Criminal Law, 5, 58-60 (in Russian).
- Kondrashova, T. V. (2020). Depraved and other actions of sexual nature: concept and correlation. Russian Law Journal, 1, 72-81 (in Russian).
- Kruglikov, L. L., Ivanchin, A. V. (2019). Disputable problems of interpretation and qualification of other actions of sexual nature (Art. 132 of the Criminal Code of the Russian Federation). Bulletin of P.G. Demidov Yaroslavl State University. Series: Humanities, 4, 44-48 (in Russian).
- Tydykova, N. V. (2018). On the incorrect use of medical terms in the construction of sexual offences in the Criminal Code of the Russian Federation. Jurislinguistics, 7-8, 56-63 (in Russian).
- Tydykova, N. V. (2024). On a new conceptual approach to responsibility for sexual offences. Jurislinguistics, 32 (43), 6-10 (in Russian).

Citation:

- Тыдыкова Н. В. О содержании понятия «иные действия сексуального характера» при толковании различных норм УК РФ // Юрислингвистика. - 2025 - 37. - С. 64-67.
- Tydykova N. V. (2025) On the Scope of the Term 'Other Actions of Sexual Nature' in the Interpretation of Different Norms of the Criminal Code of the Russian Federation. Legal Linguistics, 37, 64-67.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юридические механизмы проработки прошлого: опыт стран Восточной Европы¹

Е. С. Беседина

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: Efremova_e@mail.asu.ru

Статья посвящена комплексному анализу юридических механизмов проработки прошлого в странах Восточной Европы после падения коммунистических режимов. На основе сравнительно-правового подхода изучения законодательства и судебной практики исследуются ключевые инструменты: уголовное преследование, люстрации, реституция имущества, реабилитация жертв политических репрессий и мемориальные законы. Целью работы является выявление специфики, противоречий и эффективности этих мер в разных национальных контекстах, с отдельным вниманием к уникальному и политизированному опыту Украины, где процесс начался значительно позже. В заключении делается вывод о принципиальной неоднозначности и двойственной природе правового регулирования проработки прошлого: с одной стороны, эти механизмы направлены на восстановление справедливости и укрепление демократии, а с другой — чреваты рисками политической инструментализации, нарушения правовых принципов и углубления раскола в обществе, что ставит под сомнение их безусловную позитивную роль.

Ключевые слова: проработка прошлого, историческая политика, историческая правда, законы памяти.

Legal Mechanisms for Processing the Past: The Experience of Eastern European Countries

E. S. Besedina

Altai State University

68 Socialisticheskoy Ave., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: Efremova_e@mail.asu.ru

This article provides a comprehensive analysis of legal mechanisms for processing the past in Eastern European countries after the fall of communist regimes. Using a comparative legal approach to legislation and judicial practice, key instruments are examined: criminal prosecution, lustration, property restitution, rehabilitation of victims of political repression, and memorial laws. The aim of the work is to identify the specifics, contradictions, and effectiveness of these measures in different national contexts, with particular attention to the unique and politicized experience of Ukraine, where the process began much later. The conclusion highlights the fundamental ambiguity and dual nature of legal regulation of the processing of the past: on the one hand, these mechanisms are aimed at restoring justice and strengthening democracy, while on the other, they are fraught with the risks of political instrumentalization, violation of legal principles, and deepening divisions in society, which calls into question their unconditional positive role.

Key words: processing the past, historical policy, historical truth, laws of memory.

В XX веке страны Восточной Европы пережили череду травматических событий, включая две мировые войны, тоталитарные режимы, политические репрессии и этнические конфликты. Падение коммунистических режимов в конце XX века открыло возможность для осмысления прошлого. Поиск и привлечения к ответственности виновных в нарушениях прав человека, восстановление справедливости в отношении жертв политических репрессий стало приоритетной задачей целого ряда восточно-европейских стран. Рассуждая о механизмах "проработки прошлого" стоит отметить, что данный термин изначально появился в Германии после Второй мировой войны. Концепция "Vergangenheitsbewältigung" была использована для описания усилий немецкого общества по признанию и искуплению вины за преступления нацистского режима. [Дармина 2023:38] Однако совершенно точно данный термин можно отнести и к опыту восточно-европейских стран после падения коммунистических режимов.

¹ «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01416 «Мемориальное право и политика памяти: теоретико-правовые аспекты» <https://rscf.ru/project/24-28-01416/>»

Несмотря на различие в подходах, большинство ученых сходятся во мнении, что проработка прошлого включает в себя следующие ключевые аспекты: признание и осуждение преступлений прошлого, установление истины о трагических событиях, привлечение к ответственности виновных в нарушениях прав человека, компенсацию жертвам политических репрессий и насилия, сохранение памяти о прошлом и предотвращение повторения подобных трагедий, реформирование институтов, способствовавших совершению преступлений, а также содействие примирению в обществе. Среди авторских взглядов можно отметить позицию Алейды Ассман, которая подчеркивает роль "культурной памяти" в процессе проработки прошлого. Она утверждает, что проработка прошлого включает в себя не только юридические и политические меры, но и создание "мест памяти", которые позволяют обществу сохранять и передавать память о трагических событиях. [Assmann 2014: 249] Ассман также отмечает важность диалога между поколениями в процессе осмысления прошлого. Противоположный взгляд на проработку прошлого представляет Давид Риефф, критически относясь к ней. Он утверждает, что концепция утопична и в каком-то смысле даже опасна, что прошлое невозможно полностью "проработать", и что попытки это сделать могут привести к новым формам насилия и несправедливости. Он предлагает вместо этого сосредоточиться на решении текущих проблем и предотвращении будущих конфликтов. [Rieff 2016: 160].

Среди механизмов проработки прошлого особое место занимают юридические меры, поскольку они обеспечивают официальное признание страданий жертв и устанавливают виновных, а в отдельных случаях привлекая их к ответственности, что в отличие от других мер способствует окончательному разрешению ситуаций, существовавших в прошлом, и создает основу для справедливости и примирения в обществе. К юридическим можно отнести следующие меры:

1. Комиссии по установлению истины и примирению. Это временные независимые органы, (хотя случается, что подобные органы иницируются самим государством) деятельность которых направлена на установление фактов нарушения прав человека государством или негосударственными организациями. Зачастую потребность в таких комиссиях связана с переосмыслением времен правления диктаторов, а также их целью может служить разрешение конфликтов, которые возникали во времена холодной войны и гражданских войн.

В Восточной Европе, в отличие от Латинской Америки или Африки, комиссии по установлению истины и примирению не получили широкого распространения после падения коммунистических режимов, поскольку главным способом восстановления исторической справедливости стало уголовное преследование. Можно предположить, что данный институт не был распространён, поскольку в обществе ещё не было запроса на примирение, а комиссии для большинства ассоциировались с государственными институтами, уровень доверия к которым был крайне низок.

2. Уголовное преследование. В данном случае речь идёт о привлечении к юридической ответственности лиц, совершивших наиболее тяжёлые преступления против прав человека и международные преступления, такие как геноцид, преступление против человечности, военные преступления.

Одной из первых сложностей, с которой пришлось столкнуться при попытке привлечь к ответственности лиц, совершивших преступления во времена коммунистических режимов, — это запрет обратной силы законов, применяемых к событиям в прошлом (принцип, существующий с XVII века для ограничения возможности политического преследования путём издания новых норм). В таких случаях в целях переоценки действий фашистского режима в Германии применялся международный принцип, в соответствии с которым закон, очевидно противоречащий естественному праву, не является справедливым и обязательным к исполнению. [Лёзина 2023: 208].

Ещё одной существенной сложностью стал вопрос о сроке давности. В ряде случаев с момента совершения преступлений прошли десятилетия, в связи с чем возникали сложности со сбором доказательств. Значительная часть документов могла быть уничтожена, свидетельские показания не объективны. Более того в переходные моменты общество разрывается между стремлением к справедливости и желанием отомстить бывшим угнетателям. Самым громким таким делом стало дело в отношении Николае Чаушеску, главы Румынии с 1965 по 1989, и его жены Елены, которая занимала пост первого вице-премьера. Они были арестованы в ходе Румынской революции 1989, судимы Чрезвычайным военным трибуналом Румынии, им было вменено разрушение национальной экономики, вооружённое выступление против народа и государства, разрушение государственных институтов и геноцид. Казнь Чаушеску была попыткой поставить точку в коммунистическом этапе развития страны и установить новую, демократическую Румынию. Она должна была продемонстрировать, что старый режим мертв и никогда не вернется. Трибунал же представлял собой попытку, хотя и очень сомнительную, зафиксировать историческую правду, предъявив обвинения Чаушеску и его режиму в преступлениях, совершенных против румынского народа. В 2024 году родственники Чаушеску попытались оспорить приговор трибунала и пересмотреть дело, ссылаясь на то, что трибунал был сформирован незаконно. Однако официального признания приговора незаконным так и до сих пор не случилось.

Еще одним наглядным примером служит дело Эгона Кренца, последнего лидера ГДР, который стал символом падения коммунистического режима и последовавшего за этим процесса переосмысления прошлого в Германии. Его обвинили в государственной измене и непредумышленном убийстве за то, что он, будучи главой государства, не отменил приказ стрелять в людей, пытавшихся пересечь Берлинскую стену. [Лёзина 2013:71]. Суд счел его виновным в непредумышленном убийстве и приговорил к шести с половиной годам тюремного заключения. Осуждение Кренца, хотя и вызвало споры, в целом германской общественностью расценивается как важный шаг на пути к исцелению и укреплению демократии в объединенной Германии.

Хотя в таких случаях зачастую политические деятели не понесли реального наказания, но сам факт возбуждения уголовного дела является попыткой переосмыслить прошлое. Среди таких дел можно отметить дело Войцеха Ярузельского, бывшего лидера Польши, который после падения коммунистического режима столкнулся с уголовным преследованием за введение военного положения в 1981 году. Его обвиняли в создании преступной группы и нарушениях ряда положений Конституции. Судебный процесс начался в 2007 году, а в 2011 Ярузельского признали виновным. Однако наказание не было

назначено, а впоследствии, уже после его смерти в 2014 году, дело было прекращено. Этот процесс стал символом стремления Польши к переосмыслению своей истории.

3. Люстрации и открытие архивов. Под люстрацией понимается процесс проверки государственных служащих и других лиц, занимающих важные должности, на предмет их причастности к деятельности, которая считается несовместимой с демократическими ценностями или нарушающей права человека. В восточно-европейских странах считалось, что люстрация должна укрепить доверие к новой власти в глазах общества, показав, что она решительно отвергает преступную и неправоую практику прежних коммунистических режимов.

Параллельно с люстрационными процессами в странах восточной европы начался процесс открытия архивов. Базовой идеей сторонников открытия архивов стало убеждение, что ответственность – основа демократии, а ответственность, в свою очередь, требует обнародования истины. Необходимо было, чтобы страдания жертв и вина государства и его представителей стали достоянием общественности.

Можно разделить государства Восточной Европы, проводившие люстрации, на две группы. К первой относятся государства проводившие ранние и жесткие меры, там гражданское общество наиболее ожесточенно сопротивлялось коммунистическому режиму, вводившиеся там законы, предусматривали полное отстранение от государственных должностей лиц, как-либо связанных с коммунистическими спецслужбами и партийной номенклатурой. К государствам, проводящим наиболее агрессивную политику люстрации, относится Германия и Чехия. В Германии ключевым элементом люстрации стал Закон об архивах Штази (Stasi-Unterlagen-Gesetz), принятый в 1991 году. Чешский закон о люстрациях, принятый также в 1991 году, запрещал достаточно широкому кругу лиц, занимавших определенные должности в коммунистической партии, народной милиции, разведывательных службах, а также преподавателям вузов, поддерживавшим коммунистический режим, занимать государственные должности, а также должности в СМИ, государственном образовании и национальном банке Чехии в течение 5 лет, в соответствии с первой редакцией закона.

Ко второй группе государств относятся те, кто проводил люстрации спустя некоторое время, либо те страны, где процесс не носил столь всеобъемлющего характера. В странах, где к власти через несколько лет после антикоммунистических революций вернулись посткоммунистические партии, процесс люстрации шёл в мягких формах и постепенно затихал. Иная классификация, предложенная Н.А. Бобринским, предполагает деление стран с люстрационными мерами на 3 группы, в зависимости от характера проводимых мер. Первый тип, реализованный в Чехии, Германии, Литве (для сотрудников спецслужб), Боснии и Герцеговине, Македонии, работал как фильтр. Создавались два реестра: один – перечень "защищенных" постов, куда не должны были попасть «запятнанные» прошлым, другой – список критериев, позволяющих определить, кто именно является таким "неблагонадежным" гражданином. Польша, Латвия и Эстония пошли по другому пути, выбрав люстрацию второго типа. Здесь также было два списка, но их роль изменилась. Кандидат на "защищенную" должность сам должен был признаться, соответствует ли он критериям "неблагонадежности" (например, сотрудничал ли со спецслужбами). Ложь каралась отстранением. Венгрия, Литва, Словакия выбрали третий путь – люстрацию-разоблачение. Составлялись и публиковались списки лиц, признанных "неблагонадежными", но без каких-либо юридических последствий для них. [Бобринский 2015:15].

Сам термин «люстрация» происходит от римского термина «lustratio», означающего очищение через покаяние, зачастую связанное с жертвоприношением. [Оболонский 2020:88]. Сторонники люстрационных мер ссылаются на то, что подобное значение такие меры несут до сих пор, люстрация не наказание, не кара и не возмездие, а лишь временное ограничение на занятие определенных должностей, сопровождающее прощение и отсутствие более сурового наказания. ООН же вообще предпочитает использование термина «vetting», подразумевающего под собой временный запрет на что-либо, связанный с проверкой. Необходимость люстрации можно обосновать двумя главными аргументами. Люстрация необходима, чтобы не дать прошлому помешать развитию нового. Предполагается, что представители свергнутых режимов, оставшись у власти, способны разрушить формирующуюся демократию. Во-вторых, люстрация – это инструмент обновления кадров: те, кто присягал на верность «тьме» тоталитарных режимов, не смогут эффективно служить «свету» правового и демократического государства. В переходный период, когда правосудие ограничено в возможностях, люстрация призвана предотвратить повторение прошлых трагедий и укрепить законность. По причине нехватки ресурсов и правовых средств государство не может наказать каждого виновного, поэтому люстрация становится вынужденной альтернативой уголовному преследованию, своего рода "обходным путем", который, тем не менее, несет в себе элементы наказания.

Главным недостатком люстрационных мер является отсутствие индивидуального подхода и разбирательства деяний в каждом конкретном случае. Люстрация, основываясь на принципе коллективной ответственности, ставит крест на профессиональной деятельности людей лишь за их причастность к определенным организациям и институтам. Отмена индивидуального подхода к каждому случаю явно противоречит принципам демократического правового государства и справедливости. Самая идея люстрационных мер нарушает презумпцию невиновности и вступает в противоречие со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., предусматривающей право на справедливое судебное разбирательство.

Так, например, Международная организация труда (МОТ) расценивает люстрационные запреты как необоснованную дискриминацию. Ее аргумент прост: универсальные ограничения, не учитывающие специфику конкретной профессии, противоречат духу и букве конвенции МОТ №111. Эксперты МОТ отвергают саму логику люстрации, согласно которой тесная связь с прежним, репрессивным режимом автоматически делает человека непригодным для работы в новом демократическом правительстве.

Отметим также, что люстрационные меры неразрывно связаны с односторонним подходом к оценке тех или иных недавно минувших событий. Очень просто раскрасить один исторический этап только черным цветом и забыть о нём. Куда сложнее глубоко проанализировать существующий опыт, отметить как недостатки и перегибы, так и позитивные моменты, работающие практики, которые можно использовать при переходе от одного этапа исторического развития к другому. В противном случае государство обрекает себя начинать весь путь заново, тормозя собственное развитие. Подобная ситуация

существует и с кадрами. При жестких формах люстрации государство рискует остаться без опытных специалистов, столкнуться с кадровым кризисом.

4. Реституция. Как элемент правового механизма проработки прошлого реституцию можно определить как восстановление ситуации, которая имела место до момента нарушения права. [Биузе 2009: 1]. Кроме того всегда учитывается целесообразность восстановления взамен компенсации ущерба. В международно-правовых актах встречается также термин сатисфакция, под которым понимают иные меры в случаях, когда произвести компенсацию не представляется возможным. Это могут быть публичные извинения, сожаление о случившемся или предоставление гарантий не повторять подобные действия. [Багомедов, Алиева 2022: 209]. Декоммунизация в Европе была неразрывно связана с вопросом частной собственности, права на которую, как казалось, были грубо нарушены в годы коммунистического господства. Ожидание восстановления этих прав привело к появлению в обществе категорического требования о новом перераспределении активов, где центральную роль играли граждане, пострадавшие от экспроприации, и их наследники. В результате во многих странах Восточной Европы после падения коммунистических режимов были приняты законы о реституции, главной целью которых было восстановление прав собственности жертв коммунистических конфискации (Румыния, Венгрия, Польша, Чехия и т.д.). Для большинства посткоммунистических стран реституции были необходимы как для восстановления исторической справедливости, так и для создания основы рыночной экономики, пострадавшей в коммунистические годы. Надо отметить, что разные страны придерживались весьма различных подходов к реституции. Так, например, в Венгрии проводилась очень ограниченная реституция имущества, почти никто не получил ни собственность, ни компенсацию в полном объеме, большинство пострадавших граждан получили в соответствии с этим законом выпущенные государством ваучеры, которые лишь частично компенсировали потери, позволив получить пожизненную ренту, акции в приватизируемых предприятиях или небольшие участки земли. С другой стороны, в странах Прибалтики реституция была проведена с особым акцентом на натуральный возврат земли бывшим владельцам или их наследникам, что в свою очередь, по мнению законодателя, должно было способствовать развитию фермерства в странах. В Чехии, начиная с 1990 года, был применен комбинированный подход: провозглашался приоритет натуральной реституции, однако на практике права большинства граждан были восстановлены через денежные компенсации или выдачу компенсационных ваучеров. При этом ряд авторов небезосновательно отмечает, что меры реституции могли быть также направлены на улучшение экономического положения привилегированных этнических групп, ярким примером чего являются страны Прибалтики. [Пузин 2021:259].

5. Реабилитация жертв политических репрессий. Безусловно, все правовые механизмы проработки прошлого могут работать только в совокупности. Однако без комплекса мер, направленных на восстановление доброго имени, законных прав и интересов лиц, необоснованно подвергшихся политическим преследованиям со стороны государства, проработка прошлого не является полной и не достигает конечной цели. В большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы в начале 1990-х годов были приняты законы о реабилитации. Несмотря на то, что все они существенно различались по форме и объему, большинство содержало общую систему органов и этапы для восстановления прав граждан. Эти органы определяли круг лиц, имеющих право на реабилитацию, порядок обжалования, основания для возмещения ущерба, размер и сроки компенсаций, а также обстоятельства, исключающие право на возмещение. В ряде стран Восточной Европы реабилитация началась с осуждения репрессий и признания недействительными актов, по которым граждане были арестованы и содержались в лагерях по политическим мотивам. Наиболее проблемным моментом стал вопрос об установлении круга лиц, имеющих право на реабилитацию. Так, например, Закон о реабилитации в Хорватии (ст. 2) не давал исчерпывающего перечня лиц, подлежащих реабилитации. Вместо этого он определял политического заключенного как гражданина Хорватии, который был лишен свободы с 15 мая 1945 г. по 30 мая 1990 г. за политические убеждения или сопротивление недемократическому режиму и проживал на территории Республики Хорватия не менее 10 лет до вступления закона в силу. В Законе же Республики Болгария от 5 июня 1991 г. «О политической и гражданской реабилитации репрессированных лиц», наоборот, присутствует наиболее полный перечень лиц, имеющих права на реабилитацию. В него были включены жертвы политических репрессий, в том числе осужденные по уголовным делам (за исключением осужденных Народным судом в 1944-1945 гг.); лица, незаконно задержанные, водворенные в трудовые лагеря, интернированные и высланные; лица, пострадавшие от экономических репрессий, например, осужденные за невыполнение государственных заказов; лица, подвергшиеся преследованиям в сфере образования и культуры, в том числе исключенные студенты и учащиеся; а также лица, подвергшиеся насильственному изменению имени. [Петров 2008:111]. В странах Прибалтики законодательство о реабилитации распространялось также на депортированных граждан. В ряде стран в законодательстве также был предусмотрен список граждан, которые не имеют права на реабилитацию. Так, например, в Польше право на реабилитацию не распространялось на лиц, сотрудничавших с нацистскими оккупантами или коммунистическим режимом, а также на тех, кто участвовал в репрессиях против польских граждан и борцов за независимость. В Венгрии лица, подлежащие реабилитации, теряли право на возмещение ущерба, если в период уголовного преследования они скрывались от властей, совершили побег или пытались это сделать, намеренно вводили следствие в заблуждение или каким-либо иным образом препятствовали расследованию.

Хотя в процессе реабилитации незаконно осужденных граждан первостепенное значение имеет признание приговоров неправомерными, снятие судимости и освобождение от наказания, последующие меры по компенсации ущерба и восстановлению прав также играют важную роль в полном восстановлении справедливости. Эти меры также существенно отличались от страны к стране. Румынское законодательство предусматривало для реабилитированных граждан право на бесплатное медицинское обслуживание и обеспечение медикаментами в государственных учреждениях здравоохранения. Кроме того, им предоставлялось приоритетное право на получение жилья на льготных условиях из государственного жилищного фонда. Наряду с выплатой компенсаций и возмещением ущерба, законы о реабилитации в некоторых странах также предусматривали корректировку трудового стажа и начисление пенсии бывшим политическим заключенным. В

Болгарии и Хорватии в трудовой стаж включалось время, проведенное в тюрьме, под арестом, в трудовых воспитательных общежитиях, лагерях и местах заключения.

6. Мемориальные законы. Ещё одним значим механизмом для проработки прошлого выступает закрепление единообразного подхода к пониманию исторических событий в рамках мемориальных законов. Законы памяти призваны закрепить в правовом поле историческую оценку определенных событий, обеспечить сохранение памяти о них и их жертвах, способствовать формированию национального самосознания и предотвращению повторения трагических страниц истории. Однако в рамках процесса проработки прошлого в посткоммунистических странах такие законы зачастую являются инструментом манипуляции общественным мнением и дискредитации оппонентов со стороны действующих политических сил.

Как реакция на негативную оценку событий коммунистического прошлого, в большинстве стран Восточной Европы были введены запреты на коммунистическую символику, однако большинство из них впоследствии признаны неконституционными и ограничивающими свободу слова. В некоторых странах толкование этого запрета распространяют и на коммунистическую идеологию в любой форме, приравнивая ее (а в ряде случаев и все левые политические убеждения) к фашизму. Например, в Латвии законом запрещена демонстрация советской символики, включая флаги, гимны, военную форму и изображения серпа и молота, на публичных мероприятиях. Схожие ограничения действуют и в Литве, где использование советской и нацистской символики влечет за собой административный штраф. Исключения, как правило, делаются для случаев коллекционирования, торговли антиквариатом и демонстрации в образовательных целях.

Стоит также отметить, что мемориальные законы могут существовать не только в рамках национального законодательства, но и в международном праве. В контексте осмысления истории коммунистического опыта восточно-европейских стран особую роль сыграла скандальная Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1481 — официальный документ Совета Европы, призывающий к осуждению преступлений тоталитарных коммунистических режимов, принятая 25 января 2006 года.

7. Опыт Украины. После анализа основных существующих правовых механизмов проработки прошлого отдельно рассмотрим украинский опыт. Этот опыт вызывает отдельный интерес, так как в отличие от других стран Восточной Европы, приступивших к активной фазе осмысления коммунистического наследия сразу после коммунистических режимов, в Украине этот процесс начался значительно позже и развивался неравномерно, с периодами активизации и свертывания. Специфика опыта связана и с глубокой поляризацией населения в вопросах оценки исторического прошлого, незавершенностью процесса и его крайней неоднозначностью.

Первые попытки переосмысления советской истории появились ещё в период "гласности" в позднем СССР (1985–1991). Тогда после многолетней информационной блокады началось рассекречивание информации о трагических событиях, таких как Голодомор и политические репрессии. Параллельно происходила реабилитация жертв политических репрессий, освобождались политзаключенные, отменялись обвинительные приговоры, создавались общественные организации, целью которых было сохранение памяти о жертвах политических репрессий.

Обретение независимости в 1991 году создало новые институциональные основы для изучения истории, активизировались научные исследования Голодомора и других трагических событий. В 1998 году был установлен День памяти жертв Голодомора. Однако этот период характеризовался также поляризацией взглядов на историческое прошлое и отсутствием единой государственной политики памяти, что свидетельствовало о неготовности общества к комплексному и болезненному переосмыслению собственной истории.

Более активная государственная политика памяти началась в период президентства Виктора Ющенко (2005–2010). Голодомор был признан геноцидом украинского народа, был принят соответствующий закон, создан Институт национальной памяти Украины, развернулась масштабная кампания по мемориализации жертв Голодомора и других трагических событий. Этот же период также ознаменовался попытками героизации Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА), что вызвало резкое неприятие со стороны значительной части украинского населения, особенно ветеранов Великой Отечественной войны и жителей восточных регионов. Попытки представить членов этих организаций как героев, игнорируя их сотрудничество с нацистской Германией и участие в этнических чистках против поляков и представителей других национальностей, скорее стали скорее инструментом разобщения общества и манипуляцией общественным мнением, чем реальным поиском истины.

Во время президентства Виктора Януковича (2010–2014) произошел откат от политики памяти, направленной на осуждение советского прошлого. Предпринимались попытки пересмотра оценок Голодомора и других трагических событий.

После "Революции Достоинства" в 2014 году произошел новый этап активизации процесса проработки прошлого. Принятию украинского Закона "Об очищении власти" предшествовала стихийная волна общественного протеста, получившая название «мусорная люстрация». Разгневанные граждане прибегали к актам самосуда, помещая некоторых представителей власти и депутатов в мусорные контейнеры, выражая таким образом свое недоверие и отвращение к их деятельности.

Уникальность украинского закона о люстрации заключается в его двойном охвате: он распространялся на период советского коммунистического режима и период правления Виктора Януковича. Закон предполагал преследование двух взаимосвязанных целей: во-первых, обеспечение безопасности социума путем отстранения от государственных должностей лиц, занимавших ключевые посты при режимах, несовместимых с демократическими принципами, и, как следствие, представляющих потенциальную угрозу для демократического развития; во-вторых, оздоровление государственного аппарата посредством устранения должностных лиц, уличенных в коррупционных деяниях.

Для реализации целей "очищения власти" Закон предусматривал комплекс проверочных мер в отношении государственных служащих. Ключевым элементом стала автоматическая люстрация с десятилетним запретом на госслужбу для высших должностных лиц эпохи Януковича, не покинувших свои посты в период Евромайдана (включая президента, премьер-министра, министров, глав ряда центральных ведомств и региональных администраций). Помимо этого

предусматривались проверки на причастность к деятельности КГБ и ГРУ СССР, исполнение руководящих функций в КПСС и ВЛКСМ, что влекло за собой запрет на занятие определенных должностей. Особое внимание уделялось судебной системе: декларировалось, что должны проверяться факты вынесения неправосудных решений против участников Евромайдана. [Лёзина 2016:173]. В итоге закон стал очередным инструментом политической игры. Показательным является тот факт, что после прихода к власти президента Владимира Зеленского была попытка инициировать распространение люстрационного закона и на этап правления президента Порошенко, и, хотя этого не случилось, это явное доказательство того, что подобные меры являются способом борьбы с политическими оппонентами, попыткой исключить их из политического процесса. Надо отметить, что закон буквально противоречит сам себе. В статье «Основные принципы очищения власти» провозглашены принципы верховенства права и законности; открытости, прозрачности и публичности; презумпции невиновности; индивидуальной ответственности; гарантирования права на защиту. В пункте же 4 статьи 3 Закона, определяющем критерии люстрации, указано, что руководящие должности в органах власти не могут занимать лица, являвшиеся членами КПСС, сотрудниками КГБ СССР, либо работавшие в качестве секретных агентов этой организации, то есть по сути закон основывается на презумпции виновности. Среди прочего закон неоднократно осуждался и Европейским судом по правам человека, так в решении по делу «Полях и другие против Украины» суд указал на то, что закон трактуется слишком широко и применяется к лицам без учёта их реальной причастности к недемократической деятельности и их личной роли в политической системе того времени. Параллельно с принятием люстрационных мер на законодательном уровне также было принято решение об открытии архивов КГБ. При этом закон предполагал доступ к информации как для граждан, так и для иностранных лиц и вне зависимости от того, является ли автор запроса родственником лица, упомянутого в архивном документе. Также для граждан предусмотрена возможность закрыть информацию о себе, однако не более, чем на 25 лет. При этом такой возможности лишены лица, которые являются предполагаемыми исполнителями репрессий (эти лица вообще не имеют возможности скрыть о себе никакую информацию).

В 2015 году был принят так называемый «пакет декоммунизационных законов», включающий Закон «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939—1945», Закон «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917—1991 годов», Закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики», Закон «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке». Главной целью этих правовых актов стало признание советского государства и права тоталитарным, приравнивание его к националистическому и осуждение обоих режимов, запрет любой символики, связанной с этими режимами, включая флаги, гербы, гимн и наименование географических объектов. Была введена уголовная ответственность за отрицание «преступления коммунистического тоталитарного режима». Судебная практика же оказалась избыточно широкой и поэтому размывающей и без того зыбкие правовые границы этих законов. Так, например, общественной организации «Левый марш» было отказано в регистрации на том основании, что ее название повторяет заголовок известного стихотворения коммуниста-большевика Владимира Маяковского. В мае 2017 года во Львове студент университета был осужден на два с половиной года лишения свободы за публикацию в интернете философско-политических цитат из сочинений В.И.Ленина. Стоит также отметить, что под снос памятников в рамках декоммунизации попали не только памятники деятелям советского режима, но и монументы общепризнанных ученых и общественных деятелей, таких как Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Клара Цеткин и Роза Люксембург.

Таким образом, несмотря на безусловную необходимость признания преступлений прошлого и восстановления справедливости в отношении жертв, восточноевропейский опыт демонстрирует, что правовые механизмы проработки прошлого легко могут быть использованы как средство достижения политических интересов. С их помощью крайне сложно достичь баланса между интересами всех сторон, исторической правдой и политической свободой. Они рискуют стать не инструментом примирения, а очередным средством массовых нарушений прав человека, углубляя общественные раны. Поэтому считаем, что «проработка прошлого» лежит не столько в юридической плоскости, сколько в области длительного и непредвзятого культурного и общественного диалога.

Литература

Ассман А. Культурная память и западная цивилизация: функции, средства, архивы. Кембридж, 2014.

Багомедов Г. М., Алиева М.Н. К вопросу о международно-правовой ответственности государств /Закон и право. - 2022. - №2. С.208-210.

Биузе А. Потеряны или вновь приобретены? Реституция как возмещение за нарушения прав человека в контексте международного права / Права человека: законодательство и судебная практика. - 2009. -№1. - С.81-84.

Бобринский Н.А. Международные стандарты в области люстрации: реальность или благопожелание? / Сравнительное конституционное обозрение. -2015. -№6(109). - С. 13-30.

Дармина Е.А. Проблема «преодоления прошлого» в немецком научном дискурсе / Концепт: философия, религия, культура. - 2023. -№7. - С. 36-49.

Закон № 451/1991 Закон, устанавливающий некоторые дополнительные требования к выполнению отдельных функций в государственных органах и организациях Чешской и Словацкой Федеративной Республики, Чешской Республики и Словацкой Республики. URL:<https://www.zakonyprolidi.cz/cs/1991-451>.

Закон о документах Службы государственной безопасности бывшей URL:ГДР (Закон о документах Штази, StUG) от 20 декабря 1991 г. http://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBI&jumpTo=bgbl19152272.pdf.

Закон Украины «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939—1945 годов» № 315-VIII
Закон Украины «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917—1991 годов» № 316-VIII
Закон Украины «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики» № 317-VIII)
Закон Украины «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке» (закон № 314-VIII)
Зять и племянник Чаушеску потребовали отменить вынесенный ему смертный приговор.2024. URL:
<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21513267>
Конвенция N 111 Международной организации труда "Относительно дискриминации в области труда и занятий" (принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-ой сессии Генеральной конференции МОТ)
Кукулина Н. Непокойная старость: Начался суд над экс-лидером коммунистической Польши.2008. URL:
https://www.gazeta.ru/politics/2008/09/12_a_2836974.shtml
Лёзина Е. В. Юридическо-правовая проработка прошлого ГДР в объединенной Германии / Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. -2013. -№2(115). - С. 67-101.
Оболонский А.В. Люстрация как институт периода транзита: плюсы и минусы / Вопросы теоретической экономики. -2020. -№ 4. – С.87-101
Петров А.Г. Ответственность стран Центральной и Юго-Восточной Европы за вред, причиненный гражданам в результате политических репрессий / Вестник Российского университета кооперации. -2008. -№1. С. 106-117.
Полях и другие против Украины (Polyakh and Others v. Ukraine) N 58812/15 Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 октября 2019 года <https://apkrfkod.ru/pract/informatsiia-o-postanovlenii-espch-ot-17102019-po-delu-poliakh-i-drugie-polyakh-and-others-protiv-ukrainy-zhaloba-n/>
Рифф Д. Во славу забвения: историческая память и её ирония. Нью-Хейвен, 2017.
Сергеев А. В расстреле президента Румынии Чаушеску и его жены не все чисто. 2010.
URL: <https://pravo.ru/process/view/34899/>.

References

Act No. 451/1991 The Act Establishing Certain Additional Requirements for the Performance of Certain Functions in State Bodies and Organizations of the Czech and Slovak Federal Republic, the Czech Republic and the Slovak Republic. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/1991-451>. (In Czech)
Assman A. (2014) Cultural Memory and Western Civilization: Functions, Means, Archives. Cambridge (In English)
Bagomedov G. M., Alieva M. N. (2022) On the Issue of International Legal Responsibility of States. Law and Right, 4, 208-210 (In Russian)
Biuse A. (2009) Lost or Reacquired? Restitution as Compensation for Human Rights Violations in the Context of International Law. Human Rights: Legislation and Judicial Practice, 1, 81-84. (In Russian)
Bobrinsky N. A. (2015) International Standards in the Field of Lustration: Reality or Good Wishes? Comparative Constitutional Review, 6 (109), 13-30 (In Russian)
Ceaușescu's son-in-law and nephew demand that his death sentence be overturned. 2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21513267> (In Russian)
Convention No. 111 of the International Labor Organization "Concerning Discrimination (Employment and Occupation)" (adopted in Geneva on 25.06.1958 at the 42nd session of the ILO General Conference) (In Russian)
Darmina E. A. (2023) The Problem of "Overcoming the Past" in German Scientific Discourse. Concept: Philosophy, Religion, 7, 36-49. (In Russian)
Kuklina N. Restless Old Age: The Trial of the Former Leader of Communist Poland Has Begun. 2008. URL:
https://www.gazeta.ru/politics/2008/09/12_a_2836974.shtml (In Russian)
Law of Ukraine "On Access to the Archives of the Repressive Bodies of the Communist Totalitarian Regime of 1917-1991" No. 316-VIII (In Ukrainian)
Law of Ukraine "On the Condemnation of the Communist and National Socialist (Nazi) Totalitarian Regimes in Ukraine and the Prohibition of the Propaganda of Their Symbols" No. 317-VIII) (In Ukrainian)
Law of Ukraine "On the Legal Status and Memory of Fighters for the Independence of Ukraine in the 20th Century" (Law No. 314-VIII) (In Ukrainian)
Law of Ukraine "On the Perpetuation of the Victory over Nazism in World War II 1939-1945" No. 315-VIII (In Ukrainian)
Lezina E. V. Legal and Legal Analysis of the Past of the GDR in the United Germany / Herald of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions. - 2013. - №2 (115). - P. 67-101. (In Russian)
Obolonsky A. V. (2020) Lustration as an Institution of the Transition Period: Pros and Cons. Issues of Theoretical Economics, 4, 87-101 (In Russian)
Petrov A.G. (2008) Responsibility of the Countries of Central and South-Eastern Europe for Harm Caused to Citizens as a Result of Political Repression. Bulletin of the Russian University of Cooperation, 1, 106-117. (In Russian)
Polyakh and Others v. Ukraine (No. 58812/15), Judgment of the European Court of Human Rights of 17 October 2019, available at: <https://apkrfkod.ru/pract/informatsiia-o-postanovlenii-espch-ot-17102019-po-delu-poliakh-i-drugie-polyakh-and-others-protiv-ukrainy-zhaloba-n/> (In Russian)

Riff, D. (2017) In Praise of Oblivion: Historical Memory and Its Irony. New Haven (In Russian)

Sergeev, A. Not All Is Clean in the Execution of Romanian President Ceausescu and His Wife. 2010, available at:

<https://pravo.ru/process/view/34899/> (In Russian)

The Act on the Documents of the State Security Service of the former GDR (Stasi Document Act, StUG) of December 20, 1991. URL: http://www.bgb1.de/xaver/bgb1/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGB1&jumpTo=bgb119152272.pdf. (In German).

Citation:

Беседина Е. С. Юридические механизмы проработки прошлого: опыт стран Восточной Европы // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 68-75.

Besedina E. S. (2025) Legal Mechanisms for Processing the Past: The Experience of Eastern European Countries. Legal Linguistics, 37, 68-75.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Теория речевых актов: инструмент моделирования семантических компонентов с негативным значением в мультимодальных юмористических текстах

Т. С. Кашарина

Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

ул.Садовая-Кудринская, 9, 123001, Москва, Россия. E-mail: taisiya.kravchenko2014@yandex.ru

Целью настоящей статьи является разработка модели значения юмористических мультимодальных текстов, содержащих негативные компоненты семантики, которые конституируют лингвистические признаки вражды. Разработка подобной модели мотивирована необходимостью исследовать корреляцию между комическим и негативным компонентами значения мультимодального текста, в частности, необходимостью продемонстрировать отсутствие нейтрализации негативного компонента смысла средствами создания комического эффекта. В качестве основного инструмента моделирования семантических элементов выступает теория речевых актов. Выбор теории речевых актов (далее – ТРА) в качестве основного инструмента моделирования объясняется ее исследовательским потенциалом: положения теории речевых актов об иллокуции и о косвенном речевом акте позволяют представить структуру значения мультимодального юмористического текста с точки зрения реализуемых в нем иллокутивных целей. Приводятся результаты анализа массива мультимодальных текстов юмористического характера на русском и английском языке (интернет-мемы и видеоролики) с целью выявления искомых негативных семантических компонентов и описания реализованных в текстах иллокутивных целей. Отбор текстов на русском и английском языке позволяет обеспечить репрезентативность материала, а также продемонстрировать универсальный характер предлагаемой модели значения. В статье представлена модель значения и её описание, а также примеры применения для анализа мультимодальных юмористических текстов. Предлагаемая модель может использоваться как инструмент выявления лингвистических признаков возбуждения вражды в структуре значения мультимодального юмористического текста.

Ключевые слова: мультимодальность, юмористический текст, теория речевых актов, лингвистические признаки вражды.

Speech Act Theory as an Instrument for Modelling Negative Semantic Components in a Multi-Modal Humorous Text

T. S. Kasharina

Kutafin Moscow State Law University

9 Sadovaya-Kudrinskaya St., 123001, Moscow, Russia. E-mail: taisiya.kravchenko2014@yandex.ru

The article deals with devising a model of meaning for multi-modal humorous texts that contain negative semantic components to construct linguistic indicators of hostility. Development of such model is motivated by a necessity to explore correlation between comic and negative aspects of semantics of a multi-modal text, in particular, the necessity to show the failure of means of creating a comic effect to neutralize negative information. We use the speech acts theory as a main tool of semantic modeling. The choice of the speech act theory (the SAT) is rooted in its research capabilities: a concept of illocution and indirect speech acts allow us to describe the semantic structure of a multi-modal humorous text in terms of illocutionary goals that are accomplished within the text. A significant amount of multi-modal humorous texts (internet-memes and videos) in the Russian and English languages was selected and analyzed to reveal the negative elements of semantics and describe illocutionary aims realized in the texts. Selected multi-modal texts in Russian and English contribute to representativeness of the material, as well as to the universal nature of the proposed model. The article provides the model with description and examples of its application for the purposes of multi-modal text analysis. The model in question can be used as a tool for revealing linguistic indicators of hostility in the structure of a multi-modal text meaning.

Key words: multi-modality, humorous texts, the speech act theory, linguistic indicators of hostility

1. Введение

Феномен мультимодального текста на данный момент изучен и описан в работах российских и зарубежных лингвистов достаточно подробно. Введенное Г. Крессом и Т. ван Лейвенон понятие «мультимодальность» означает «взаимодействие между разными репрезентативными элементами, в том числе, между изображениями и письменными/устными средствами коммуникации» [цит. по: Кибрик 2010: 136]. Этот термин подчеркивает разграничение и интеграцию информации, полученной посредством разных органов чувств, а значит, под термином «мультимодальный текст» будет пониматься такой текст, в котором репрезентация коммуникативной ситуации осуществляется с одновременным задействованием нескольких модальностей, а именно аудиальной, визуальной и кинестетической [Кибрик 2010: 6].

Исследования мультимодального текста представляют практический интерес, в частности, для судебной лингвистической экспертизы. Ввиду специфики своей структуры, мультимодальные тексты обладают мощным потенциалом воздействия на адресата [Блинова 2023: 3] и выступают объектами лингвистического экспертного анализа по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [Никишин, Галашина 2020: 5].

Согласно методике проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы, в спорных текстах по указанной категории дел выявляются лингвистические признаки диагностического комплекса «вражда». Эти признаки представляют собой компоненты семантики текста, которые имеют следующую структуру: предмет речи – группа лиц, объединенных общим признаком, или ее представители, отношение к предмету речи – негативное описание группы или ее свойства, а также цель – сообщить мнение, унизить, одобрить действия против предмета речи и пр. [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2014: 85].

Особый интерес и сложность для лингвистического экспертного анализа представляют мультимодальные юмористические тексты (интернет-мемы, видеоролики). Сама природа комического текста может значительно затруднять вербализацию компонентов смысла с негативным содержанием. Во-первых, это связано с тем, что обозначение мультимодального текста как юмористического (часто посредством размещения соответствующих метаданных) служит маркером того, что информация, представленная в тексте, не должна восприниматься всерьез, носит развлекательный или игровой характер. О «ненадежности» юмористического сообщения как такового писал и Дж. Остин, говоря о шутке как о «несерьезном использовании языка» [Остин 1986: 61]. В. Раскин рассматривал то условие, при котором говорящий «не придерживается того, что содержание высказывания является правильным или правдивым (*перевод мой. – Т. К.*)», в качестве одного из условий успешности юмористического речевого акта [Раскин 1985: 11].

Во-вторых, по мнению некоторых исследователей, средства создания комического эффекта в ряде случаев могут использоваться для смягчения содержащейся в тексте негативной информации. Например, одной из отличительных характеристик выступлений стендап-комиков является использование речевой агрессии – особой формы речевого поведения, направленной на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом. Речевая агрессия используется комиком для искусственного создания ощущения враждебности с последующим его разрушением, что нейтрализует отрицательную коннотацию языковых единиц [Гальцов 2024].

Основная цель данной статьи – составить такую модель значения мультимодального юмористического текста, которая позволит продемонстрировать, что негативная информация о предмете речи, содержащаяся в тексте и выраженная с определенной целью, не может быть нейтрализована средствами создания комического эффекта.

Для достижения данной цели был осуществлен ряд практических задач: отбор репрезентативного материала (интернет-мемы на русском языке, источник – сайты Пикабу, ЯПлакаль, Joyreactor, Вконтакте, 200 единиц; интернет-мемы на английском языке, источник – сайты Memebase, 9GaG, 200 единиц; 20 фрагментов юмористических видеороликов на русском языке длительностью до 10 минут, источник – сайты YouTube, TikTok, Вконтакте, Пикабу; 20 фрагментов юмористических видеороликов на английском языке длительностью до 10 минут, источник – сайты YouTube, TikTok). Привлечение как русскоязычного, так и англоязычного материала позволяет продемонстрировать универсальность разработанной модели. Был проведен анализ отобранных текстов с целью установления содержания лингвистических признаков вражды с использованием семантико-синтаксического, пропозиционного и словарно-дефиниционного анализа. Была составлена модель значения рассматриваемых текстов с применением основных положений теории речевых актов.

Обзор отечественной и зарубежной литературы позволяет констатировать актуальность исследований мультимодальных текстов. Семантику невербального компонента негомогенных по структуре текстов исследовал А. А. Лавицкий [Лавицкий 2019]. Потенциалу воздействия мультимодальных текстов посвящены работы О. А. Блиновой [Блинова 2023], Е. О. Опариной [Опарина 2023]. Семиотико-лингвистические особенности юмористических мультимодальных текстов описаны в работах J. Al-Issawi, W. AlAhmad, N. Awajan [Al-Issawi, AlAhmad, & Awajan 2024] и C. Vásquez, E. Arslan [Vásquez, Arslan 2021].

2. Основные положения теории речевых актов

Теория речевых актов (далее ТРА) – это теория, разработанная в середине XX века британским логиком Дж. Остином, и далее дополненная и расширенная в работах его последователей, Дж. Сёрля и П. Ф. Стросона.

Главный постулат ТРА заключается в том, что человек, говоря нечто, совершает тем самым некое действие, помимо самого действия говорения. При этом, акт говорения, или локутивный акт, реализуется в единстве фонетического (произнесение звуков или их последовательностей), фатического (произнесение определенных слов в соответствии с грамматическими законами языка) и ретического (использование полученного в результате фатического акта высказывания с конкретной референцией и смыслом) актов. Осуществление в процессе локутивного акта другого действия, которое противоположно процессу говорения, составляет иллокутивный акт. В результате совершения локутивного и иллокутивного актов производится некоего рода воздействие на мысли и чувства адресата – перлокутивный акт [Остин 1986: 22–131].

П. Ф. Стросон выделяет важное свойство иллокутивного акта – наличие намерения. Это намерение заключается в следующем: говорящий, произнося некое высказывание, намерен вызвать у слушающего определенную реакцию, и

подразумевает, что слушающий сможет распознать это намерение вызывать реакцию, и что распознавание данного намерения послужит основанием для этой реакции [Стросон 1986: 131–150].

Наконец, Дж. Сёрль разграничил простейшие употребления языка (говорящий имеет в виду только то, что говорит) от более сложных, когда говорящий подразумевает и то, что он говорит, и нечто большее. В этом случае один иллокутивный акт, в котором реализуется буквальное значение высказывания, служит средством реализации второго иллокутивного акта, в котором выражается какой-то дополнительный смысл. Речевые акты, в которых возможно осуществить один иллокутивный акт посредством другого, Сёрль называл «косвенными» [Сёрль 1986: 151–170].

Мы считаем, что ТРА может применяться для моделирования значения мультимодальных текстов по нескольким причинам.

Во-первых, вследствие развития интернета и современных коммуникационных систем мультимодальные тексты стали единицами сетевой коммуникации наряду с вербальными текстовыми сообщениями. Пользователи социальных сетей или мессенджеров могут осуществлять акт общения в сети, обмениваясь видеороликами или интернет-мемами. Это значит, что к мультимодальным текстам, как и к любым другим единицам коммуникации, могут быть применимы постулаты ТРА.

Во-вторых, у данного вида текста, как и у любого высказывания, есть автор. Для достижения своей коммуникативной цели он порождает текст, используя вербальные и невербальные средства представления информации. Эти средства используются не просто для того, чтобы сообщить сведения через представление получателю вербального и невербального элементов, но в результате такого сообщения информации совершить какое-то действие (проинформировать, призвать к чему-то, убедить и пр.). Это означает, что мультимодальный текст обладает иллокутивной силой. У мультимодального текста есть получатель, на которого производится определенный эффект, то есть посредством представления этого текста адресату осуществляется и перлокутивный акт.

В-третьих, говоря о юмористических мультимодальных текстах, нельзя не отметить, что порождение любого юмористического произведения есть осуществление косвенного речевого акта: при сообщении буквального смысла высказывания реализуется его дополнительный или переносный смысл, столкновение которых, как правило, и направлено на то, чтобы вызвать у получателя смех. Это означает, что в мультимодальном юмористическом тексте возможно реализовать одну иллокутивную силу посредством реализации другой.

3. Модель значения мультимодального юмористического текста, содержащего лингвистические признаки вражды

На первом этапе исследования были проанализированы две группы отобранных мультимодальных юмористических текстов: интернет-мемы и видеоролики. Целью анализа было выявить в отобранных текстах лингвистических признаков возбуждения вражды: сообщение негативной информации о группе лиц с целью унижения, демонстрации негативного мнения и отношения, а также описать иллокутивные цели, реализованные в текстах.

Вторым этапом стало составление модели значения мультимодального юмористического текста, содержащего лингвистические признаки вражды (рис. 1).

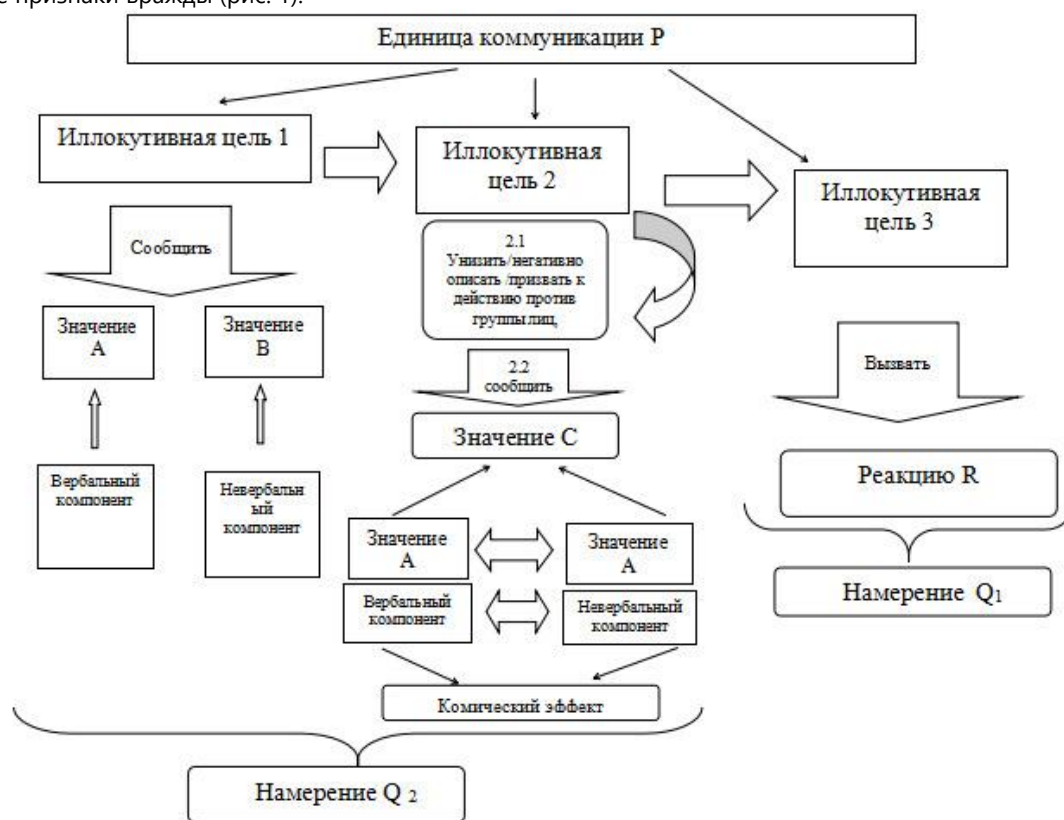

Рис. 1. Модель значения мультимодального юмористического текста

При представлении адресату мультимодального юмористического текста Р (единицы коммуникации) реализуется несколько иллокутивных целей. Первая иллокутивная цель заключается в сообщении значения А, содержащегося в вербальном компоненте текста, и значения В, содержащегося в невербальном компоненте. При этом вербальный и/или невербальный компонент могут содержать в себе средства создания комического эффекта. Путем реализации первой

иллокутивной цели осуществляется иллокутивная цель 2.1 – сообщая значения А и В, сообщить значение С. Через сообщение значения С реализуется иллокутивная цель 2.2 – негативно описать, унизить представителей группы лиц или призвать к действиям против нее. Значение С появляется как результат взаимодействия вербального и невербального компонентов текста и их смыслов. При этом взаимодействии компонентов текста, кроме того, возникает и комический эффект, создаваемый вербальными и/или невербальными средствами.

Наличие комического эффекта обуславливает реализацию иллокутивной цели: сообщая информацию С, полученную через сообщение А и В, вызвать смех. При этом реализуются намерения Q1 – добиться того, чтобы адресат распознал цель, вызвать реакцию R – смех (по Стросону, это распознавание должно послужить основанием для желаемой реакции [Стросон 1986: 138]), и намерение Q2 – добиться распознавания того, что автор желает негативно охарактеризовать / унижить предмет речи.

Перлокутивная сила, т. е. эффект, который оказывается на реципиента, в данной модели не учитывается, так как перлокутивное воздействие, по Остину, далеко не всегда является результатом реализации иллокутивной силы, и в данном случае не релевантно для описания структуры значения мультимодального текста [Остин 1986: 93].

Проиллюстрируем применение данной модели на примере анализа мультимодальных текстов и рассмотрим QR-code 1 и QR-code 2.

QR-code 1. Пример мультимодального юмористического текста на английском языке (интернет-мем)

В данном тексте сообщается невербальная информация (персонаж интернет-мема, человек, имеющий светлый цвет кожи, белый человек) и вербальная (персонаж не расист, так как расизм является преступлением, а преступления – это «something for black people» – «что-то для чернокожих людей»). Таким образом, в тексте реализуются следующие иллокутивные цели:

- 1) сообщить вербальную и невербальную информацию, указать на предмет речи (афроамериканцы) и противопоставить предмет речи автору высказывания по признаку цвета кожи;
- 2) дать оценку предмету речи: ему характерно совершать преступления;
- 3) вызвать смех, применив прием противопоставления.

Аналогично можно проиллюстрировать применение модели для анализа видеоролика.

На примере в QR-code 2 показан фрагмент юмористического видеоролика (источник – сайт YouTube). По сюжету встречаются двое мужчин с целью выяснить отношения при помощи драки. Первый из персонажей удивляется, что второй пришел один: «Вы же, кавказцы, просто толпой обычно ходите». Второй персонаж отвечает, что это не более чем стереотип, после чего первый персонаж решает, что драка не нужна, и уходит. Представленный на рис. 3 фрагмент изображает последовавший за этим кадр, который показывает, что второй персонаж на самом деле пришел на возможную драку не один.

QR-code 2. Фрагмент мультимодального текста на русском языке (видеоролик)

В данном тексте реализуются следующие иллокутивные цели:

1) при помощи вербальных и невербальных средств сообщить информацию о представленной в видео ситуации, установить референцию к предмету речи (представители Кавказа);

2) сообщить негативную информацию о предмете речи: «ходят толпой», приходят драться толпой;

3) вызвать смех, используя прием обманутого ожидания, когда слова второго персонажа опровергаются при помощи визуально представленной информации.

Разработанная модель значения юмористического мультимодального текста демонстрирует, что комический эффект не нейтрализует содержащегося в тексте значения вражды. Осуществление цели «вызвать смех» оказывается возможно только посредством реализации цели «негативно охарактеризовать предмет речи». Нейтрализация негативного компонента семантики привела бы к нивелированию самого комического эффекта, и цель «вызвать смех» в таком случае не была бы достигнута.

4. Заключение

В ходе анализа отобранного материала были установлены и описаны лингвистические признаки вражды в мультимодальных юмористических текстах на русском и английском языках. Полученные результаты позволили разработать модель значения мультимодального юмористического текста. Для разработки модели использовались основные положения теории речевых актов. Эта модель наглядно демонстрирует реализацию нескольких иллокутивных целей при представлении мультимодального юмористического текста его адресату: сообщить информацию, представленную в вербальном и невербальном компонентах текста, тем самым осуществить вторую цель – сообщить негативную информацию о предмете речи, чтобы унижить или негативно охарактеризовать его, и через реализацию этих двух целей осуществить третью – вызвать смех. Данная модель показывает, что наличие средств создания комического эффекта не может нейтрализовать содержащихся в тексте лингвистических признаков вражды: выражение этого признака является целенаправленным и служит основой для комического эффекта, так как иллокутивная цель «вызвать смех» реализуется посредством осуществления цели «унизить / негативно охарактеризовать / призвать к действию против группы лиц».

Сравнительный анализ целевых групп насмешки и особенностей репрезентации признака вражды в их отношении в текстах на русском и английском языке может быть проведен в рамках одного из дальнейших направлений исследования.

Литература

Блинова О. А., Манипулятивный потенциал мультимодального медиатекста (на материале американской политической карикатуры) / *Russian Linguistic Bulletin*. - 2023. - № 1(37).

Гальцов П. И. Противопоставления как средство реализации комического в дискурсе стендап-комедии. дис. ... канд. филол. наук. М., 2024.

Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика / *Когнитивные исследования*: сб. науч. тр. М., 2010. С. 134-152.

Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. 2-е перераб., испр. и доп. изд. М., 2014.

Лавицкий А. А. Судебная лингвистическая экспертиза поликодового текста: к проблеме исследования невербальных компонентов / *Известия Смоленского государственного университета*. - 2019. - № 2(46). - С. 137-151.

Никишин В. Д., Галяшина Е. И., Юрико-лингвистический подход к исследованию поликодовых текстов криминальной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности / *Актуальные проблемы российского права*. - 2020. - №6 (115).

Опарина Е. О. Поликодовые и полимодальные тексты как локус формирования систем представлений о миграции и мигрантах / *Вестник Московского государственного областного университета Серия: Лингвистика*. - 2023. - №3.

Остин Дж. Л. Слово как действие / *Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов*. М., 1986. С. 22-130.

Сёрль Дж. Р. Косвенные речевые акты / *Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов*. М., 1986. С. 195-222.

Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / *Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов*. М., 1986. С. 131-150.

Al-Issawi, J., AlAhmad, W., & Awajan, N. Linguistic and Semiotic Analysis of Memes with English and Arabic Humor Captions / *Journal of Intercultural Communication*. - 2024. - № 4. - Pp. 115-133.

Raskin V. Semantic mechanisms of humor. Dordrecht, 1985.

Vásquez, C., Aslan, E. "Cats be outside, how about meow": Multimodal humor and creativity in an internet meme / *Journal of Pragmatics*. - 2021. - Vol. 171. - Pp. 101-117.

References

Al-Issawi, J., AlAhmad, W., & Awajan, N. (2024). Linguistic and Semiotic Analysis of Memes with English and Arabic Humor Captions. *Journal of Intercultural Communication*, 4, 115-133.

Austin, J., (1986). Word as action. New in foreign linguistics. Theory of speech acts. Moscow, 22-130 (in Russian).

Blinova, O. A., (2023). The manipulative potential of a multimodal media text (on the material of American political caricatures). *Russian Linguistic Bulletin*, 1(37) (in Russian).

Galtsov, P. I. (2024). Contrapositions as means of comic realisation in a stand-up comedy discourse: Phd in Philology. Moscow (in Russian)

Kibrik, A. A. (2010). Multimodal linguistics. Cognitive research. Moscow, 134-152 (in Russian)

Kukushkina, O.V., Safonova, Yu.A., Sekerazh, T.N. (2014). Method of Conducting Complex Forensic Psychological and Linguistic Examination of the Affairs Connected with Counteraction to Extremism and Terrorism. Moscow (in Russian).

-
- Lavitskiy, A. A., (2019). Forensic linguistic examination of a polycode text: a problem of studying non-verbal components. *Izvestia of Smolensk State University*, 2(46), 137-151 (in Russian).
- Nikishin, V. D., Galjashina, E. I., (2020). Legal Linguistic Approach to the Study of Criminogenic Communication Polycode Texts in the Digital Environment in order to Ensure Information (Worldview) Security. *Actual Problems of Russian Law*, 6 (115) (in Russian).
- Oparina, E. O., (2023). Multicodal and multimodal texts as a locus generating cultural concepts on migration and migrants. *Bulletin of the Moscow Region State University*, 3 (in Russian).
- Raskin, V., (1985). *Semantic mechanisms of humor*. Dordrecht.
- Searle, J. R. (1986). Indirect speech acts. New in foreign linguistics: theory of speech acts. Moscow, 195-222 (in Russian).
- Strawson, P. F. (1986). Intention and convention in the speech acts. New in foreign linguistics: theory of speech acts. Moscow, 131-150 (in Russian).
- Vásquez, C., Aslan, E., (2021). "Cats be outside, how about meow": Multimodal humor and creativity in an internet meme. *Journal of Pragmatics*, 171, 101-117.
-

Citation:

Кашарина Т. С. Теория речевых актов: инструмент моделирования семантических компонентов с негативным значением в мультимодальных юмористических текстах // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 76-81.

Kasharina T. S. (2025) Speech Act Theory as an Instrument for Modelling Negative Semantic Components in a Multi-Modal Humorous Text. *Legal Linguistics*, 37, 76-81.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Об особенностях толкования понятия оскорбительности в делах о неуважении к суду

Т. И. Краснянская

*Пермский государственный научно-исследовательский политехнический университет
пр. Комсомольский, 29, 614990, Пермь, Россия. E-mail: kti34@rambler.ru*

Статья посвящена сравнительному исследованию понятия оскорбительности в делах об административных правонарушениях и уголовных делах о неуважении к суду. Выявляются как общие признаки, так и особенные. Понятие оскорбительности рассматривается с лингвистической и юридической точки зрения. Материалом для исследования послужили два судебных дела, которые демонстрируют разный подход к квалификации понятия оскорбительности. Слова и выражения рассматриваются с точки зрения предметно-логического содержания слова и коннотативного значения. Исследуемые лексические единицы анализируются также с прагматической точки зрения. В центре внимания оказывается метафора как стилистическое средство и ее разновидность – зоометафора. Оскорбительность определяется как детерминируемая не только лексико-семантическим содержанием слова, но и контекстом, под которым понимается ситуация общения и место нахождения коммуникантов. Делается вывод о том, что в делах о неуважении к суду применяется принцип повышенной нетерпимости к словам и выражениям, негативно характеризующим авторитет судебной власти, подрывающим судебный порядок и дискредитирующим участников судебного разбирательства. Выявляются семантические признаки, определяющие понятие оскорбление судьи. Определяются факторы, препятствующие правильной квалификации оскорбительности в суде, одним из которых является формально-логический подход к рассмотрению слова. Делается заключение о том, что важный компонент слова – стилевая дифференциация – остается за рамками судебно-лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: оскорбление, оценка, неуважение к суду, авторитет судебной власти, жаргон.

On the Peculiarities of Interpretation of the Concept of Offensiveness in Contempt of Court Cases

T. I. Krasnianskaia

*Perm National Research Polytechnic University
29 Komsomolsky prospekt, 614990, Perm, Russia. E-mail: kti34@rambler.ru*

The article covers a comparative study of the concept of offensiveness in cases of administrative offenses and criminal cases of contempt of court. Both general and distinctive features are revealed. The concept of offensiveness is considered from linguistic and legal points of view. Particular attention is paid to two court cases that demonstrate a different approach to the qualification of the concept of offensiveness. Words and expressions are considered from the point of view of the denotative and connotative meanings. The lexical units under examination are also considered from the pragmatic point of view. The focus is made on metaphor as a stylistic means and zoomorphic metaphor as a variation. Offensiveness is stated as being determined not only by the lexical and semantic content of a word, but also by the context, which refers to the situation and the place of communication. It is concluded that in cases of contempt of court, the principle of increased intolerance is applied to words and expressions that negatively characterize the judicial authority, undermine judicial order and discredit parties to a trial. The semantic principles defining the concept of insulting a judge are revealed. The factors preventing the correct qualification of offensiveness in court are determined, one of which is a formal and logical approach to the consideration of the word. All of this leads to the conclusion that an important component of the word, stylistic differentiation, remains outside the scope of forensic linguistic examination.

Key words: insult, evaluation, contempt of court, weight of judicial authority, jargon.

Дела, в которых главным поводом для спора являются оскорбительные высказывания, продолжают привлекать внимание ввиду неоднозначности принимаемых судом решений. Оскорбление является центральным понятием как для уголовного, так и для административного кодекса. Так, например, ответственность предусмотрена не только за оскорбление граждан в рамках административного производства, но и за оскорбление судьи и участников судебного разбирательства в рамках

уголовных дел. Законодатель предусмотрел «сквозное» понимание оскорбительности как деяния, отличительным квалифицирующим признаком которого является неприличная форма высказывания. Правоприменительная практика при этом свидетельствует о разных подходах к трактованию понятия. Особую сложность представляет рассмотрение дел, в которых высказывания являются оскорбительными не по форме, а по содержанию. С наглядностью это можно увидеть на примере двух судебных дел.

Жительница г. Лысьва Пермского края обратилась в Лысьвенский городской суд с иском о компенсации морального вреда. По словам истицы, ответчица оскорбила ее в помещении магазина по продаже строительных материалов. В ходе ссоры одна из девушек охарактеризовала технические познания другой словом «овца», чем, по ее мнению, унизила ее честь и достоинство. Была проведена лингвистическая экспертиза. Суд пришел к выводу о том, что слово «овца» носит оценочный характер и является субъективным суждением о личности истца. В нем отсутствуют утверждения о фактах, соответствие которых можно проверить. В своем решении суд сослался на толковый словарь русского языка, где овца определяется как «жвачное млекопитающее животное из семейства полорогих с вьющейся шерстью, самка барана». Данное слово не содержит неприличной формы и не относится к нецензурным выражениям. В итоге в удовлетворении иска было отказано [Суд в Перми признал, что слово «овца» не является оскорблением URL].

Во втором случае 51-летний житель г. Перми, пранкер Сергей Д., был обвинен по статье 297 УК РФ за неуважение к суду, выразившемуся в оскорблении судьи. В деле оспаривалось слово «олень», которое, в отличие от первого случая, было признано в суде первой инстанции оскорбительным. Наряду со словом «олень» были признаны оскорбительными по смыслу и содержанию приличные по форме слова и выражения «фетишист», «царский потрох», «царь гороховый», «трусливый П.», «пусть уже собирает манатки, бросает привычку ковыряться в носу». Следственный комитет выдвинул обвинение против пранкера в использовании «циничной лексики, содержащей лингвистические признаки унижительной оценки личности, наносящей ущерб чести и достоинству судьи П.». По делу была проведена лингвистическая экспертиза, которая пришла к мнению, что анализируемые выражения являются оскорбительными по смыслу и содержанию, но не циничными по форме. Пермский краевой суд не согласился с доводами нижестоящей судебной инстанции, признав первоначальные выводы суда чрезмерными и как следствие незаконными [Пермь: слово «олень» суд признал оскорбительным URL].

Два дела демонстрируют два различных подхода к понятию оскорбительности слова и свидетельствуют о неоднозначности его понимания.

Целью данной статьи является выявление причины, вызывающей расхождение толкования оскорбительности в ходе правоприменения в административных делах об оскорблении и уголовных делах о неуважении к суду. В связи с поставленной целью представляется уместным проанализировать выражения с точки зрения лингвистического анализа языковых/речевых средств и лингвистических аспектов коммуникативной ситуации, выявить сходства и возможные различия юридического и лингвистического подхода к определению оскорбительности.

Юридическое толкование понятия «оскорбительность» опирается на норму ст. 5.61 КоАП РФ и квалифицируется как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме». Законодательное определение оскорбительности позволяет трактовать это понятие, с одной стороны, узко (как употребление обценной лексики или мата), с другой стороны, широко – как употребление любых других неприличных слов, включая просторечные слова.

Существуют различные подходы к лингвистическому анализу текста и определению понятия оскорбительности, которые нашли закрепление в различных методиках. Так, согласно методике проведения лингвистической экспертизы Министерства юстиции, при определении значения «унижение» необходимо проанализировать три обязательных компонента: 1) предмет речи / тематику (о ком и что именно говорится); 2) отношение (какое отношение к предмету речи выражено и как оценивается предмет речи?); 3) цель (зачем сообщается?) [Изотова и др. 2016: 93]. В соответствии с этим проводится три этапа исследования: предметно-тематический, оценочно-экспрессивный и целевой. В ходе *предметно-тематического анализа* устанавливаются значения высказываний с опорой на знание коммуникативной ситуации и контекст сообщения. При проведении *оценочно-экспрессивного анализа* устанавливается, какое именно отношение говорящего к объекту речи выражено в высказывании и какими языковыми средствами. *Целевой анализ* позволяет выявить в высказывании речевую цель.

Наше исследование опирается на типовую методику по производству экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел МВД России, так как она позволяет проанализировать также экстралингвистическое окружение слова. Согласно данной методике, устные или письменные тексты могут быть исследованы в различных аспектах:

- как носители информации о событиях и ситуациях (предметом анализа является денотативный компонент текста);
- как содержащие оценочные характеристики лица или группы лиц либо свойств и действий лица или группы лиц (предметом анализа является оценочный компонент текста);
- как речевой акт (предметом анализа является иллокутивный компонент текста);
- как речевое событие, имеющее место при тех или иных обстоятельствах (предметом анализа является экстралингвистический компонент текста) [Типовые экспертные методики 2010: 243].

Обратимся к анализу *денотативного компонента текста*. Толковый словарь русского языка дает следующие определения:

Олень – жвачное парнокопытное млекопитающее с ветвистыми рогами.

Фетишист – последователь фетишизма. *Фетиш* – неодушевленный предмет, наделенный сверхъестественными свойствами и служащий поэтому объектом религиозного культа.

Потроха – внутренности животных, идущие в пищу.

Царь гороховый – производное от «шут гороховый», т. е. пустой человек, чудака, служащий всеобщим посмешищем. В Справочнике по фразеологии признается бранным выражением [Грамота.ру URL].

Слова *олень* и *овца* относятся к нормированным словам, входят в разряд зоосемантических метафор. Зоометафоры часто содержат негативную оценку адресата речи и грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения. Многие из таких метафор относятся к бранной (инвективной) лексике, оставаясь, тем не менее, в рамках литературного языка, например: *быдло*, *кобель*, *кобыла*, *рыло*, *свинья*, *сука* [Цена слова 2002: 335]. Мы видим метафорическую реализацию лексико-семантического значения слов и выражений: *овца* ('глупая'), *олень* ('тупой, гордый, упрямый'), *царь гороховый* ('посмешище'), *царский потрох* ('ничтожество').

В русском языке зооморфизм «овца» характеризует свойства человеческой личности, выделяя два основных признака: «покорность, беззащитность» и в то же время «глупость» [Мерзликина 2021: 124]. Ситуация, в которой одна женщина в ходе ссоры называет другую женщину «овцой», подразумевает второй ассоциативный признак данного слова – глупость.

В отношении контекстуального окружения слова следует отметить следующие особенности: в *контексте 1* адресат и субъект говорения находятся на одной социальной ступени, в *контексте 2* социальное положение адресата и субъекта говорения разное. В случае со словом «олень» дополнительным признаком речевого акта является самозащита говорящего, ответная, возможно, оборонительная реакция на предъявление обвинения. С функционально-стилистической точки зрения *контекст 1* представляет собой разговорно-бытовой вариант реализации речи, тогда как *контекст 2* подразумевает зону функционирования официально-делового стиля речи.

Рассмотрим *оценочный компонент текста*.

Оценочность является сопутствующим признаком понятия оскорбительности. В теории лингвистики оценочный компонент слова входит в коннотацию слова наряду с другими компонентами, такими как эмоциональный, экспрессивный и функционально-стилистический [Арнольд 2002: с 80]. В оценке всегда присутствует субъективный фактор [Вольф 2002: 24]. Экспрессивная лексическая единица не столько *называет* предмет, признак, действие, явление, сколько *выражает* субъективное «я» говорящего. Категория оценки выражает положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи [Стилистический энциклопедический словарь 2011: 139]. В терминах юриспруденции оценочный компонент слова трансформируется в *оценочное суждение*. Квалифицируя оскорбление, суду важно понимать, были ли слова произнесены просто в возбужденном эмоциональном состоянии, или говорящий имел намерение оскорбить. Оценка всегда связана с мнением, и в суде оценка традиционно проходит как мнение, т. е. как *неверифицируемое и неинкриминируемое высказывание*. Суды различают имеющие место утверждения о фактах, соответствие которых можно проверить, и оценочные суждения, которые не являются предметом судебной защиты. Каждому гражданину гарантировано право на свободу мысли и слова. Высказывания, носящие оценочный характер (критическое мнение, отрицательная оценка), если они не носят оскорбительного характера, не образуют состава правонарушения.

Оценочное суждение носит преимущественно рациональный характер, имеет обязательную форму утверждения, претендует на истинность, и имеет целью убедить в этом адресата. Оценочным суждением признается повествовательное, утвердительное или отрицательное высказывание, не содержащее маркеров мнения или предположения и выражающее свое видение факта говорящим в обобщенном виде [Стернин и др. 2013: 8]. Например: *Он настоящий бандит. Он просто лентяй. Он просто бездельник. Он просто дурак. Он просто свинья*. Суд охарактеризовал слово «овца» как оценочное суждение. Тем не менее, оно не может быть таковым, как и слово «олень», поскольку рациональность высказывания отсутствует. Мы также не видим здесь собственно предложения в форме утверждения, так как это только отдельное слово, имеющее признаки инвективы. С синтаксической точки зрения рассматриваемые слова и выражения могут быть охарактеризованы как *апеллятивы*: они употребляются в обращении, выполняя функцию адресата прямой речи [Арутюнова 1999: 128]. «Овца», «олень», «царь гороховый», «царский потрох», «фетишист» являются отрицательными *апеллятивами*, так как выражают отношение говорящего к адресату, так же как *негодяй*, *болван*, *мошенник*.

Перейдем к характеристике *иллокутивного компонента текста*. С точки зрения коммуникативной интенции исследуемые слова и выражения сигнализируют о намерении нанести оскорбление, унижить адресата речи. Данные выражения информируют о презрительном отношении к адресату, который, по мнению говорящего, не достоин уважения. Слова «овца» и «олень» направлены на коммуникативное действие типа «унижение». Оно сопровождается понижением социального статуса объекта речи, а также обесцениванием его интеллектуальных способностей. В обоих случаях адресант отказывается от соблюдения социальных правил и культурных традиций, «опускаясь» до инвективы, брани.

Брань и инвектива сходны по своей природе. Брань отличается спонтанным выражением отрицательных эмоций, когда говорящий пытается снять испытываемый им стресс употреблением непристойных слов, выражая свое недовольство [Лукиянова 2015: 215]. Инвектива отличается от брани намерением говорящего эмоционально дискредитировать адресата.

Слово *овца* является, скорее, проявлением брани, нежели инвективой. Ссора двух девушек в магазине строительных материалов возникла спонтанно, можно с определенностью утверждать о проявленной сиюминутной эмоциональной реакции на ситуацию. Выражения *олень*, *царь гороховый*, *царский потрох*, *фетишист* могут свидетельствовать о намеренном желании оскорбить адресата речи, так как возникли в результате длительного развертывания событий и в таком случае данные выражения – это инвектива.

Наконец, рассмотрим *экстралингвистический компонент текста*. Различие в подходах к квалификации зоосемантических метафор «овца» и «олень» могло быть вызвано внешним фактором, который оказал влияние на конечный вывод суда. По нашему мнению, следует учитывать такой важный экстралингвистический признак, как *авторитет судебной власти*.

В свете сказанного интерес представляют работы юристов, посвященные делам о неуважении к суду. Ввиду особой роли судебной власти в жизни общества, особого статуса участников судопроизводства, а также судебной процедуры, судебной практикой признаются оскорбляющими судей высказывания типа «дурак», «дебил», «ничтожество», «пустое место», которые

в иных условиях не признаются имеющими неприличную форму [Комментарий к УК 2017]. Слово «дурак» считается высказыванием, дающим отрицательную оценку личности судьи, дискредитирующим и подрывающим его моральный престиж как в глазах окружающих, так и в его собственных глазах [Определение Верховного суда РФ 2009], [Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ 2009]. Такого рода обороты неприемлемы в общении между людьми, тем более в ходе судебного разбирательства, где их использование оскорбительно не только для конкретных лиц, против которых они направлены, но и для суда, призванного обеспечивать порядок в судебном заседании [Бриллиантов 2011:15], [Курсаев 2016: 70]. Авторитет суда должен быть непререкаем, речевое поведение в суде не должно подрывать достоинство и честь участников судебного разбирательства. Такая постановка вопроса согласуется в том числе с основами этиковедческой экспертизы, в задачи которой входит исследование вопросов о том, соответствует ли содержание и форма выражения представленных материалов духовно-нравственным ценностям и нормам морали, принятым в обществе [Усов и др. 2023: 10].

Можно говорить о неуважении к суду, если рассматриваемые слова выражают отрицательную оценку личных качеств судьи, содержат заявление о его непрофессионализме, пристрастности, заинтересованности в деле, грубости, либо выражены в неприличной форме. Слова «олень», «трусливый» и выражение «царь гороховый» содержат оценку личных качеств судьи, принижают его личный статус, но не дискредитируют его в целом, тем более не подрывают авторитет судебной власти как таковой. Выражения не содержат заявлений о непрофессионализме, пристрастности или грубости судьи, его заинтересованности в деле, неприличная форма отсутствует. Очевидно, именно это обстоятельство было учтено в суде второй инстанции.

Тем не менее, на наш взгляд, слово «олень» не является столь безобидным. Отмечается как положительное, так и отрицательное значение данной лексемы. В русской лингвокультуре олень является примером красоты, в первую очередь мужской, символизирует такие внутренние качества характера человека, как гордость, покорность, благородство. В целом в русском сознании олень – это больше положительное животное [Кузьмина 2021: 154]. Однако помимо положительной коннотации отмечаются и отрицательные семантические ассоциации. Оленьи рога могут сигнализировать о человеческой глупости. В словаре молодежного сленга «Олень – груб. глупый человек, простодушный» [Захарова, Шуваева 2014: 84]. То же значение: словарь тюремно-блатного жаргона: «олень – глупый, недалекий человек» [Словарь тюремно-блатного жаргона 1992: 161]. Преамбула дела свидетельствует о том, что у гражданина ранее были проблемы с законом: он привлекался к уголовной ответственности за воспрепятствование правосудию, клевету и вымогательство, таким образом, данный пласт лексики мог быть ему хорошо знаком. Если бы суд исходил из того, что у слова есть не только первое, но и второе (переносное значение) – «глупый человек» – необходимо было бы признать слово *олень* оскорбительным, так как применительно к данной ситуации оно бы означало «некомпетентный судья». Суждение, содержащее утверждение о некомпетентности, глупости судьи, подрывает основы правосудия. Однако суд применил формально-логический подход, опираясь на прямое значение толкового словаря. Слово «олень» было квалифицировано неверно как не имеющее признаков оскорбительности ввиду того, что не был учтен функционально-стилистический компонент слова.

Несмотря на то, что жаргон и арго давно освоены разговорным русским языком и просторечием, суды предпочитают традиционные и идеологически выдержанные официальные словари, что является следствием формально-логического подхода к судебному процессу. В работах юристов признается предпочтение буквального вида толкования перед расширительным и ограничительным [Сорокин 2023: 32]. Как следствие, формализм в праве оборачивается «формальной истиной», а не выяснением правды. Мы считаем, что зоосемантические метафоры могут быть оскорбительны в том случае, если они относимы к тюремно-лагерному жаргону. Слово, перемещаясь из разговорного стиля речи в официально-деловой, нарачивает инвективный потенциал, как следствие, происходит усиление перлокутивного эффекта на адресата речи.

Выводы:

1. Предположение о том, что понятие оскорбительности является «сквозным» для разных категорий дел вне зависимости от юрисдикции суда – уголовной или административной – неверно. Оскорбительными являются такие выражения, которые содержат заявления об отрицательных личных качествах судьи, его непрофессионализме, заинтересованности в деле, пристрастности. Наличие циничной формы слова необязательно.

2. В делах о неуважении к суду в отношении понятия «оскорбительность» применяется *принцип повышенной нетерпимости*, поскольку речь идет об авторитете судебной власти. Суды могут учитывать данное обстоятельство, что приводит к разнице в смысловой интерпретации понятия оскорбительности по сравнению с делами в рамках административных правонарушений.

3. Жаргон и арго остаются за пределами лингвистического исследования в суде, стиливая дифференциация слова не учитывается, что может исказить вывод о наличии или отсутствии оскорбительности слова.

Отмечается различный подход в определении лексического значения слова с юридической и лингвистической точки зрения. Для судебной квалификации слова релевантным является, прежде всего, денотативное значение слова, называющее объект, предмет или понятие. Для лингвистики, помимо денотативного значения, важен полный спектр коннотативной части значения, который, помимо оценочного и эмоционально-экспрессивных компонентов, включает в себя дополнительно функционально-стилистический компонент значения.

Литература

Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник. М, 2002.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Большой толковый словарь русского языка. Сост. С. А. Кузнецов. СПб, 1998.

Бриллиантов А. В. Неуважение к суду: сложные вопросы квалификации / Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 15-20.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.

Захарова Л. А., Шуваева А. В. Словарь молодежного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета). Томск, 2014.

Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении / Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 1 (41). – С. 92-98.

Кодекс Российской Федерации «Об административных правонарушениях» от 30 дек. 2001 г. № 195 - ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2023) / СПС «КонсультантПлюс».

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы X-XII (постатейный) (том 4) (отв. редактор В. М. Лебедев). М., 2017.

Кузьмина Р. П. Этнолингвокультурный концепт «олень»: образные признаки в русской и эвенкийской языковых картинах мира / Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 9 (11). – С. 153-157.

Курсаев А. В. Уголовно-правовая характеристика способов неуважения к суду (по материалам судебной практики) / Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 6. – С. 69-77.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте / Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2015. – Том 14, выпуск 9: Филология. – С. 183-200.

Мерзликина О. В. Зооморфные метафоры «домашний скот» в русской и галисийской языковых картинах мира / Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 71. – С. 114-132.

Пермь: слово «олень» суд признал оскорбительным. URL: <https://rusexpert.ru/news/pm-lv-l-d-pizl-kbitlym>

Определение Верховного суда РФ от 29 апреля 2009 г. по делу № 16-О09-11 / СПС «КонсультантПлюс».

Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 19.01.2009 по делу № 38-О008-39. URL: [https://dogovor-](https://dogovor-urist.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE/38-%D0%BE08-39/)

[urist.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE/38-%D0%BE08-39/](https://dogovor-urist.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE/38-%D0%BE08-39/)

Справочник по фразеологии. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-frazeologii#%D0%A8>

Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители: Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. М., 1992.

Сорокин В. В. Критика юридического формализма при толковании правовых актов / Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 31-35.

Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л., Шаманова М. В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под редакцией М. Н. Кожинной. М., 2011.

Суд в Перми признал, что слово «овца» не является оскорблением. URL: <https://properm.ru/news/2024-11-01/sud-v-permi-priznal-chto-slovo-ovtsa-ne-yavlyaetsya-oskorbлением-5237536>

Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч.1. / Общая редакция В. В. Мартынова. М., 2010.

Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. СПб., 2008.

Усов А. И., Омелянюк Г. Г., Хазиев Ш. Н., Галаева О. В., Гулевская О. В. Судебная этиковедческая экспертиза – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России / Теория и практика судебной экспертизы. – 2023. – Т. 18. – № 3. – С. 6-15.

Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. М., 2002.

References

A large explanatory dictionary of the Russian language. Comp. S. A. Kuznetsov. (1998). St. Petersburg (in Russian).

Arnold, I. V. (2002). Stylistics. Modern English: a textbook. Moscow (in Russian).

Arutyunova, N. D. (1999). Language and the Human World. Moscow (in Russian).

Brilliantov, A. V. (2011). Contempt of court: complex issues of qualification. Criminal Law, 4, 15-20 (in Russian).

Cassation determination of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 19.01.2009 in case No. 38-О008-39. Available from: [https://dogovor-](https://dogovor-urist.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE/38-%D0%BE08-39/)

[urist.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE/38-%D0%BE08-39/](https://dogovor-urist.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE/38-%D0%BE08-39/) (in Russian).

Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (2017). In 4 volumes. The special part. Sections X-XII, volume 4. V. M. Lebedev (Ed). Moscow (in Russian).

Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.04. 2009. The case No. 16-О09-11. Available from: ConsultantPlus (in Russian).

Dictionary of prison camp and criminal jargon (speech and graphic portrait of a Soviet prison (1992). By D. S. Baldaev, V. K. Belko, I. M. Isupov. Moscow (in Russian).

Handbook of phraseology. Available from: URL: <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-frazeologii#%D0%A8> (in Russian).

Izotova, T. M., Kuznetsov, V. O., Plotnikova, A. M. (2016). Methodology of forensic linguistic analysis in criminal insult investigation. Theory and practice of forensic science, 1 (41), 92-98 (in Russian).

- Kursaev, A. V. (2016). Criminal and legal characteristics of ways of contempt of court (based on judicial practice). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 6, 69-77 (in Russian).
- Kuzmina, R. P. (2021). The ethnic and linguocultural concept of a "deer": figurative features in the Russian and Evenk linguistic worldviews. International Scientific Research Journal, 9 (11), 153-157 (in Russian).
- Lukyanova, N. A. (2015). Expressive vocabulary of colloquial usage in the semantic aspect. Vestn. Novosibirsk State University. Series: History, philology, 14 (9), Philology, 183-200 (in Russian).
- Merzlikina, O. V. (2021). Zoomorphic metaphors of "livestock" in Russian and Galician linguistic worldviews. Bulletin of Tomsk State University. Philology, 71, 114-132 (in Russian).
- Sorokin, V. V. (2023). Factual Legal Responsibility. Formulation of the Problem. Legal Linguistics, 28, 31-35 (in Russian).
- Standard expert methods of investigation of material evidence. Part 1 (2010). V. V. Martynov (Ed.). Moscow (in Russian).
- Sternin, I. A., Antonova, L. G., Karpov, D. L., Shamanova, M. V. (2013). Identification of signs of humiliation of honor, dignity, diminution of business reputation and insults in the linguistic examination of the text. Yaroslavl (in Russian).
- Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language (2011). M. N. Kozhina (Ed.). Moscow (in Russian).
- The Code of the Russian Federation "On Administrative Offenses" dated December 30. 2001 No. 195 - FZ (as amended on 12/25/2023) [Electronic resource]. Available from: ConsultantPlus (in Russian).
- The court in Perm found that the word "sheep" is not an insult. Available from: URL: <https://properm.ru/news/2024-11-01/sud-v-permi-priznal-chto-slovo-ovtsa-ne-yavlyaetsya-oskorbleniem-5237536> (in Russian).
- The price of a word. From the practice of linguistic expertise of media texts in lawsuits to protect honor, dignity and business reputation (2002). M. V. Gorbanevsky (Ed.). Moscow (in Russian).
- Trofimova, N. A. (2008). Expressive speech acts in dialogic discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis: a monograph. St. Petersburg (in Russian).
- Usov, A. I., Omel'yanyuk, G. G., Khaziev, Sh. N., Galaeva, O. V., Gulevskaya, O. V. Forensic ethics examination as a new direction of forensic expert activity of the Russian Ministry of Justice (2023). Theory and practice of forensic science, Vol.18(3), 6-15 (in Russian).
- Wolf, E. M. (2002). Functional semantics of evaluation. Moscow (in Russian).
- Zakharova, L. A., Shuvaeva, A. V. (2014). Dictionary of youth slang (based on the lexicon of students of Tomsk State University). Tomsk (in Russian).

Citation:

Краснянская Т. И. Об особенностях толкования понятия оскорбительности в делах о неуважении к суду // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 82-87.

Krasnianskaia T. I. (2025) On the Peculiarities of Interpretation of the Concept of Offensiveness in Contempt of Court Cases. Legal Linguistics, 37, 82-87.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Этико-правовые коллизии ограничительных мер в области научно-издательской деятельности в условиях геополитических катаклизмов

А. А. Васильев¹, М. В. Шугуров²

¹Алтайский государственный университет

пр. Социалистический 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

²Саратовская государственная юридическая академия

ул. Чернышевского, зд.104, стр. 3, 410056, Саратов, Россия. E-mail: shugurovs@mail.ru

Предметом исследования является природа и проявления ограничительных мер в области публикационной активности исследователей из государств, которые подверглись экономическим и финансовым санкциям. В статье последовательным образом рассмотрена мера вовлеченности издательского сообщества в процесс использования деятельности международных журналов как дополнительного инструмента оказания политического давления на целевые государства, т. е. государства, на которые обращены санкции. Полный запрет на публикацию в международных журналах являлся бы грубым нарушением прав ученых. Как показано в проведенном исследовании, такой запрет практически не практикуется, однако международные издатели могут использовать инструменты ограничения в приеме и опубликовании рукописи. При этом они отдают себе в отчет в том, что они в этом случае нарушают публикационную этику, а также ущемляют права ученых. В связи с этим они стремятся к использованию данных ограничений как можно в меньших объемах и в единичных случаях. В целом данная закономерность отражается в ситуации научных санкций, которые затронули различные страны. Данный вывод был сделан на основе проведения сравнительного анализа санкций в сфере публикационной активности таких стран, как Россия, Иран, Израиль. В итоге локальные ограничения в сфере опубликования научных работ из данных стран не привели к резкому сокращению представленности ученых из этих стран в мировом научном ландшафте.

Ключевые слова: научные санкции, международные журналы, свобода исследований, право на науку, публикационная этика, геополитика науки.

Ethical and Legal Conflicts of Restrictive Measures Applicable to Academic Publishing in the Context of Geopolitical Cataclysms

A. A. Vasiliev¹, M. V. Shugurov²

¹Altai State University

68 Socialistisheskiy St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

²Saratov State Law Academy

104, bldg.3 Chernyshevskogo St., 410056, Saratov, Russia. E-mail: shugurovs@mail.ru

The subject of the study is the nature and manifestations of restrictive measures in academic publishing for researchers from the states that have been subjected to economic and financial sanctions. The article consistently examines the extent of involvement of the publishing community in the process of using functioning of international journals as an additional tool for exerting political pressure on target states, i.e. states that are subject to sanctions. A complete ban on publication in international journals would be an outrage on scientists. As shown in the study, such a ban is hardly practiced, but international publishers can use tools to restrict the acceptance and publication of manuscripts. At the same time, they are aware that in this case they violate publication ethics, and also infringe the rights of scientists. Therefore, they strive to use these restrictions as little as possible and in single cases. In general, this pattern is reflected in the situation of academic sanctions, which affected various countries. This conclusion was made on the basis of comparative analysis of sanctions in academic publishing of such countries as Russia, Iran, and Israel. As a result, local restrictions in academic publishing for works from these countries has not lead to a sharp reduction in the representation of scientists from these countries in the global academic landscape.

Key words: academic sanctions, international journals, freedom of research, right to science, publication ethics, geopolitics of science.

Опубликование результатов научных исследований фундаментального, прикладного и поискового характера в том случае, если они не имеют секретного характера, представляет собой один из инструментов развития научного знания и познания. Одновременно с этим опубликование является реализацией целой группы прав человека, признанных на национальном и международном уровнях, таких как право на распространение информации и права на науку, включающего свободу научных исследований. В свою очередь потребители научного контента, которые сами в свою очередь являются исследователями, имеют право на доступ к данной информации, которая в большинстве случаев является объективированным знанием. Трудно себе представить, что право на науку может эффективно и в полную меру осуществляться, если возникают необоснованные ограничения и барьеры в процессе опубликования научных работ. В данном случае возникают проблемы для устойчивого и стабильного роста научного знания в целом, играющего, как известно, ключевую роль в современной цивилизации.

Особенностью современной науки является то, что данная сфера социальной деятельности оказывается подвержена всеобщим закономерностям, например, цифровым трансформациям. Не следует забывать также и о том, что одним из аспектов процессов глобализации, до недавнего времени развивавшихся во всю мощь, стало появление феномена глобальной науки. Возникло масштабное пространство трансграничного сотрудничества, характеризующееся интернационализацией сектора исследований и разработок. Как одно из проявлений данной интернационализации – внушительные масштабы публикационной активности на международном уровне. Иными словами, появилась возможность глобального распространения научных знаний и научно-технической информации. Во многом это стало возможно благодаря развитию особого направления научно-издательской деятельности, а именно научных журналов международного характера, а также функционированию международных наукометрических баз.

Разумеется, в текущих условиях геополитических катаклизмов обнаружились недостатки глобальной науки и, как одно из ее проявлений, – недостатки международной научно-издательской деятельности. Данные недостатки прекрасно освещены в различных аналитических материалах. Со своей стороны нам бы хотелось обратить внимание на такой недостаток, как подверженность международной издательской деятельности геополитической турбулентности и трендам политизации, приводящим к появлению такого явления, как санкции в сфере публикационной активности ученых, что является одним из проявлений т. н. научных санкций, приводящих к дискриминации ученых из государств, на которые были обращены разнообразные по своей структуре пакеты санкций (т. н. целевые государства).

В связи с этим целью статьи является раскрытие этико-правовых коллизий, возникающих в процессе международной научно-издательской деятельности, когда в ее рамках создаются барьеры и ограничения в отношении публикационной активности ученых из целевых государств. Одновременно с этим авторы намерены продемонстрировать сохранение элементов автономии международной научно-издательской деятельности, что создает условия для реализации права на опубликование, неотъемлемым образом принадлежащее ученым из целевых государств. Одновременно это свидетельствует о пределах политизации международной издательской деятельности и сохранении существенных компонентов этоса мировой науки.

Следует начать с того, что заметной и даже своего рода беспрецедентной страницей в истории научных санкций и академических бойкотов стала реализация странами коллективного Запада институционального научно-исследовательского и научно-технологического сотрудничества с Россией. В перечне научных санкций в отношении России заметное место заняли ограничения на опубликование научных статей российских ученых в зарубежных изданиях. В свете подобных ограничений возникла целая серия неблагоприятных последствий, таких как перспективы исключения русского языка в качестве языка международной научной коммуникации, рост финансовых затрат российских журналов на создание переводных версий для их продвижения в зарубежных научных кругах и т. д. Но вполне наглядной является также обратная сторона данных санкций. Как отмечает арабист Л. Чупрыгина, «российские ученые теряют возможность публиковаться в зарубежных изданиях, но вместе с этим Запад сам лишается трудов отечественного научного сообщества» [Цит. по: Кассем 2022 URL]. Как нам представляется, то, насколько это критично для зарубежного научного сообщества, – это отдельный вопрос.

В раскаленной атмосфере введения антироссийских научных санкций редакция одного из авторитетных российских медицинских журналов обратилась со следующим обращением к своим авторам и читателям: «Российских авторов не будут цитировать, не будут допускать на конференции и научные мероприятия, многие журналы не будут рассматривать статьи, несмотря на основные положения COPE о том, что «национальность, раса, пол и политические убеждения не влияют» на интернациональность науки» [Российский кардиологический журнал 2022 URL].

В дополнение к этому в одной из научных статей отмечается, что «в новых экономических условиях, связанных с обострением международного санкционного кризиса, глобальным искажением и подрывом основ открытой экономики, прежний подход к устойчивому развитию науки России утратил свою актуальность – стал как недоступен, так и нецелесообразен для реализации... Это объясняется тем, что, во-первых, большинство международных рецензируемых научных изданий осуществляют свою деятельность под руководством зарубежных редакторов. И эти редакторы в 2022 году начали грубо нарушать международный кодекс публикационной этики, политизируя публикации и предъявляя политические требования к поступающим от российских ученых материалам, а также отказывая в их публикации по мотивам происхождения авторов» [Попкова, Кузнецов, Самарханова 2023].

Однако необходимо более детально присмотреться к заявлениям зарубежных издателей с учетом того, что украинские академические круги оказывают на них серьезное давление посредством неоднократных обращений к редакторам журналов во всем мире с призывом наказать Россию, отказавшись опубликовать рукописи ее ученых [Matthews 2022; Else 2022: 559].

Как показывает практика, большинство редакторов и издателей в основном игнорируют данный призыв, подчеркивая недопустимость бойкота российских авторов, ибо это принесет больше вреда, чем пользы, поскольку ограничит обмен научными знаниями по всему миру. А это нанесет ущерб открытости в научном сообществе.

В статье М. Назаровец и Х. Тейшейры да Силва [Nazarovets, Teixeira da Silva 2022: 658–670] был проведен анализ позиции двадцати пяти зарубежных научных издательств, в которых наиболее интенсивно публикуются российские авторы. Как оказалось, из них только 15 издательств объявили о приостановке сотрудничества с институтами из России и Беларуси, а именно о продаже своей продукции и предоставлении своих услуг. Это лишило российские научные организации и вузы легального доступа к зарубежным научным журналам и базам данных. Российские ученые, опрошенные газетой «Коммерсант», называли эти действия «попыткой убийства российской науки». Выход из создавшейся ситуации они усматривают в нелегальном скачивании научных журналов [Наукоотъемные технологии 2022 URL]. Но, заметим, возникшие затруднения в доступе не дополняются запретом на публикацию работ авторов из российских учреждений.

В рассматриваемом случае журналы ссылаются на принципы научных публикаций, закрепленные Международным научным советом, в том числе в контексте свободы и ответственности науки. В ст. 8.3 Устава Международного научного совета закрепляется свобода продвигать и распространять научные знания на благо человечества, других форм жизни, экосистем и планеты в целом [International Science Council Statute and Rules of procedure 2024]. Суть принципов научных публикаций заключается в избегании дискриминации авторов по признаку их национальности или политических взглядов. Известно, что данные принципы соблюдались во время «холодной войны», когда редакторы журналов активно принимали статьи советских ученых. Подобного рода практика рассматривалась в качестве гарантии сохранения свободного научного исследования и преодоления геополитических споров.

Бойкоты в отношении научных публикаций – это в целом достаточно редкое явление. В качестве примера можно привести бойкоты в отношении немецких авторов после Первой мировой войны. Однако данная практика была отменена. Если более подробно останавливаться на данном вопросе, то, как показывает М. Гордин, самый известный исторический запрет на научные публикации – это бойкот немецких и австрийских ученых после Первой мировой войны [Gordin 2022: 27–29; Reinbothe 2013: 2685–2690]. Запрет, который был предусмотрен сроком на десять лет вплоть до 1931 года, был направлен на всех ученых из указанных стран, а не только на тех, кто поддерживал военные усилия Германии. Но это не остановило развитие науки. В 1920-е годы немецкие ученые продолжали успешно публиковаться в немецкоязычных журналах и получать Нобелевские премии. Однако бойкот оказался неэффективным в том плане, что не смог удержать немецких ученых от «ура-патриотизма» в следующей войне. К тому же сама суть бойкота заключалась в том, чтобы заставить людей почувствовать, что они наказывают немцев. Запрет был отменен в 1926 году, когда Германию пригласили вступить в Лигу Наций. Далее во время Второй мировой войны сочетание военной цензуры и приостановки почтовой пересылки привело к замедлению доставки рукописей за рубеж, что сделало активный бойкот немецких рукописей нецелесообразным.

Проблематика бойкота в сфере научных публикаций актуализировалась в начале XXI века. В 2003 году на уровне журнала «British Medical Journal» (в дальнейшем он был переименован в «The British Medical Journal», далее – «The BMJ»), издаваемого «BMJ Group», был выработан подход к возможному бойкоту израильских научных учреждений и ученых [Some politics: against academic boycotts and for cheap drugs 2003: 1]. Напомним, что несколько сотен ученых, в том числе несколько израильтян, подписали петицию, в которой говорилось о том, что в знак протеста с политикой официальных властей в отношении палестинцев они решили больше не сотрудничать с официальными израильскими учреждениями, включая университеты, в той или иной форме (участвовать в научных конференциях, выполнять функцию рецензента, получать финансирование и т. д.).

В сущности, в этот период антиизраильский академический бойкот был направлен на научные учреждения, а не на отдельных лиц. Тем не менее, были зафиксированы случаи увольнения израильских ученых и возвращения статей, которые были представлены израильтянами. В этот период журнал «The BMJ» выразил сожаление по поводу подобных действий и не поддержал бойкота. В основе такой позиции – безусловная поддержка принципа универсальности науки.

Здесь вполне обоснованно обратиться к опыту санкционного давления на науку Ирана как составную часть пакета санкций, введенных США и ЕС в 2010–2012 гг. и направленных на предотвращение разработки страной ядерного оружия. В частности, сдерживающее воздействие на развитие иранской науки и степень ее вовлеченности в международное сотрудничество оказали финансовые санкции, представляющие собой меры, делающие невозможным обменные операции с валютой в силу отключения ведущих банков страны от SWIFT. Это стало препятствием для платы публикаций и членства в международных ассоциациях, а также оплаты различных регистрационных взносов [Saeidnia 2013]. В подобной ситуации зарубежные журналы и издательские компании стали отказываться обрабатывать статьи, представленные иранскими авторами и организациями [Arie 2013].

Издательская корпорация «Elsevier» обратилась к своим американским редакторам и рецензентам с просьбой не публиковать и не рецензировать рукописи, в которых есть иранские соавторы, работающие в правительстве Ирана [Seeley 2015 URL]. Подобные рекомендации находились в русле следования правилам Управления по контролю за иностранными активами США (далее – OFAC), одобренным в марте 2013 года. Вследствие этого иранские ученые столкнулись с крайне болезненной проблемой ограничения свободного предоставления своих рукописей в зарубежные издания и их опубликования.

Санкции OFAC привели к возникновению атмосферы недоверия и предосторожности, когда редакторы научных издательств из других стран стали отказываться иметь дело с иранскими рукописями именно по политическим, а не научным причинам. В число таких журналов вошел австралийский журнал «Офтальмологическая эпидемиология». Некоторые редакторы категорически отвергали иранские материалы, заявляя, что проведение рецензирования рукописи, авторами или соавторами которых являлись иранские исследователи, противоречит режиму санкций. После того как Технологический университет Шарифа (SUT) попал под санкции, издательство «Elsevier» разорвало соглашение об издании ведущего университетского журнала «Scientia Iranica» [Scientia Iranica URL].

По мнению иранских экспертов, решения о редактировании и публикации не должны определяться политикой правительств или других агентств за пределами самого журнала [Lankarani, Mahmoodi, Gholami 2012]. Иранским экспертом М. Заргами, сторонником парадигмы открытой науки, была высказана позиция о том, что издательские ограничения существенным образом ограничивают свободное распространение научных знаний и научной информации на уровне научных сообществ [Zarghami 2013]. Поэтому иранские исследователи выступили с осуждением научных санкций, рассматривая их как несправедливые действия, которые создают препятствия на пути совершения научных открытий, а также распространения научных результатов и ключевых данных [Habibzadeh 2013].

В дальнейшем издательство «Elsevier» все же внесло коррективы в свою политику, уточнив, что опубликование работ вполне возможно, если только автор не действует в качестве официального представителя правительства, находящегося под санкциями [Seeley 2013 URL]. В отношении издательской деятельности «Elsevier» в целом следует учитывать, что наряду с принципом свободы выражения мнения и свободы научной информации компания ориентируется на ограничения и правила, которые установлены США, ЕС и Великобританией. «Elsevier» опубликовал ряд общих запретов работы с авторами из санкционных стран (Северная Корея, Куба, Иран, Сирия, Крым, ДНР и ЛНР):

- операции с любыми физическими или юридическими лицами, расположенными в определенных странах или территориях («Географические санкции»);
- операции с конкретными физическими или юридическими лицами, перечисленными в Сводном списке ЕС, Сводном списке Великобритании и Списке граждан особых категорий или заблокированных лиц США (совместно именуемых «SDN»);
- опубликование определенной конфиденциальной информации (например, связанной с военной обороной), которая регулируется законами об экспортном контроле («Регулируемая информация»).

Согласно законодательству ЕС и Великобритании, распространение контента и предоставление издательских услуг авторам не запрещены географическими санкциями. В соответствии с законодательством США исключение в отношении информационных материалов (IM) позволяет «Elsevier» продавать и распространять журналы, книги и другой контент лицам, находящимся во всех перечисленных выше юрисдикциях, на которые распространяются географические санкции. Однако исключение IM не позволяет «Elsevier» предоставлять издательские услуги, такие как рецензирование, редактирование книг и маркетинговые услуги, авторам в этих странах или регионах. Как известно, США отдельно разрешают такие услуги в соответствии с Генеральными издательскими лицензиями (PGL).

В условиях постсанкционной оттепели (2016–2017 гг.) OFAC в 2016 году выпустило Руководство по общим лицензиям на публикации [Office of foreign assets control 2016 URL]. Согласно правилам, разрешалась издательская деятельность, осуществляемая с лицом, работающим в санкционированном правительстве, но публикующим информацию в своем личном качестве. Несмотря на сохранение трудностей при совершении международных финансовых операций, результатом снятия санкций стал рост научных журналов, издаваемых в Иране [Afshari, Bhopal 2016], а также всплеск публикационной активности. В 2017 году Иран занял в 2017 году первое место по публикации научных статей в регионе и 15-е место в мире, опередив такие страны, как Дания, Швейцария, Нидерланды, Швеция и Австрия [Iran after the Islamic Revolution 2019 URL].

Несмотря на отставание от западных стран, на Иран и Турцию приходилось около половины всех научных рукописей стран-членов Организации исламского сотрудничества [Mozafari 2016: 1721–1722]. Увеличение количества научных статей иранских ученых сопровождалось улучшением их качества. Весьма показательно, что в 2017 году Бабольский технологический университет занял 14-е место в мире в рейтинге вузов по цитируемости работ, разделив эту позицию с Оксфордом [Артамонов 2022 URL]. Это следует расценивать также как один из существенных результатов иранской научно-технической политики в указанный период.

В условиях новой волны санкций, последовавшей в 2018 году при первом президентстве Д. Трампа, иранским ученым вновь было отказано в возможности опубликования своих работ, как и в участии в конференциях и получении доступа к бесплатному научному программному обеспечению. Вновь возникли трудности с приобретением зарубежного оборудования. Некоторое исключение составило информационное обеспечение исследований. Специфика иранской ситуации заключается в сохранении доступа к ведущим международным базам научной литературы Web of Science и Scopus. В качестве проактивной меры в ответ на предполагаемое отключение стало создание собственной библиографической базы данных национальных научных публикаций (SID) [Iran's Scientific Information Database URL].

На смену ожидаемому возвращению США в СВПД в 2023 году произошел всплеск международной напряженности. В подобной ситуации вопрос о снятии американских санкций не ставится. Исходя из вывода о невыполнении Ираном своих обязательств по СВПД, 18 октября 2023 года (переходный день соглашения) Совет ЕС одобрил сохранение санкционного статуса для физических и юридических лиц, занимающихся ядерной деятельностью или баллистическими ракетами, или связанных с Корпусом стражей исламской революции (КСИР) [Council Decision (CFSP) 2023 URL]. Данные обстоятельства косвенным образом приводят к сохранению некоторых сложностей в публикации работ иранских ученых в зарубежных изданиях.

Возвращаясь к рассматриваемому выше случаю с Израилем, укажем, что «The BMJ» отказался от сборов с авторов за получение доступа читателей к их публикациям, таким образом создавая возможности не только для опубликования работ иранских ученых, но и для получения ими известности в мировом научном сообществе. Редакторы же других издательств продолжали занимать выжидающую позицию, надеясь на получение более четких инструкций в отношении определения авторства государственных служащих.

В условиях замораживания международных научных связей с Россией актуализировался вопрос о целесообразности и возможности сохранения партнерства в издательской деятельности. В частности, Р. Смит, бывший редактор журнала «The BMJ», отметил в своем комментарии следующее: «Я рад, что я больше не редактор и мне не нужно принимать решения» [Smith 2022]. Данного рода реплику он произнес в конце достаточно пространных рассуждений о целесообразности бойкота. Затрагивая российскую ситуацию, он отметил, что Запад использует в отношении России, по определению «Financial Times»,

новый вид «гибридной войны» [Financial Times 2022 URL], а именно комбинацию экономической и «мягкой» силы с целью давления на Россию. Отсюда достаточно сомнительным является сценарий, согласно которому научные учреждения, в том числе журналы, должны разорвать связи с российскими институтами и, возможно, даже с российскими учеными.

«The BMJ» наряду с «Nature» входит в число журналов, которые заявили о намерении и далее продолжать рассмотрение статей российских авторов на предмет публикации, поскольку «наука и здоровье обладают потенциалом объединять людей для достижения общей цели, улучшения взаимопонимания, сотрудничества и отношений» [Abbasi 2022], и что «в настоящее время такой бойкот принесет больше вреда, чем пользы. Это разделило бы глобальное исследовательское сообщество и ограничило бы обмен научными знаниями» [Editorial 2022].

На этом фоне редакция «Журнала молекулярной структуры» (Journal of Molecular Structure) сообщила, что журнал больше не рассматривает рукописи ученых, работающих в учреждениях Российской Федерации, из-за гуманитарного кризиса, возникшего в Украине [Diversity and Inclusion pledge – Journal of Molecular Structure 2022 URL]. Этот запрет не распространяется на российских ученых, работающих в других странах, и является политикой редакции журнала, а не его издателя – «Elsevier».

В свою очередь главный редактор «Журнала гематопатологии» (Journal of Hematopathology / JHEP) Ф. Петерс отметил, что намерен следовать указаниям главного редактора журнала «Springer Nature» и принимать, а также оценивать рукописи российских авторов независимым способом, изложенным в рекомендациях COPE [Peeters 2022 URL]. Что же касается позиции Международной ассоциации научных, технических и медицинских издателей (STM), то ни один член группы не заявил о запрете контента от российских исследователей, хотя подобного рода проблематика затрагивается в рамках внутренних дискуссий. Однако выработка коллективного решения не предусматривалась [Brainard 2022 URL].

Другой подход был принят редакторами журнала «Physical Review C», издаваемого Американским физическим обществом, который публикует статьи по ядерной физике. Два члена редколлегии, которые работают в немецких национальных лабораториях, выразили обеспокоенность по поводу приостановления немецким правительством исследовательского сотрудничества с Россией. В результате данные члены редколлегии не могут рецензировать статьи с российскими соавторами. Редакционный совет журнала пришел к выводу о том, что указанные редакторы могут отстраниться от рецензирования и редактирования таких статей. Но из этого не следует, что журнал прекращает работать с российскими авторами.

Согласно позиции главного редактора Дж. Капуста из Университета Миннесоты, политика APS не предполагает дискриминацию по политическим взглядам, тем более что публикация статей российских ученых или с российским соавторством вряд ли поможет России получить какое-либо технологическое преимущество. Дж. Капуста отмечает следующее: «Мы не публикуем ничего секретного... Это просто фундаментальная наука» // “We don't publish anything that's classified,” he says. “It's just basic science” [Cit on: Brainard 2022 URL].

11 марта 2022 года крупные мировые издательства «Elsevier», «Springer/Nature», «IOP Publishers» опубликовали манифест о прекращении подписки российских организаций на доступ к полнотекстовым версиям научных журналов и соответствующим сервисам [ACS Publications joins other publishers in condemning invasion of Ukraine 2022 URL]. В случае с Россией особое беспокойство вызвало ограничение доступа к одной из самых популярных баз данных Scopus (находится в управлении «Elsevier»).

Это объявление было воспринято как запрет на публикации российских авторов. Однако в действительности ни одно из международных издательств не принимало решения об отказе в приеме рукописей ученых из России, напротив, была декларирована недопустимость дискриминации авторов по национальному признаку. Ограничение в доступе также было воспринято в качестве изоляции России в сфере научной информации, что должно привести якобы к отставанию в развитии российской науки. На деле всего лишь был прекращен доступ российских организаций к подписке. При этом частные лица были вправе сохранить или заключить соглашение о платной подписке. Однако существует множество альтернативных способов получения доступа к публикациям: журналы открытого доступа, сервисы Google и пр.

Крупнейшая мировая издательская компания «Elsevier» формально заявила об отсутствии предвзятости ко всем авторам. С этой целью она направила письмо главным редакторам научных журналов своего издательства. «Наша роль в Elsevier – помогать исследователям продвигать науку и имплементировать результаты научных достижений на благо общества. Для этого нам необходим свободный поток идей и качественные, основательные и глубокие исследования от ученых со всего мира. Учитывая международный и совместный характер исследований, любые ограничения на публикацию результатов научной деятельности не только принесут вред отдельным исследователям, которые могут иметь отличные от их правительстве политические взгляды, но и авторам из других стран» [Elsevier: Любые ограничения на публикацию научных статей неприемлемы 2022 URL].

Особый акцент сделан на критерии оценки научных статей. «Elsevier» призвала главных редакторов следовать принципам «Честной игры»: «Редакторы должны оценивать рукописи по их интеллектуальной составляющей безотносительно расовой, гендерной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических воззрений авторов». Далее идет разъяснение о том, что имеющаяся информация о том, что один из журналов «Elsevier» отклонил статью по причине того, что она была подана из России, могла быть следствием индивидуальной эмоциональной реакции и никак не связана с общей политикой издательства.

31 марта 2022 года пятнадцать научных издательств, включая «Elsevier», «Cambridge University Press», «De Gruyter», «Springer/Nature» и другие, опубликовали совместное Заявление с требованием прекратить продажу своих продуктов и услуг в России и Беларуси [Multi-Publisher Statement on Ukraine 2022 URL]. Однако они заявили, что не будут отказываться от публикации работ авторов из указанных стран, основываясь на рекомендациях Комитета по публикационной этике (COPE), согласно которым редакционные решения не должны зависеть от происхождения рукописи, включая национальность, этническую принадлежность, политические убеждения, расу или религию авторов.

Европейский физический журнал, разделяя содержание заявления Совета Итальянского физического общества (SIF) [SIF Statement 2022 URL] и заявление Европейского физического общества (EPS) [Statement by the Executive Committee of the European Physical Society 2022 URL], предпринял конкретизацию своей политики в условиях геополитического конфликта [EPJA Policy on Geopolitical Conflict URL]. Журнал признал, что текущее законодательство ограничивает деловые операции с Россией, но в настоящее время оно не обязывает вводить какие-либо априорные ограничения в отношении сотрудничества с российскими авторами и редакторами, в том числе с любыми лицами, имеющими российскую институциональную принадлежность, а также с некоторыми коллегами из редакции EPJA.

В сущности, журнал признал существование автономии в плане выработки своей позиции, одновременно указав на то, что дальнейшие ограничения могут возникать и развиваться очень динамично через ведущие исследовательские институты или соответствующие научные комитеты. Вновь было обращено внимание на необходимость следования недавним рекомендациям COPE. В связи с этим было заявлено о продолжении работы журнала в духе COPE. Такой вывод также неявно следует из Заявления журнала «Nature» [Peeters 2022 URL].

Как можно было видеть, в основу решений редакций журналов были положены рекомендации Комитета по этике публикаций от 10 марта 2022 года, согласно которым «на редакционные решения не должно влиять происхождение рукописи, включая национальность, этническую принадлежность, политические убеждения, расу или религию авторов. Решения о редактировании и публикации не должны определяться политикой правительств или других агентств за пределами самого журнала» [Committee on Publication Ethics 2022 URL]. В свою очередь данные рекомендации, по сути, воспроизводят прежние рекомендации. В частности, это рекомендации 2004 года [Committee on Publication Ethics 2004 URL] и 2013 года [Committee on Publication Ethics 2013 URL]. В последнем случае позиция COPE касалась работы редакторов научных журналов с авторами из Ирана. Ситуация на тот момент требовала четкого разъяснения того, как издатели могут действовать в условиях санкций.

Готовность большинства издателей и далее работать с российским контентом наталкивается на проблему, заключающуюся в том, что в условиях экономических санкций возникают затруднения в переводе оплаты APC за публикацию и за подписку на контент российскими учреждениями. Так, издательское подразделение Американского химического общества (ACS) объявило о приостановке продаж и маркетинга своих продуктов и услуг исследовательским организациям в России и Беларуси. Кроме этого, было заявлено о том, что больше не будут приниматься платежи за публикацию статей от российских организаций за статьи в открытом доступе в любом из более чем 75 журналов ACS [ACS Publications 2022 URL]. Несмотря на это, издательская группа выразила готовность продолжать поддержку науки и реализовывать свою редакционную политику в отношении статей, представленных в ее журналы.

Другой пример демонстрирует противоположную позицию. Так, К. М. Парианте, главный редактор журнала «Brain, Behaviour and Immunity», который также издается «Elsevier», осудил действия России, но не поддержал бойкот авторов из российских институтов, полагая, что это расширит пропасть между различными сообществами ученых, придерживающихся разных подходов, и не принесет пользы науке в долгосрочной перспективе [Pariante 2022: 360].

Существенным подспорьем по доведению результатов научных изысканий российских исследователей до мирового научного сообщества стало увеличение доли публикаций в журналах издательства MDPI. Преимущества журналов данного издательства заключаются в отсутствии политизации и качественном сервисе, включая качественное рецензирование и быструю публикацию. Сдерживающим фактором является высокая стоимость опубликования вследствие используемой модели Open access.

Итак, международные журналы, как правило, продолжают принимать статьи от российских авторов, обладающих институциональной аффилированностью. Однако в силу финансовых санкций, затрудняющих оплату публикации, вполне реалистичным оказывается режим закрытого доступа, предполагающий бесплатную публикацию. Подобного рода препятствия для открытого доступа не существуют для журналов, охватываемых SCOAP³ [SCOAP³ Journals, 2017–2024 URL]. Случаи дискриминации по национальному признаку со стороны редакций зарубежных журналов и рецензентов являются достаточно редкими, хотя российские ученые опасались именно этого. Но имеют место достаточно завуалированные тактические отказы в форме «придирки» к «плохой» стилистике и грамматике английского языка, «несоответствие» тематике журналов и т. д.

Одним из сложных вопросов продолжения публикации работ российских авторов является юридическая составляющая, ибо продолжение сотрудничества с российскими научными учреждениями, спонсорами и авторами может вступать в коллизию с режимами санкций, которые те или иные страны ввели в отношении России. В связи с этим Х. Тейшейра да Силва поднимает вопрос о том, а не нарушают ли издательства, которые не отказываются сотрудничать, режим финансовых санкций, продолжая взимать плату за доступ к контенту или сборов за обработку статей [Teixeira da Silva 2022]?

Заметим, что в техническом плане такое взимание зачастую не представляется возможным. Другой вопрос, также правовой, заключается в обосновании отказа в рецензировании или публикации статьи, автором которой является сотрудник российского учреждения, например, в том случае, когда это журналы – члены COPE. Вполне очевидно, что подобного рода ограничения проблематизируют академические свободы. Примером частно-правовых аспектов, относящихся к сфере публикационной активности, можно отнести односторонний отказ в присвоении DOI ряду российских научных изданий. Однако данная практика имела единичный характер.

По сравнению с 2022 годом в 2023 году количество публикаций российских ученых в ведущих научных изданиях, учитываемых «Nature», сократилось на 23 %. Согласно статистике, приводимой в российской научной журналистике [Пичугина 2023 URL], в свою очередь опирающейся на достоверные источники, в 2022 году публикационная активность сократилась на 15–20 %. Некоторая доля в данном сокращении зависела, например, от решения ЦЕРН не указывать российскую аффилиацию авторов. При этом всем было понятно, откуда данные авторы. В качестве другого фактора

снижения публикационной активности указывается борьба с т. н. «мусорными» статьями, которые служат всего лишь для увеличения показателей.

На общее снижение опубликованных работ свое воздействие оказало уменьшение статей в материалах конференций с 30 тысяч (2021 год) до 15 тысяч (2022 год). В результате, если в 2021 году Россия занимала 9-е место по рассматриваемому показателю, в 2022 году – 12-е, то в 2023 году – лишь 17-е место. Отмеченные показатели условны, так как доступ к другой обширной аналитической базе, нежели Scopus, а именно к Web of Science, у России все еще отсутствует. Статистика, приводимая в базе Scopus, показывает следующую динамику: 132 345 (2020 г.) – 132 082 (2021 г.) – 111 927 (2022 г.) – 29 925 (первая половина 2023 г.).

Как отмечают О. В. Москалева и М. А. Акоев, данное снижение показателей в 2022–2023 гг. является характерным для публикаций не только российских исследователей, но и исследователей из других стран, например, стран ЕС (включая Великобританию) и США при постоянном росте числа публикаций стран БРИКС [Москалева, Акоев 2024: 71]. Во многом общее снижение количества публикаций западных стран определяется сокращением количества статей по медицине, что было вызвано выходом из ситуации пандемии COVID-2019. Следует признать, что само по себе количество статей не является окончательным показателем уровня развития науки в том или ином государстве. Однако за данный показатель соревнуются различные государства, стремящиеся к лидерству в мировой науке, особенно Китай и Индия. Количество уравнивается качеством, а именно номенклатурой ведущих журналов, в которых публикуются и цитируются научные работы. Поэтому можно только приветствовать политику базы Scopus, которая продолжает включать российские журналы: в 2022 году было принято 35, а в первой половине 2023 года – 15 изданий.

При оценке негативных результатов санкций в области публикационной активности на национальном и международном уровнях необходимо исходить из того, что они не проявляются одномоментно. В большинстве случаев подобные санкции достаточно локальные. Поэтому всецело следует согласиться с российскими авторами в том, что «введение санкций не приводит к немедленному изменению числа совместных публикаций, в долгосрочной перспективе меняется состав стран, с учеными из которых проводятся совместные исследования, представляемые в виде научных статей. Сокращение числа публикаций при этом происходит с обеих сторон» [Москалева, Акоев 2024: 69]. Также ими было установлено, что геополитические конфликты оказывают лишь косвенное влияние на выбор исследователями журналов для опубликования результатов своих научных изысканий.

Обобщая проведенный анализ, отметим, что, как и в случае с другими разновидностями санкций, в силу своей локальности рассмотренные ограничения затрагивают лишь отдельных российских авторов. В большинстве случаев опубликование работ российских ученых как в отечественных, так и зарубежных журналах идет своим ходом, а публикационная стратегия не претерпела сколь-нибудь существенных изменений. Введенные ограничения всего лишь незначительным образом оказали воздействие на рисунок представленности российской науки в пространстве глобальной науки.

Литература

- Артамонов А. Как Иран развивает нанотехнологии вопреки санкциям. Уроки выживания в изоляции. Чему российские компании и госструктуры могут научиться у страны, которая 40 лет находится под западными санкциями (08.04.2022). URL: <https://skillbox.ru/media/business/kak-iran-razvivaet-nanotekhnologii-vopreki-sanktsiyam-uroki-vyzhivaniya-v-izolyatsii/>
- Кассем Х. Еврокомиссия идет в бой: как санкции отразятся на образовании и науке. Справится ли наука с санкционным ударом (10.03.2022). URL: <https://news.ru/world/evrokomissiya-idet-v-boj-kak-sankcii-otrazyatsya-na-obrazovanii-i-nauke/>
- Москалева О. В., Акоев М. А. Геополитика и публикационная стратегия. Есть ли связь? / Научный редактор и издатель. – 2024. – Т. 9, № 1. – С. 67–85.
- Наукоотъемные технологии. Мировые научные издательства обещают аннулировать российские подписки / Коммерсантъ (04.04.2022). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5293063?> (дата обращения: 23.05.2022).
- Пичугина Т. Наука выходит из-под влияния Запада. Санкции не сработали (05.07.2023). URL: <https://ria.ru/20230705/publikatsii-1882152998.html>
- Попкова Е. Г., Кузнецов В. П., Самерханова Э. К. Устойчивое развитие российской науки: «институциональные ловушки» научных журналов и перспективы их преодоления / Вестник Мининского университета. – 2023. – Т. 11, № 2. С. 9.
- Российский кардиологический журнал. Обращение к авторам и читателям (2022). URL: https://russjcardiol.elpub.ru/jour/announcement/view/29?locale=ru_RU
- Abbasi K. Russia's war: why the BMJ opposes an academic boycott / The British Medical Journal. – 2022. – Vol. 376:0613.
- ACS Publications joins other publishers in condemning invasion of Ukraine (2022, March 31). URL: <https://www.acs.org/content/acs/en/pressroom/newsreleases/2022/>
- Afshari R., Bhopal R.S. Iran, Sanctions, and Collaborations / The Lancet. – 2016. – Vol. 387, № 10023. – P. 1055–1056.
- Arie S. Unintended Consequences of Sanctions against Iran / The British Medical Journal. – 2013. – Issue 347: f4650.
- Brainard J. Few journals heed calls to boycott Russian papers (10 March 2022). URL: <https://www.science.org/content/article/few-journals-heed-calls-boycott-russian-papers>
- Committee on Publication Ethics. COPE advice to editors on geopolitical intrusions on editorial decisions (1 August 2013). URL: <https://publicationethics.org/news/cope-advice-editors-geopolitical-intrusions-editorial-decisions>
- Committee on Publication Ethics. Geopolitical Intrusion on Editorial Decisions (March 23, 2004). URL: <https://www.wame.org/geopolitical-intrusion-on-editorial-decisions>

- Committee on Publication Ethics. COPE advice to editors on geopolitical intrusions on editorial decisions (2022, 10 March). URL: <https://publicationethics.org/news/clarification-cope-advice-editors-geopolitical-intrusions-editorial-decisions>
- Council Decision (CFSP) 2023/2195 of 16 October 2023 amending Decision 2010/413/CFSP concerning restrictive measures against Iran. ST/12546/2023/INIT. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202302195
- Diversity and Inclusion pledge – Journal of Molecular Structure (9 November 2022). URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-molecular-structure/about/announcements#statement-from-the-editors-of-the-journal-of-molecular-structure>
- Editorial*. Russia's brutal attack on Ukraine is wrong and must stop / *Nature*. – 2022. – Vol. 603, Issue 7900. – P. 201.
- Elsevier: Любые ограничения на публикацию научных статей неприемлемы (2022). URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=d51a3f69-b2e6-4b98-a271-ced6b99644a7>
- EPJA Policy on Geopolitical Conflict. URL: <https://link.springer.com/journal/10050/updates/20227296?error=cookiesnotsupported&code=d8e66899-c11d-48f3-9914-247a604a73e0>
- Financial Times. The West's hybrid war on Russia (10 March 2022). URL: <https://www.ft.com/content/ff95ee3f-a1b8-4a54-9657-6a1aaecc105f>
- Gordin M. D.* A Century of Science Boycotts / *Nature*. – 2022. – Vol. 606, Issue 7912. – P. 27–29.
- Habibzadeh F.* Is there an Apartheid in Science Publishing / *The Lancet*. – 2013. – Vol. 382, Issue 9889: 310.
- Iran after the Islamic Revolution: Scientific backtrack or progress? What do the statistics say? (10.02.2019). URL: <https://www.tehrantimes.com/news/432798/Iran-after-the-Islamic-Revolution-Scientific-backtrack-or-progress>
- Iran's Scientific Information Database. URL: <https://www.sid.ir/journal/en>
- Lankarani K., Mahmoodi M., Gholami S.* Reducing Social Disparity in Liver Transplantation Utilization through Governmental Financial Support / *Hepatitis Monthly*. – 2012. – Vol. 12, Issue 11: e6463.
- Mozafari M.* Iran and Science Publishing in the Post-sanctions Era / *The Lancet*. – 2016. – Vol. 387, Issue 10029. – P. 1721–1722.
- Multi-Publisher Statement on Ukraine (2022, 31 March). Publishers condemn invasion of Ukraine by Russia. URL: <https://mailchi.mp/4851e2a74119/joint-publisher-statement>
- Nazarovets M., Teixeira da Silva J.A.* Scientific publishing sanctions in response to the Russo-Ukrainian war / *Learned Publishing*. – 2022. – Vol. 35, Issue 4. – P. 658–670.
- Office of foreign assets control. Guidance on certain publishing activities. 28.10.2016. URL: <https://ofac.treasury.gov/media/6516/download?inline>
- Peeters F.V.* Springer Nature condemns Russian invasion (March 4, 2022). URL: <https://www.springernature.com/gp/advancing-discovery/springboard/blog/blogposts-open-research/springer-nature-condemns-russian-invasion/20191448>
- Reinbothe R.* Der Boykott gegen die deutschen Wissenschaftler und die deutsche Sprache nach dem Ersten Weltkrieg / *DMW – Deutsche Medizinische Wochenschrift*. – 2013. – Vol. 138, Issue 51/52. – P. 2685–2690.
- Saeidnia S., Abdollahi M.* Consequences of International Sanctions on Iranian Scientists and the Basis of Science / *Hepatitis Monthly*. – 2013. – Vol. 13, Issue 9: e14843.
- Scientia Iranica. URL: <https://scientiairanica.sharif.edu/>
- SCOAP3 Journals, 2017–2024. URL: <https://scoap3.org/phase3-journals/>
- Seeley M.* How sanctions laws affect publishing: OFAC provides new guidance: Elsevier has encouraged "freedom of expression" for scientific authors in sanctioned countries such as Iran, Cuba, Sudan, Burma and Syria. Elsevier, 2015. URL: <https://www.elsevier.com/connect/how-sanctions-laws-affect-publishing-ofac-provides-new-guidance>
- Seeley M.* Trade sanctions against Iran affect publishers: Elsevier explains legal issues to its editors and works with publishers and research community to pursue 'balance in the law'. Elsevier, 2013. URL: <https://www.elsevier.com/connect/trade-sanctions-against-iran-affect-publishers>
- SIF Statement against the invasion of Ukraine (28.02.2022). URL: <https://en.sif.it/news/917>
- Smith R.* Should Western science institutions and scientists boycott their Russian equivalents? / *The British Medical Journal*. – 2022. – Vol. 376: 0608.
- Some politics: against academic boycotts and for cheap drugs / *British Medical Journal*. – 2003. – Vol. 326, Issue 7379: 1. URL: <https://www.bmj.com/content/bmj/326/7379/0.9.full.pdf>
- Statement by the Executive Committee of the European Physical Society (26 February 2022). URL: <https://www.springernature.com/gp/advancing-discovery/springboard/blog/blogposts-open-research/springer-nature-condemns-russian-invasion/20191448>
- Teixeira da Silva J. A.* Academia's challenges in the face of the 2022 Russia-Ukraine war / *European Science Editing*. – 2022. – Vol. 48: e83864.
- Zarghami M.* Illogical and Unethical Scientific Sanctions against Iranian Authors / *Iranian Journal of Psychiatry and Behavioral Sciences*. – 2013. – Vol. 7, №. 2. – P. 1–4.

References

- Abbasi, K. (2022). Russia's war: why the BMJ opposes an academic boycott. *The British Medical Journal*, 376:0613.
- ACS Publications joins other publishers in condemning invasion of Ukraine (2022, March 31). Available from: <https://www.acs.org/content/acs/en/pressroom/newsreleases/2022/>
- Afshari, R., Bhopal, R.S. (2016). Iran, Sanctions, and Collaborations. *The Lancet*, 387(10023), 1055–1056.
- Arie, S. (2013). Unintended Consequences of Sanctions against Iran. *The British Medical Journal*, 347: f4650.

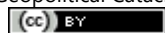
- Artamonov, A. (2022). How Iran is developing nanotechnology despite sanctions. Lessons of survival in isolation. What Russian companies and government agencies can learn from a country that has been under Western sanctions for 40 years (08.04.2022). Available from: <https://skillbox.ru/media/business/kak-iran-razvivaet-nanotekhnologii-vopreki-sanktsiyam-uroki-vyzhivaniya-v-izolyatsii/> (in Russian).
- Brainard, J. (2022). Few journals heed calls to boycott Russian papers (10 March 2022). Available from: <https://www.science.org/content/article/few-journals-heed-calls-boycott-russian-papers>
- Committee on Publication Ethics. COPE advice to editors on geopolitical intrusions on editorial decisions (1 August 2013). Available from: <https://publicationethics.org/news/cope-advice-editors-geopolitical-intrusions-editorial-decisions>
- Committee on Publication Ethics. Geopolitical Intrusion on Editorial Decisions (March 23, 2004). Available from: <https://www.wame.org/geopolitical-intrusion-on-editorial-decisions>
- Committee on Publication Ethics. COPE advice to editors on geopolitical intrusions on editorial decisions (2022, 10 March). Available from: <https://publicationethics.org/news/clarification-cope-advice-editors-geopolitical-intrusions-editorial-decisions>
- Council Decision (CFSP) 2023/2195 of 16 October 2023 amending Decision 2010/413/CFSP concerning restrictive measures against Iran. ST/12546/2023/INIT. Available from: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202302195
- Diversity and Inclusion pledge – Journal of Molecular Structure (9 November 2022). Available from: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-molecular-structure/about/announcements#statement-from-the-editors-of-the-journal-of-molecular-structure>
- Editorial (2022). Russia's brutal attack on Ukraine is wrong and must stop. *Nature*, 603(7900), 201.
- Elsevier: Any restrictions on publishing scientific articles are unacceptable (2022). Available from: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=d51a3f69-b2e6-4b98-a271-ced6b99644a7>
- EPJA Policy on Geopolitical Conflict. Available from: <https://link.springer.com/journal/10050/updates/20227296?error=cookiesnotsupported&code=d8e66899-c11d-48f3-9914-247a604a73e0>
- Financial Times. The West's hybrid war on Russia (10 March 2022). Available from: <https://www.ft.com/content/ff95ee3f-a1b8-4a54-9657-6a1aaecc105f>
- Gordin, M. D. (2022). A Century of Science Boycotts. *Nature*, 606(7912), 27-29.
- Habibzadeh, F. (2013). Is there an Apartheid in Science Publishing. *The Lancet*, 382(9889): 310.
- Iran after the Islamic Revolution: Scientific backtrack or progress? What do the statistics say? (10.02.2019). Available from: <https://www.tehrantimes.com/news/432798/Iran-after-the-Islamic-Revolution-Scientific-backtrack-or-progress>
- Iran's Scientific Information Database. Available from: <https://www.sid.ir/journal/en>
- Kassem, H. (2022). The European Commission goes into battle: how sanctions will affect education and science. Will science cope with the blow of sanctions. (10.03.2022). Available from: <https://news.ru/world/evrokomissiya-idet-v-boj-kak-sankcii-otrazyatsya-na-obrazovanii-i-nauke/>
- Lankarani, K., Mahmoodi, M., Gholami, S. (2012). Reducing Social Disparity in Liver Transplantation Utilization through Governmental Financial Support. *Hepatitis Monthly*, 12(11): e6463.
- Moskaleva, O. V., Akoev, M. A. (2024). Geopolitics and publication strategy. Is there a connection? *Scientific editor and publisher*, 9(1), 67-85 (in Russian).
- Mozafari, M. (2016). Iran and Science Publishing in the Post-sanctions Era. *The Lancet*, 387(10029), 1721-1722.
- Multi-Publisher Statement on Ukraine (2022, 31 March). Publishers condemn invasion of Ukraine by Russia. Available from: <https://mailchi.mp/4851e2a74119/joint-publisher-statement>
- Science-intensive technologies. World scientific publishers promise to cancel Russian subscriptions. *Kommersant* (04.04.2022). Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5293063?> (in Russian).
- Nazarovets, M., Teixeira da Silva, J. A. (2022). Scientific publishing sanctions in response to the Russo-Ukrainian war. *Learned Publishing*, 2022, 35(4), 658-670.
- Office of foreign assets control. Guidance on certain publishing activities. 28.10.2016. Available from: <https://ofac.treasury.gov/media/6516/download?inline>
- Peeters, F. V. (2022). Springer Nature condemns Russian invasion (March 4, 2022). Available from: <https://www.springernature.com/gp/advancing-discovery/springboard/blog/blogposts-open-research/springer-nature-condemns-russian-invasion/20191448>
- Pichugina, T. (2023). Science is getting out from under the influence of the West. Sanctions did not work (05.07.2023). Available from: <https://ria.ru/20230705/publikatsii-1882152998.html> (in Russian).
- Popkova, E. G., Kuznetsov, V. P., Samerkhanova, E. K. (2023). Sustainable development of Russian science: "institutional traps" of scientific journals and prospects for overcoming them. *Bulletin of Minin University*, 11(2), 9 (in Russian).
- Reinbothe, R. (2013). Der Boykott gegen die deutschen Wissenschaftler und die deutsche Sprache nach dem Ersten Weltkrieg. *Deutsche Medizinische Wochenschrift*, 138(51/52), 2685-2690.
- Russian Cardiology Journal. Appeal to Authors and Readers. (2022). Available from: https://russjcardiol.elpub.ru/jour/announcement/view/29?locale=ru_RU (in Russian).
- Saeidnia, S., Abdollahi, M. (2013). Consequences of International Sanctions on Iranian Scientists and the Basis of Science. *Hepatitis Monthly*, 13(9): e14843.
- Scientia Iranica. Available from: <https://scientiairanica.sharif.edu/>
- SCOAP3 Journals, 2017–2024. Available from: <https://scoap3.org/phase3-journals/>
- Seeley, M. (2015). How sanctions laws affect publishing: OFAC provides new guidance: Elsevier has encouraged "freedom of expression" for scientific authors in sanctioned countries such as Iran, Cuba, Sudan, Burma and Syria. Elsevier. Available from: <https://www.elsevier.com/connect/how-sanctions-laws-affect-publishing-ofac-providesnew-guidance>

- Seeley, M. (2013). Trade sanctions against Iran affect publishers: Elsevier explains legal issues to its editors and works with publishers and research community to pursue 'balance in the law'. Elsevier. Available from: <https://www.elsevier.com/connect/trade-sanctionsagainst-iran-affect-publishers>
- SIF Statement against the invasion of Ukraine (28.02.2022). Available from: <https://en.sif.it/news/917>
- Smith, R. (2022). Should Western science institutions and scientists boycott their Russian equivalents? The British Medical Journal, 376: 0608.
- Some politics: against academic boycotts and for cheap drugs. British Medical Journal, 2003(7379):1. Available from: <https://www.bmj.com/content/bmj/326/7379/0.9.full.pdf>
- Statement by the Executive Committee of the European Physical Society (26 February 2022). Available from: <https://www.springernature.com/gp/advancing-discovery/springboard/blog/blogposts-open-research/springer-nature-condemns-russian-invasion/20191448>
- Teixeira da Silva, J.A. (2022). Academia's challenges in the face of the 2022 Russia-Ukraine war. European Science Editing, 2022, 48: e83864.
- Zarghami, M. (2013). Illogical and Unethical Scientific Sanctions against Iranian Authors. Iranian Journal of Psychiatry and Behavioral Sciences, 7(2), 1-4.

Citation:

Васильев А. А., Шугуров М. В. Этико-правовые коллизии ограничительных мер в области научно-издательской деятельности в условиях геополитических катаклизмов // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 88-97.

Vasiliev A. A., Shugurov M. V. (2025) Ethical and Legal Conflicts of Restrictive Measures Applicable to Academic Publishing in the Context of Geopolitical Cataclysms. Legal Linguistics, 37, 88-97.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

РЕЧЕВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

УДК 343.42, ББК 67.408.1, ГРНТИ 10.77.51, Код ВАК 5.1.4

Оценочные категории диспозиции ч. 1 ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» УК РФ

А. А. Боженова¹, В. В. Ерахмилевич²

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹annabozenova62@gmail.com,

²erahmilevich75@mail.ru

Статья посвящена анализу оценочных категорий ч. 1 ст. 148 УК РФ. Авторы отмечают отсутствие легального определения понятий «оскорбление», «верующие», «религиозные чувства», «публичность» и «неуважение к обществу». В статье предлагаются доктринальные толкования данных терминов и отмечаются неоднозначности этих трактовок с правовой точки зрения. В ходе анализа рассмотрены конкретные уголовные дела и выявлены результаты непонимания правоохранительными органами сущности некоторых наиболее значимых терминов. В статье авторы проводят сравнение диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ и диспозиций ст. 213 УК РФ и ст. 5.26 КоАП РФ. Авторы предлагают возможные пути решения указанных проблем. В частности предлагается закрепление некоторых особенно дискуссионных понятий в специальных Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ или же в Федеральном Законе «О свободе совести и религиозных объединениях».

Ключевые слова: верующие, оскорбление, публичность, религиозные чувства, неуважение к обществу, Уголовный Кодекс, религия.

The Evaluation Categories in the Disposition of Part 1 of Article 148 of Criminal Code of Russian Federation "Violation of Freedom of Worship"

A. A. Bozhenova¹, V. V. Erahmilevich²

Altai State University

Socialist St. 68, 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹annabozenova62@gmail.com, ²erahmilevich75@mail.ru

The article discusses the evaluation categories of the disposition of part 1 of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors draw attention to the problem of the lack of any legal definitions of such categories as "insult", "religious people", "religious feelings", "publicity" and contempt of society". The doctrinal definitions of these categories are described in the article. The authors also remark some problems with these definitions from the legal point of view. The examples of particular legal cases are analyzed and the results of misinterpreting of the essences of the before mentioned terms by the law enforcement authorities are described. The authors compare the disposition of part 1 of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation with the dispositions of article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation and article 5.26 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences. The authors suggest solutions to the problems discussed. For example, the idea of explaining some terms in the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation or in the Federal Law «On Freedom of Conscience and Religious Associations».

Key words: religious people, ibsult, publicity, religious feelings, contempt of society, Criminal Code, religio.

Ст. 28 Конституции Российской Федерации провозглашает свободу каждого гражданина на вероисповедание и выбор религии. Ч. 6 ст. 3 Федерального Закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» закрепляет правовую защиту граждан от любого воспрепятствования осуществлению данного права, в том числе от воспрепятствования, сопряженного с оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии. Одной из норм, предполагающих ответственность за указанные деяния, является Уголовный Кодекс РФ, а именно ст. 148 УК РФ – нарушение права на свободу совести и вероисповеданий. Важно отметить, что изначально данная статья состояла только из одной части, устанавливающей уголовную ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных

организаций или совершению религиозных обрядов. Катализатором перемен в законе стало скандальное выступление участниц панк-группы «Pussy riot» в Храме Христа Спасителя 19-21 февраля 2012 года. Действия девушек были квалифицированы по двум статьям: ст. 282 УК РФ и ст. 213 УК РФ. Очевидным был тот факт, что деяние было гораздо более специфичным, нежели простое хулиганство или экстремизм. 26 сентября 2012 года депутатами Государственной Думы РФ были внесены поправки в УК РФ, предполагавшие изменение «устаревшей» ст. 148 УК РФ и внесение в нее новых частей, целью которых была защита не просто деятельности религиозных организаций, а чувств верующих, проповедующих ту или иную религию. Помимо создания принципиально нового состава преступления, новая редакция ст. 148 УК РФ значительно увеличила количество оценочных категорий в уголовном законе. В частности, норма содержала такие категории, как «верующие», «религиозные чувства» и «оскорбление» и «публичность». Кроме того, в диспозиции использовалось характерное для такого состава, как хулиганство, понятие «неуважение к обществу». Очевидно, что оценочные категории, используемые в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ, стали причиной проблематичности применения данной нормы на практике и привлечения лиц в качестве подозреваемых (обвиняемых) за совершение указанного преступления. В данном исследовании нам хотелось бы обратить внимание на то, как в доктрине понимаются упомянутые выше категории и как проблема их оценочности разрешается на практике в конкретных уголовных делах.

Абсолютно специфичной для ч. 1 ст. 148 УК РФ является категория «верующие». Данный термин не употребляется ни в Конституции РФ, ни в Федеральном Законе «О свободе совести и религиозных объединениях», и в принципе не имеет никакого легального толкования. Не существует также и примерных критериев, позволяющих определить человека как верующего или неверующего. Н. В. Клинецкая в своей работе отмечает, что трактовка «верующего» как специфического участника общественных отношений менялась (и продолжает меняться). В частности, примерно половина опрошенных граждан, относящих себя к верующим, предлагали понимать под верующим человеком того, «кто не скрывает веры в Бога, проявляет свою веру в рамках предпочтительной ему конфессии, но допускает возможность истинности иных вероисповеданий, религиозных объединений и вероучений в различных формах, не унижающих духовное достоинство и свободу совести человека» [Клинецкая 2004: 77]. В этой же статье автор отмечает, что гораздо более строгие требования к верующим выдвигают священнослужители, определяя верующего человека как того, «кто воцерковлен, т. е. постоянно посещает церковь, соблюдает все обряды, является членом общины и имеет духовника». Иными словами, разные лица могут предлагать различные трактовки того, кто же является верующим. Приемлемость такого подхода в социологии не подходит для уголовного права, требующего более четких и определенных определений. Ведь буквальная трактовка категории «верующие» в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ показывает, что именно эта группа лиц может быть потерпевшими в соответствующих уголовных делах. Например, в 2016 году в мировом суде Кировского района г. Екатеринбурга прошло заседание по делу «Прокуратура Екатеринбурга против черного мага Антона Симакова». Поводом для разбирательства стало то, что 2 октября 2014 года Симаков в своем офисе в присутствии репортеров провел обряд жертвоприношения. Обвиняемый на камеру обезглавил живого петуха и обрызгал птичьей кровью православный погребальный покров с деревянным распятием. Оскорбительное использование атрибутов православного культа стало причиной привлечения «колдуна» к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 148 УК РФ. Заявление об оскорблении своих чувств написал в правоохранительные органы журналист Максим Румянцев, сам определяющий себя как православного человека. Напротив, во многих других случаях уголовные дела по ч. 1 ст. 148 УК РФ возбуждались по факту совершения преступления, т. е. без заявления от потерпевших или иных лиц. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что верующие далеко не всегда выступают в качестве потерпевших, а тогда, когда это происходит, потерпевшим является лишь одно лицо – верующий, т. е. лишь один субъект большой социальной группы [Зимаков 2021: 99]. В упомянутом ранее Федеральном Законе в качестве лиц, чье право на свободу совести и вероисповедания должно защищаться, указываются просто граждане без уточнения их принадлежности к той или иной религии. Возможно ли легальное определение «верующих» как участников уголовно-правовых отношений? Мы считаем, что нет. Во-первых, не существует и не может существовать каких-либо объективных критериев, позволяющих определить, насколько человек является верующим, т. к. степень «верности» религиозным учениям разнится не только в сравнении одной религии с другой, но и даже между течениями одной и той веры. Во-вторых, сама идея того, что верующие обязательно являются последователями какой-либо религии, представляется достаточно дискуссионной. В частности, возникает вопрос относительно того, признавать ли верующими агностиков, которые ни отрицают, ни признают Бога в полной мере, допуская его существование, или людей в целом верящих в Бога, но не относящих себя к определенной вере. В теории религиозные чувства таких лиц также могут быть оскорблены (например, унижительными высказываниями в адрес Бога как некоего высшего существа). Но возникает вопрос: какого религиоведа или представителя какой религии следует приглашать в качестве эксперта при проведении религиоведческой экспертизы, являющейся обязательным следственным действием при проведении следствия по делам, связанным с оскорблением религиозных чувств верующих, если религиозные воззрения потерпевшего не укладываются в догматику «традиционных» религий. И, в-третьих, не существует каких-либо правовых мнений относительно того, можно ли признать верующими последователей новых религиозных течений (или сект), чья деятельность, например, не зарегистрирована как религиозное объединение в соответствии с упомянутым ранее ФЗ, но и не признана экстремистской. Практика показывает, что последователей таких религиозных учений часто оскорбляют достаточно обыденные вещи, такие как паспорта нового образца, исторические фильмы, ИНН и т. д. Очевидно, что защита религиозных чувств такой категории лиц невозможна по объективным причинам, но делает ли это их менее верующими? Нормативно-правовые акты не дают на этот вопрос конкретного ответа. Таким образом, на наш взгляд, использование термина «верующие» в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ не соответствует практике применения данной нормы и является избыточным.

Крайне проблематичной, на наш взгляд, является категория «религиозные чувства». «Чувства» как предмет воздействия общественно-опасных действий не только являются несвойственными уголовному законодательству, но и в целом не используются как легальная категория в отечественной системе права. Сам этот факт доказывает отсутствие какого-либо

правового определения данного термина. В доктрине понятие «религиозных чувств» также не раскрывается на должном уровне. Так, Г. В. Рева и Т. А. Цергой предлагают понимать под религиозными чувствами «психоэмоциональное отношение верующих к сакральным понятиям, святыням, персонам, местам, друг к другу и к себе, а также к религиозно воспринимаемым явлениям природы и к миру в целом» [Рева, Цергой 2017: 96]. Как уже было сказано ранее, религиозные чувства, на наш взгляд, являются именно предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, так как именно они подвергаются негативному воздействию в связи с оскорбительными действиями субъекта преступления. Справедливым, на наш взгляд, является предположение о том, что душевное состояние, возникающее у верующего в результате оскорбления его религиозных чувств, соответствует состоянию, попадающему под правовые определения морального вреда. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 №4 под моральным вредом следует понимать: «нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина». В Уголовно-процессуальном Кодексе РФ не существует четких норм, указывающих на то, кто и каким образом должен оценивать степень морального вреда. Гражданский Кодекс РФ в п. 2 ст. 1101 закрепляет, что «характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего». Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что моральный вред может быть причинен только конкретному потерпевшему (конкретным потерпевшим). Верующие, как отмечалось ранее, являются социальной группой, состоящей из лиц, по-разному относящихся не только к общественным явлениям и ситуациям, но и к одним и тем же религиозным догматам и представлениям. Следовательно, невозможно предположить, что оскорбительные действия могут причинить разным верующим одинаковый моральный вред. Кроме того, состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, является формальным, т. е. общественно-опасные последствия могут и не наступить вообще. Анализ судебной практики также демонстрирует, что круг потерпевших или конкретный потерпевший не всегда фигурирует в деле. Иными словами, основная проблема термина «религиозные чувства» в контексте уголовно-правового законодательства заключается в том, что представляется невозможным его применение к социальной группе верующих, придерживающихся разных воззрений даже в рамках одного учения и, соответственно, имеющих разные «религиозные чувства».

Наиболее «понятным» термином диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ для уголовного права является категория «оскорбление». В первой редакции УК РФ состав оскорбления содержался в ст. 130 УК РФ и выражался в унижении чести и достоинства другого лица, выраженном в неприличной форме. В настоящее время данный термин «перекочевал» в КоАП РФ и содержится в ст. 5.61 КоАП РФ. Оскорбление в нем трактуется как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме». Особенностью обеих статей является то, что оскорбление предполагает наличие конкретного потерпевшего – физического лица, обладающего такими «характеристиками», как честь и достоинство. Очевидно, что применение категории «оскорбление» к столь большой социальной группе, как верующие, представляется дискуссионным и, по сути, противоречащим самой сущности оскорбления как правонарушения. Интересным представляется мнение Д. А. Казанцева, который указывает на то, что: «[в контексте использования категории «оскорбление» в ч. 1 ст. 148 УК РФ] речь идет о действиях, связанных со святотатством (осквернением догматов, религиозной святыни и пр.) и (или) кощунством (язвительными насмешками, издевательствами, неуважением к правилам жизни или обрядам той или иной религии)» [Казанцев 2019: 37]. Очевидно, что легального определения понятия «осквернение» в нормативно-правовых нормах не приводится (хотя данный термин применяется как одно из альтернативных действий, предусмотренных объективной стороной состава правонарушения, описанного в ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ). С. Н. Астапов в своей работе приводит следующее толкование «осквернению»: «...осквернение в самом общем смысле – это совокупность нарушающих религиозные нормы действий, направленных на репрезентации сакрального» [Астапов 2017: 10]. Следует ли из этого, что понятия оскорбления и осквернения в данном случае синонимичны? Анализируя сущность самой статьи и существующую судебную практику, можно сказать, что это так. В доказательство наших слов обратимся к конкретному делу. Ш. и К. вечером 22 сентября 2015 года пришли к поклонному кресту и повесили на него самодельное чучело с оскорбительной надписью. С точки зрения следствия, осужденные «пренебрежительно относились к православной вере, преследовали цель надругаться над почитаемой верующими религиозной святыней. Справедливо отметить, что деяния Ш. и К. в целом не полностью отвечали признакам объективной стороны, описанной в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ. В частности, в преступлении не наблюдается признака публичности (свое деяние осужденные совершали поздно ночью), отсутствует потерпевший (в тексте приговора нет ни одного упоминания о потерпевших по данному делу). На наш взгляд, выбор законодателем термина «оскорбление» в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ был обусловлен необходимостью формирования отдельного уголовно наказуемого деяния, не связанного преюдициальностью с ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, предполагающей административную ответственность за умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания. В то же время мы полагаем, что применение термина «осквернение» гораздо лучше отражает сущность противоправного деяния, указанного в ч. 1 ст. 148 УК РФ, т. к. он представляется более понятным как для правоприменителя (а именно для экспертов-религиоведов), так и для общества.

Анализируя проблематику ч. 1 ст. 148 УК РФ, хотелось бы также акцентировать внимание на неоднозначности термина «публичные действия». Как такового понятия публичности в нормативных актах не содержится. Наиболее приближенным к анализируемому термину является определение публичных призывов, трактуемых законодателем как выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской (соответственно, террористической) деятельности. Следовательно, мы можем

сделать вывод о том, что публичные действия предполагают совершение противоправных действий, направленных на неограниченный круг лиц. Таким образом, количество лиц не будет иметь значения: противоправные действия (указанные в ч. 1 ст. 148 УК РФ) в общественном месте будут образовывать состав при фактическом отсутствии потерпевших [Алмакаев 2017: 337]. Однако необходимо отметить, что в эпоху глобализации и информатизации общества под пространствами, считающимися публичными, справедливо понимают и различные интернет-платформы. Публичность в социальных сетях обеспечивается за счет открытого доступа к большинству серверов, на которых публиковались материалы оскорбительного содержания. Так, блогер С., осужденный по ч. 1 ст. 148 УК РФ, публиковал свои видео, в которых в резких выражениях критиковал религию и использовал игры с дополненной реальностью в храме, на открытом для всех пользователей Youtube-канале. Публичность в данном случае формировалась за счет неограниченного допуска граждан, принадлежащих к различным социальным группам, к роликам блогера. Следовательно, публикация оскорбительных материалов в интернет-пространстве полноценно отвечает характеристике публичности, упоминаемой в УК РФ. Тем не менее, практика показывает, что признак публичности иногда воспринимается правоприменителями как факультативный. Например, в указанном нами ранее деле К. и Ш. признак публичности не был соблюден, т. к. мужчины прибывали чучело поздней ночью, во время, когда, как предполагается, на улицах нет людей. Иными словами, публичность как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, не всегда работает при реальном использовании данной нормы на практике. На наш взгляд, подобное отношение правоохранительных органов является некорректным, т. к. прямое толкование диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ не дает оснований расценивать публичность как факультативный признак рассматриваемого преступления.

Наконец, не менее значимым признаком состава, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, является «неуважение к обществу» как характеристика преступного действия. Если указанное выше «оскорбление» существовало в уголовном праве в прошлом, то «неуважение к обществу» до сих пор присутствует в уголовном законе, а именно в диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ (хулиганство). В отличие от иных рассмотренных нами категорий, сущность «неуважения к обществу» раскрывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 N 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», где оно толкуется как «умышленное нарушение общепризнанных норм и правил поведения, продиктованное желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним». Основным вопросом, возникающим при анализе применимости данного признака в контексте ч. 1 ст. 148 УК РФ, является вопрос о том, всякое ли действие, оскорбляющее религиозные чувства верующих, обязательно выражает неуважение к обществу? Обратимся к судебной практике: преподаватель Оренбургского государственного медицинского университета Л. в 2013 году выложил на своем сайте статью некоего «окультиста Белозерского». Статья с вызывающим названием «Злой Христос» носила ярко выраженный антирелигиозный характер и в частности агрессивные эпитеты в сторону христианства. В статье «окультист» в весьма жесткой форме отзывался о личности Иисуса Христа, называя последнего не иначе, как «убийцей», «богом-карателем» и «тираном». В данном случае Л. выложил на своем личном сайте статью, в которой были изложены мысли, разделяемые самим Л. Очевидно, что текст статьи содержал материалы, которые носили оскорбительный характер для лиц, разделяющих христианские ценности, но при этом верующие христиане являются лишь частью общества и, возможно, вовсе не являлись «окружающими» для Л. Уголовное дело в отношении Л. было возбуждено по результатам проверки местного центра по борьбе с экстремизмом, следовательно, сложно предположить, сколько конкретно верующих лиц или людей в целом ознакомились с содержанием данной статьи, что в свою очередь не дает возможности в должной мере оценить, насколько общество «пострадало» от действий Л. И все-таки, является ли использование элемента «хулиганской» статьи УК РФ в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ оправданным? Мы полагаем, что да, и обуславливается это социально-культурными причинами. Исторически сложилось, что религия как институт всегда играла значительную роль в развитии нашего государства. По данным фонда «Общественное мнение», в 2023 году 72% процента граждан РФ относят себя к верующим. Иными словами, в настоящее время вера и религия остаются значимыми институтами и ценностями для российского общества. Именно поэтому действия, выражающие явное желание оскорбить тех, кто разделяет религиозные ценности, или сами религиозные ценности, чаще всего воспринимаются как попытка негативно противопоставить себя большинству. Все это вполне вписывается в толкование «неуважения к обществу», приводимое Верховным Судом РФ, и использование данного термина в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ представляется обоснованным.

Подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что оценочные категории в ч. 1 ст. 148 УК РФ в значительной степени затрудняют применение данной нормы на практике. В основном это объясняется неполным представлением как законодателя, так и правоприменителя о тех терминах, которые используются в анализируемой норме. Одним из возможных способов преодоления данной проблемы является введение нормативного толкования указанных нами терминов в Федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях», т. к. именно этот нормативно-правовой акт содержит в себе положения, прямо касающиеся религии как института, подконтрольного праву. Иным допустимым вариантом решения указанной проблемы является принятие соответствующего постановления пленума Верховного Суда РФ, т. к. на данный момент существует достаточный массив судебной практики по ч. 1 ст. 148 УК РФ, на основе которой вполне реально сформировать некоторые определения, способные облегчить работу правоохранительных органов при применении данной статьи УК РФ. В то же время мы не разделяем мнения некоторых правоведов относительно возможной декриминализации ст. 148 УК РФ. Мы справедливо полагаем, что верующие и религия нуждаются в достойной правовой защите со стороны государства, но нормы, направленные на данную защиту, должны быть составлены грамотно и с учетом всех норм и правил юридической техники.

Литература

- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) / Собрание законодательства РФ. 03.07.2020. № 31. Ст. 4412.
- Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" от 26.09.1997 N 125-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации от 29 сентября 1997 г. N 39 ст. 4465
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.03.2023) / СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954; СЗ РФ. 2022. №48. Ст. 8313.
- Клинецкая Н. В. Религиозность молодежи в современной России / Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2004. – №4. – С. 75-86
- Зимаков И. П. К вопросу об уголовно-правовом значении верующего при нарушении права на свободу совести / Скиф. – 2021. – №12 (64). – С. 95-99
- Рева Г. В., Цергой Т. А. Концепт понятия оскорбление религиозных чувств в социальном пространстве современности / Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2017. – № 4. – С. 95-100.
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 20.12.1994 "Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда" (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007, N 6). URL: <http://www.consultant.ru>
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ / Собрание законодательства РФ. - 03.12.2001. - № 49. - ст. 4552.
- Казанцев Д. А. К вопросу об уголовно-правовой охране религиозных чувств верующих / Российский следователь. – 2019. – № 9. – С. 36-40.
- Астапов С. Н. Осквернение сакрального: казус "Тангейзера" / Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. – 2017. – № 3 (1). – С. 6-17
- Алмакаев Р. Н. Признак публичности в уголовном законодательстве: краткий анализ / Молодой ученый. – 2017. – № 11 (145). – С. 335-338.

References

- The Constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote 12.12.1993). The Collection of the Legislation of the Russian Federation. 03.07.2020. No. 31. Art. 4412 (in Russian).
- Federal law of 26.09.1997 № 125-FZ "On freedom of conscience and religious associations". The Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1997. № 39. Art. 4465 (in Russian).
- Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 21.03.2023). SZ RF. 1996. №25. Art. 2954; SZ RF. 2022. №48. Art. 8313 (in Russian).
- Klinetskaia, N. V. (2004). Religiosity of the youth in modern Russia. Vestnik of Saint Petersburg University International Relationships, 4, 75-86 (in Russian).
- Zimakov, I. P. (2021). To the question of the criminal-legal purpose of a believer in violation the right to freedom of thought. Skyph, 12 (64), 95-99 (in Russian).
- Reva, G. V., Tsergoi, T. A. (2017). Concept of the notion of insulting religious feelings in the social space of modernity. Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologiceskogo universiteta, 4, 95-100 (in Russian).
- Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 of 20.12.1994 "Some issues of the application of legislation on compensation for moral damage" (ed. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.02.2007, N 6). Available from: <http://www.consultant.ru> (in Russian).
- The Civil Code of the Russian Federation (Part Three): Federal Law No. 146-FZ dated 26.11.2001. The Collection of the Legislation of the Russian Federation. - 03.12.2001. - No. 49. - Article 4552 (in Russian).
- Kazantsev, D. A. (2019). On the criminal law protection of religious feelings of the faithful. Russian Investigator, 9, 36-40 (in Russian).
- Astapov, S. N. (2017). Desecration of the sacral: the "Tannhäuser" case. South Pole. Investigations of the modern west philosophy, 3 (1), 6-17 (in Russian).
- Almakayev, R. N. (2017). Feature of publicity in criminal law: short analyze. Moluch, 11 (145), 335-338 (in Russian).

Citation:

Боженова А. А., Ерахмилевич В. В. Оценочные категории диспозиции ч. 1 ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» УК РФ // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 98-102.

Bozhenova A. A., Erahmichev V. V. (2025) The Evaluation Categories in the Disposition of Part 1 of Article 148 of Criminal Code of Russian Federation "Violation of Freedom of Worship". Legal Linguistics, 37, 98-102.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Манипулятивная форма общения как один из способов совершения телефонного мошенничества

Л. Ю. Кирюшина

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: love-kiryushina@yandex.ru

В статье рассматривается манипулятивная форма общения как один из способов совершения телефонного мошенничества. Проанализированы способы манипуляции. Выявлены психологические предпосылки поведения потерпевших. Рассмотрены отдельные манипулятивные уловки, которые используют преступники, совершающие такие преступления. В статье рассматриваются языковые клише, используемые преступниками. Эти и другие обстоятельства требуют разработки новых приемов, направленных на разработку новых способов профилактики.

Ключевые слова: манипулятивная форма общения, психологические установки, телефонное мошенничество.

Manipulative Communication Style as a Way to Commit Phone Fraud

L. Yu. Kiryushina

Altai State University

61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: love-kiryushina@yandex.ru

The article considers manipulative communication style as one of the ways to commit phone fraud. The methods of manipulation are analyzed. The psychological prerequisites of the victim behavior are revealed. Some manipulative scams are considered, which are used by criminals who commit such crimes. The article examines the language clichés used by criminals. These and other require the development of new techniques aimed at devising new ways of prevention.

Key words: manipulative communication style, psychological attitudes, phone fraud.

Общение является неотъемлемой частью жизни человека, но современные технологии требуют новых подходов к восприятию и сохранению информации, полученной с помощью интерактивных форм общения, в том числе и с использованием средств сотовой связи.

Как показывает неутешительная практика, несмотря на всевозможные меры по профилактике, предпринимаемые сотрудниками правоохранительных органов, представителями СМИ, общественными организациями и волонтерами, по-прежнему появляются все новые способы совершения мошенничества, в том числе и с использованием средств сотовой связи, сети Интернет и т. д.

Все больший круг лиц оказывается в статусе потерпевших от различного рода мошенничества, в том числе и с использованием средств сотовой связи. Если всего несколько лет назад потерпевшими преимущественно становились пожилые лица (пенсионеры), то в последние годы существенно снизился возраст и все более и более молодые люди становятся потерпевшими. Есть среди лиц, пострадавших от действий мошенников, и очень образованные люди (например, по одному из уголовных дел о мошенничестве потерпевшим стала доктор филологических наук), публичные личности и очень любимые зрителями (например, певицы и актрисы, о чем достаточно подробно сообщалось в центральных СМИ).

Такая ситуация, связанная с расширением способов и средств для совершения подобных преступлений, а также существенное расширение круга лиц, которые обладают значительной долей виктимности (предрасположенности стать жертвой преступления), требует не столько разработки приемов, направленных на профилактику, сколько выявления причин такой виктимности потерпевших. Появляются новые способы совершения таких преступлений, в основе которых лежат особые способы и виды общения с потерпевшими.

Важно отметить, что само слово «манипуляция» воспринимается людьми настороженно. Авторы учебника под редакцией В. Н. Лавриненко задаются оправданным вопросом: ну кому же понравится выглядеть марионеткой в руках ловкого и умелого манипулятора? Также справедливо отмечается, что манипуляции воспринимаются нами как покушение на самостоятельность и самооценку личности [Лавриненко 2007: 294]. Можно согласиться с мнением, что это этически

неприемлемо. Однако именно манипуляция как способ общения становится одним из самых распространенных способов совершения преступлений, с которыми приходится сталкиваться сотрудникам правоохранительных органов при их расследовании.

В рамках данной статьи представляется целесообразным остановиться более подробно на рассмотрении некоторых манипулятивных уловок как особого способа общения, которые используют мошенники при совершении преступлений с использованием средств сотовой связи.

В литературе можно встретить яркие примеры, когда манипуляция в общении воспринимается нами этически и морально оправданной и допустимой в процессе общения. Так, например, никто не станет осуждать родителей, которые переключают внимание раскапризничавшегося ребенка на новую игрушку [Лавриненко 2007: 294].

О манипуляции как о негативном явлении мы можем говорить в тех случаях, когда манипулятивные приемы те или иные лица начинают использовать для извлечения односторонних преимуществ. Целью становится не благо объекта манипуляции, а получение собственной выгоды за счет последнего. Манипулирование в процессе общения можно рассматривать как скрытое (неосознаваемое объектом манипуляции) психологическое воздействие на человека, меняющее его поведение в направлении, которое выгодно только манипулятору либо обеспечивает ему различные преимущества (как материальные, так и нематериальные).

Можно выделить три основные черты, которые характеризуют психологическое манипулятивное воздействие, и, полагая, являются его признаками, позволяющими отличить от иного вида общения, и выступают способом совершения телефонного мошенничества:

- 1) осуществляется в неявной, т. е. в скрытой для адресата форме, когда потерпевший не осознает такое воздействие;
- 2) чаще всего провозглашается какая-либо привлекательная, субъективно-значимая для объекта цель;
- 3) субъект манипуляции (тот, кто манипулирует, манипулятор; в данном случае телефонный мошенник) стремится получить некие односторонние преимущества за счет своего партнера по общению – потерпевшего.

Поэтому телефонные мошенники, используя манипуляцию как особую форму общения в качестве способа совершения преступления, очень быстро находят психологическое и коммуникативное слабое место у потерпевшего. Справедливо отмечается, что манипуляция предполагает игру на человеческих слабостях, так называемых «мишенях воздействия» [Кибанов 2003: 212].

В числе таких «мишеней» могут выступать чувство собственного достоинства, общение, профессиональная квалификация, гарантии материального и социального благополучия, социальный статус и т. д.

Манипулятор выстраивает свое общение с потерпевшим таким образом, что потерпевший не хочет выглядеть в глазах других людей нерешительным, неумным, некомпетентным, неосведомленным, трусом, слабовольным и прочее. Напротив, потерпевший стремится показать себя достойным человеком, получить похвалу, проявить свою компьютерную грамотность и владение современными технологиями. Необходимо учитывать, что манипулятивное воздействие всегда направлено на побуждение человека к совершению определенного действия, которое совершается под влиянием внезапно возникающих эмоций. Как справедливо отмечают исследователи, эмоции не просто «сопровождают», «контролируют» взаимоотношения между сознанием человека и миром, поскольку их роль глубже и значительнее [Гавло, Ключко, Ким 2006: 48]. Важно отметить, что эмоции выступают главным средством оценки уровня эффективного взаимодействия индивида с внешней средой.

Одной из особенностей такого способа манипулятивного общения выступает то, что мишенями воздействия практически всегда выступают устойчивые, шаблонные, стереотипные навыки и привычки восприятия, мышления, поведения и т. д.

Результаты исследований психологов показывают, что социальная тревожность и фобия – это не просто страх относительно социальных обстоятельств, он локален, исходит из сформированного образа ситуации, относится к конкретному виду ситуаций и в качестве пускового механизма имеет негативный опыт удовлетворения значимого мотивационно-потребностного комплекса. Страх потерять значимые для человека условия жизни (для которых типичный способ удовлетворения потребностей является оптимальным) заставляет его испытывать мучительные переживания и бояться тех или иных событий и последствий. Так, согласно концепции «выученной беспомощности» М. Селигмана, люди ценят сильное чувство внутреннего контроля и пытаются избежать ситуаций, которые они не могут контролировать. Основным способом реагирования на тревожащую ситуацию является попытка восстановления контроля [Сагалакова 2004: 62-63].

Мошенники, воздействуя на потерпевших по телефону, всегда выбирают такую мишень, заранее продумывая стереотипное поведение и шаблонную реакцию. Если реакция потерпевших не соответствует предполагаемому шаблону или стереотипу, то общение завершается. Потерпевшими, как показывает практика, становятся лица с прочными социальными, психологическими, нравственными и поведенческими установками.

В данном контексте под установкой мы можем понимать состояние готовности к определенному типу поведения в различных ситуациях [Кирюшина 2011: 45]. Именно такая готовность освобождает индивида от необходимости контролировать свои действия в стандартных ситуациях, используя предыдущий жизненный опыт [Кирюшина 2011: 45].

Общие, дифференцированные, смысловые, целевые, операционные установки позволяют вырабатывать манипулятивные уловки, воздействующие на потерпевших при совершении преступления.

Общие установки возникают в отношении больших классов явлений.

Дифференцированные установки (фиксированные) возникают по отношению к отдельным объектам.

Смысловые установки позволяют определить личностный смысл конкретных объектов или явлений, готовность действовать определенным образом по отношению к значимому объекту. В сложной, экстремальной обстановке (ситуации) смысловые установки начинают доминировать, особенно те, которые сформировались у индивида в значимой (референтной) для него среде.

Целевые установки в некоторых случаях приводят к ригидности и негибкости поведения, обеспечивая устойчивую направленность действий (поступков) индивида, и провоцируют его к завершению действий при любых условиях и при любых обстоятельствах.

Операционные установки позволяют совершать действия определенными способами, последовательной системой операций с использованием привычных для индивида средств.

Полагаем, что именно такие установки в условиях манипулятивного воздействия заставляют потерпевшего действовать без лишних размышлений. Такие когнитивные процессы, как мышление, внимание, восприятие и даже память, не функционируют в должной мере, позволяющей своевременно распознать манипулятивную уловку, которую используют телефонные мошенники. Действия, осуществляемые потерпевшими, становятся стереотипными, лишёнными рефлексивного продумывания.

Как справедливо отмечается авторами учебника под редакцией В. Н. Лавриненко, стереотипы сильно упрощают жизнь. К тому же они необходимы, поскольку позволяют принимать множество практических решений без раздумий, не тратя дефицитного времени [Лавриненко 2007: 295].

Как мы знаем именно дефицитом времени характеризуется профессиональная деятельность представителей многих профессий, кроме того, выполнение таких бытовых обязанностей, как встретить ребенка из школы, забрать из детского сада и т. п., создают определенный дефицит времени и тех лиц, которые уже не работают, а находятся на пенсии. Тем бабушкам и дедушкам, которые становятся потерпевшими, мошенники звонили именно в тот временной промежуток, когда от них требовалось выполнение каких-то обязанностей, связанных с ограничением времени.

Дефицит времени является в таких случаях особой формой манипуляции, которую можно назвать манипулятивной уловкой. Манипулятор, используя дефицит времени, который может быть в данный жизненный момент у потерпевшего, создает еще один дефицит времени, тот, за который человеку необходимо принять важное решение, при отсутствии которого потерпевший, со слов манипулятора, лишится материальных или нематериальных благ.

Как отмечает Т. В. Дубинина, вступая в общение, человек в первую очередь обращает внимание на своего партнера по общению, а именно, насколько интересно партнеру то, о чем идет разговор; удобно ли ему; насколько партнеру интересен именно я и т. д. [Дубинина 2004: 126].

Искусственное создание дефицита времени лишает объект манипуляции – потерпевшего – возможности продумать все возможные варианты решения проблемы, о которой сообщает манипулятор.

Именно целевая установка, о которой говорилось выше, способствующая возникновению ригидности и негибкости поведения, обеспечивающая устойчивую направленность действий (поступков) потерпевшего, приводит к тому, что потерпевший стремится выполнить действия лиц, которых он считает авторитетнее, умнее, квалифицированнее и т. д. Например, выполнить какие-либо действия, которые со слов сотрудника банка необходимо выполнить, чтобы мошенники не смогли воспользоваться денежными средствами потерпевшего; указания следователя, который сообщает о каких-либо действиях преступников и сообщает, какие именно действия должен осуществить человек, чтобы предотвратить негативные последствия; сотрудник Центробанка РФ сообщает, какие именно действия необходимо выполнить, чтобы сохранить денежные средства, поскольку сотрудники отделения банка в данном городе пытались незаконно завладеть денежными средствами клиента и т. д.

Именно предлагаемые мошенниками в условиях дефицита времени действия провоцируют потерпевшего к завершению действий при любых условиях и при любых обстоятельствах, что характерно для целевых установок.

Манипулятивные способы общения с потерпевшими активно воздействуют и на такой вид установок, как операционные, которые способствуют совершению действий в пользу преступников. На основании данного вида установок потерпевший стереотипно совершает определенную последовательность действий в соответствии с ранее сформированными шаблонами. Например, позвонить, перевести, сообщить код, пароль и т. д., поскольку довольно часто лица, которые стали потерпевшими от преступлений данного вида, обращались за помощью к сотрудникам банка, МФЦ, фонда социального страхования и т. п. с целью поменять или восстановить пароль и сообщали сотрудникам государственных или муниципальных органов подобную информацию. После того как человек называл «код», «четыре цифры», «пароль» сотруднику организации, куда он обратился, происходила успешная операция, успешная смена логина или пароля и т. д., а именно успешное решение вопроса и устранение проблемы, с которой человек обратился. Таким образом, на протяжении определенного промежутка времени у человека формировалась подобная операционная установка и, когда мошенники начинали свое манипулятивное воздействие, потерпевший начинал действовать в соответствии с ней.

Мошенники для достижения преступной цели в процессе манипулятивного общения с потерпевшими активно используют и опираются на целевые установки индивида. Как было сказано выше, именно они, как правило, довольно часто приводят к ригидности и негибкости поведения. Как отмечают психологи, ригидность определяют как негибкость и пониженную способность индивида к изменению ранее сформированной программы, жесткость, неизменяемость ранее занятой позиции [Еникеев 2003: 384].

Таким образом, можно сделать вывод, что ригидным принято называть непластичного человека, не умеющего перестраиваться, т. е. учитывать в своем поведении изменения ситуации и обстоятельств.

Целевые установки у такого человека обеспечивают устойчивую направленность действий (поступков) и провоцируют его к завершению действий при любых условиях и при любых обстоятельствах. Именно с этим связано доведение до конца всех действий, которые навязываются манипулятором. Действие по указанному алгоритму связано с отсутствием пластичности мышления, которая свойственна конкретному человеку, который привык действовать по указанной схеме в указанном направлении.

Другой психологической и поведенческой особенностью ригидных личностей, как отмечает М. И. Еникеев, является не только негибкость, но и прямолинейность, неспособность общаться с окружающими, понять точку зрения других людей,

грубость и бесцеремонность – универсальный стиль общения с окружающими ригидных личностей. Другой, не менее характерной особенностью ригидной личности является честолюбие, потребность в постоянном подтверждении собственной значимости, завышенная самооценка. Полагаем, что именно такие психологические особенности потерпевших способствуют тому, что человек не сомневается в правильности принимаемых, как ему кажется, им самим решений. Но именно эта кажущаяся самостоятельность принимаемых решений и является одним из признаков манипулятивного способа общения, который мы называли ранее и определили как неявную для адресата форму.

Навязанный манипулятором стиль общения заставляет потерпевшего считать свои действия правильными, оправданными и, самое главное, самостоятельными.

Важно отметить одну из важнейших особенностей такого манипулятивного способа общения, как особое эмоциональное воздействие, поскольку контакт осуществляется без визуального контакта. Как известно, до 60-70% информации о партнерах по общению человек получает по внешним, непосредственно наблюдаемым особенностям их поведения: по мимическим, пантомимическим, темпоритмическим, вокально-интонационным характеристикам. Однако отметим, что далеко не все преуспевают в «чтении» других людей [Кирюшина 2011: 45].

При этом общение с потерпевшими по телефону происходит настолько эмоционально, что оно в полной мере компенсирует отсутствие невербальных способов общения. Мошенники используют стандартные языковые клише, которые вводят потерпевших в особое эмоциональное состояние. Язык, по справедливому наблюдению исследователей, необходимо рассматривать как самоорганизующуюся, коммуникативную систему, развитие которой подобно развитию живого организма. Именно язык, как отмечает С. К. Гураль, – это саморегулирующее, самопорождающее и самодостаточное явление, но вместе с тем и социальное образование, отражающее быт и нравы его носителей [Гураль 2007: 32-33]. Именно благодаря использованию особых языковых клише мошенникам удается сформировать у потерпевших от телефонного мошенничества особое эмоциональное состояние.

К числу таких наиболее распространенных языковых клише, к которым прибегают мошенники для достижения своих целей, можно отнести следующие:

- 1) это в Ваших интересах;
- 2) никому не сообщайте, это может привести к непоправимым последствиям;
- 3) необходимо предпринять меры, как можно скорее, чтобы спасти Ваши сбережения (вклады, безопасность близких и т. д.);
- 4) Ваша карта (счет, вклад) будет заморожен, если Вы немедленно...
- 5) с Вашей карты (вклада, счета) происходят списания, в настоящий момент необходимо срочно приостановить операции и т. д.

Также происходит запугивание потерпевших не только потерей денежных средств, но и возможной уголовной ответственностью за какие-либо действия, которые якобы совершаются со вклада (счета, карты и т. д.) потерпевшего.

Согласно концепции американского психолингвиста Ноама Хомского, в мозге человека имеются специфические структуры, отвечающие за усвоение основных атрибутов речи. Человек, как отмечают исследователи, наиболее эмоциональный из всех живых существ. При этом именно он обладает в высшей степени дифференцированными средствами внешнего выражения эмоций и широким разнообразием внутренних переживаний [Блум, Лейзерсон, Хофстедтер 1988: 135]. Важно отметить, что эмоциональная жизнь человека настолько многообразна потому, что лимбическая система связана с корой больших полушарий и лобные области ассоциативной коры в высшей степени развиты. Именно благодаря высокому развитию коры человек обладает большой способностью к запоминанию и абстракции. Вот почему, как отмечают Ф. Блум, А. Лейзерсон, Л. Хофстедтер, мы можем испытывать сильный гнев при одной мысли о несправедливости или стыдиться того, что наше поведение не соответствует некоторым культурным стандартам [Блум, Лейзерсон, Хофстедтер 1998: 135]. Не только страхом, но и сильным внезапным гневом, вызванным такой несправедливостью, как потеря денежных средств, которые с большим трудом накапливались в течении длительного времени, осознание несправедливости, вызванной угрозой уголовной ответственности за действия, которые человек не совершал, можно объяснить такие сильные эмоции, которые начинают управлять поведением потерпевших при совершении мошенниками преступлений по средствам сотовой связи.

Полагаем, что изучение способов совершения мошенничества с использованием средств сотовой связи, психологических особенностей потерпевших, влияние эмоций на принимаемые решения и совершаемые действия, а также тех языковых конструкций, которые используют мошенники при совершении преступлений, позволит выработать эффективные способы профилактики подобных преступлений.

Литература

- Лавриненко В. Н. Психология и этика делового общения. М., 2007.
- Кибанов А. Я., Захаров Д. К., Коновалова В. Г. Этика деловых отношений. М., 2003.
- Гавло В. К., Ключко В. Е., Ким Д. В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты : монография. Барнаул, 2006.
- Сагалакова О. А. Социальная фобия: психосемантический анализ устойчивых алгоритмов реагирования на социальные ситуации / Сибирский психологический журнал. - 2004. - №19. - С. 62-70.
- Кирюшина Л. Ю. Юридическая психология. Барнаул, 2011.
- Дубинина Т. В. Экология взаимодействия в практической психологии / Сибирский психологический журнал. - 2004. - №19. - С.125-131.
- Еникеев М. И. Общая, социальная и юридическая психология. СПб., 2003.
- Кирюшина Л. Ю. Деловое общение. Барнаул, 2011.

Гураль С. К. Язык как процесс и как саморазвивающаяся система / Вестник Томского государственного университета. – 2007. – №298. – С. 32-36.

Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение: Пер. с англ. М., 1988.

References

Lavrinenko, V. N. (2007). Psychology and ethics of business communication. Moscow (in Russian).

Kibanov, A. Ya., Zaharov, D.K., Konovalova, V.G. (2003). Ethics of business relations: a monograph. Moscow (in Russian).

Gavlo, V. K., Klochko, V. E., Kim, D. V. (2006). Forensic investigation situations: psychological and criminalistic aspects: a monograph. Barnaul (in Russian).

Sagalakova, O. A. (2004). Social Phobia: The psychosemantic analysis of steady algorithms of reaction to social situations. Siberian psychological magazine, 19, 62-70 (in Russian).

Kiryushina, L. Yu. (2011). Law psychology: a monograph. Barnaul (in Russian).

Dubinina, T. V. (2004). Ecology of interaction in practical psychology. Siberian psychological magazine, 19, 125-131 (in Russian).

Enikeev, M. I. (2003). General, social and legal psychology. Saint Petersburg (in Russian).

Kiryushina, L. Yu. (2011). Business communication: a monograph. Barnaul (in Russian).

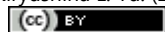
Gural, S. K. (2007). Language as a process and self developing system. Vestnic Tomsk State University, 298, 32-36 (in Russian).

Bloom, F., Lazerson, A., Hofstadler, L. Brain, Mind, and Behavior: a monograph. Moscow (in Russian).

Citation:

Кирюшина Л. Ю. Манипулятивная форма общения, как один из способов совершения телефонного мошенничества // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 103-107.

Kiryushina L. Yu. (2025) Manipulative Communication Style as a Way to Commit Phone Fraud. Legal Linguistics, 37, 103-107.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Криминальный сюжет и судебная риторика в произведениях А. П. Чехова: соотношение лингвистических особенностей художественного текста и уголовно-правового аспекта

И. С. Кузнецова

*Сибирский институт бизнеса и информационных технологий
ул. 24-я Северная, д. 196/1, 644116, Омск, Россия. E-mail: zaks_83@mail.ru*

Цель данной научной статьи заключается в исследовании специфики отражения криминальных сюжетов и элементов судебной риторики в художественном творчестве Антона Павловича Чехова. Основное внимание уделяется выявлению взаимосвязей между лингвистическими особенностями чеховского текста и уголовно-правовыми аспектами изображаемых ситуаций. Анализируется, каким образом авторская манера изложения, использование языковых средств и стилистические приемы способствуют созданию образа преступления и процессуальной реальности, формируя уникальную интерпретацию юридических понятий и правовых норм в литературном пространстве произведений Чехова. Отмечается роль биографического контекста в произведениях писателя криминальной направленности, значение поездки на остров Сахалин с целью изучения Чеховым уголовно-правовой системы России конца XIX – начала XX века и отражение индивидуального авторского восприятия правовой картины мира, включающей в себя все отрасли права. Делается вывод о том, что разнообразные художественные средства и лингвистические приемы, используемые Чеховым в криминальных рассказах и повестях, помогают объяснить причины зарождения идеи о преступлении, описать характеры и мотивы героев, виды совершаемых преступлений, а также показать неотвратимость наказания в виде нравственного или правового суда.

Ключевые слова: криминальный сюжет, проблематика художественного произведения, судебная риторика, лингвистика текста, уголовно-правовая система.

Criminal Plot and Judicial Rhetoric in the Works of A. P. Chekhov: The Relationship between Linguistic Features of a Literary Text and the Criminal Law Aspect

I. S. Kuznetsova

*Siberian Institute of Business and Information Technology
24 North St. 196/1, 644116, Omsk, Russia. E-mail: zaks_83@mail.ru*

The purpose of this scientific article is to study the specifics of the reflection of criminal plots and elements of judicial rhetoric in the artistic work of Anton Pavlovich Chekhov. The main attention is paid to identifying the interrelationships between the linguistic features of the Chekhov text and the criminal law aspects of the situations depicted. The article analyzes how the author's manner of presentation, the use of linguistic means and stylistic techniques contribute to the creation of an image of crime and procedural reality, forming a unique interpretation of legal concepts and legal norms in the literary realm of Chekhov's works. The article highlights the role of biographical context in Chekhov's criminal-themed works, the significance of his trip to Sakhalin Island to study the Russian criminal justice system in the late 19th and early 20th centuries, and the reflection of Chekhov's individual perception of the legal worldview, which encompasses all branches of law. The article concludes that Chekhov's diverse artistic techniques and linguistic devices in his criminal stories and novels help to explain the conceiving of crime, portray the characters' personalities and motivations, and delve into the types of crimes committed, while also emphasizing the inevitability of punishment through moral or legal judgment.

Key words: criminal plot, problems of fiction, judicial rhetoric, linguistics of the text, criminal law.

А. П. Чехов известен читателю как писатель, обладающий тонким чувством юмора, мастерством раскрытия глубокой проблематики произведений через изображение повседневности жизни, психологизмом реалистического описания человеческих характеров. Однако степень изученности творчества писателя в юридической плоскости недостаточна. В разные годы он создавал произведения малых эпических жанров, в основе которых лежит так называемый криминальный

сюжет. Кроме того, научный интерес представляют тексты автора, относящиеся к судебному ораторскому искусству. Именно они и являются объектом рассмотрения в данной работе. Предметная область исследования художественных произведений криминального сюжета Чехова, а также текстов, содержащих описание судебных процессов и их участников, заключается в выявлении специфики произведений как объемных речевых высказываний писателя, структуры художественных текстов и его языковых особенностей. Цель исследования: рассмотреть лингвистические особенности произведений Чехова, основу которых составляет криминальный сюжет, в соотношении с уголовно-правовыми аспектами изображаемых ситуаций. Материалом для работы послужили рассказы Чехова и отдельные повести. Методы исследования: контекстуальный анализ, описательный метод, элементы контент-анализа.

Произведения криминальной направленности Чехова неоднократно привлекали внимание исследователей. Так, Н. В. Семенова на примере изучения рассказов «Спать хочется» и «Анна на шее» приходит к выводу об оправдании автором деструктивности финальных частей этих произведений [Семенова 2020]. Работа Е. И. Зейферт в аспекте «оправдательной» поэтики Чехова в первом из названных рассказов конкретизирует авторскую позицию по отношению к нравственно-правовым категориям преступления и наказания [Зейферт 2021]. Тема преступления, наказания и правосудия в творчестве Чехова представлена в философско-правовом аспекте в статье А. Н. Яшина [Яшин 2017]. Криминальный сюжет зачастую связан с мотивом смерти [Яковлева 2017]. Преступление как концепт описано в работе К. В. Нестеренко [Нестеренко 2015]. Исследователи творчества Чехова отмечают пародийные аллюзии в его произведениях, связанные с именем Ф. М. Достоевского [Кибальник 2015]. Нельзя не отметить биографический роман о Чехове французского писателя А. Труайя [Труайя URL]. Краткий обзор научных работ, посвященных исследованию «криминальных» произведений Чехова, свидетельствует о разнообразии подходов и точек зрения, которые дополняют друг друга в выстраивании индивидуальной авторской концепции понимания уголовно-правовой системы России конца XIX – начала XX веков.

Известно, что А. П. Чехов получил медицинское образование в Московском университете (1879-1884, медицинский факультет). В 1881-1883 годах он проходил практику в Чикинской земской лечебнице, находившейся на окраине Воскресенска (ныне – Истра Московской области). После окончания университета Чехов продолжил работу в Воскресенской больнице. Обучаясь на четвертом курсе, он пишет брату Александру: «...Кроме экзаменов (кои впрочем, еще предстоят только), к моим услугам работа на трупах» [Труайя URL]. В этот период создаются рассказы на уголовную тематику: «Случай из судебной практики», «Верб», «Вор», «Шведская спичка», повесть «Драма на охоте» и т. д. Рассмотрим некоторые из них.

Произведение «Случай из судебной практики» в публикации 1883 года в журнале «Зритель» имело подзаголовок «Уголовный рассказ». Чехов виртуозно изобразил процесс судебного заседания над мещанином Сидором Шельмецовым. Говорящая фамилия подтверждала выдвинутое обвинение в «краже со взломом, мошенничестве и проживательстве по чужому виду». Центральное место в рассказе занимает речь защитника подсудимого. Автор не назвал имени адвоката, но подчеркнул, что это был «знаменитейший и популярнейший адвокат», которого «знает весь свет. Чудные речи его цитируются, фамилия его произносится с благоговением»¹. Образ защитника, по-видимому, является собирательным. Чехов был знаком с известными юристами того времени (А. И. Урусовым, С. А. Андреевским, Н. П. Карабчевским, А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако и др.), вел переписку с некоторыми из них.

В лингвистическом аспекте представляют интерес используемые правозащитником приемы ораторского искусства, разнообразные средства выразительности, логика построения защитительной речи. Речь адвоката насыщена экспрессивной лексикой: обвиняемый «выстрадал шестимесячное предварительное заключение», его дети «протягивают ... ручки» (к представителям суда); употреблены эпитеты: «горячо любимый супруг», «дорогой отец», «его нравственные муки», гипербола: «глаза детей не высохали от слез». Также используется специальная юридическая лексика: окружной суд, скамья подсудимых, кража со взломом, мошенничество, товарищ прокурора, адвокат, судебный пристав, присяжные заседатели, обвинение. Слово героя в защиту обвиняемого наполнено восклицательными предложениями, паузами, обращениями к присяжным заседателям и стороне обвинения и завершается умолчанием и риторическим вопросом.

Чехов на примере рассказа «Случай из судебной практики» показал обратный эффект, который возымело пылкое красноречие защитника: герой признает свою вину, суд заключает его под арест. Следуя своей индивидуальной авторской манере тонкого психолога и юмориста, писатель демонстрирует отличное знание судебной системы в целом и человеческих характеров в частности.

В 1883 году в №15 журнала «Осколки» Чехов публикует рассказ «Верб», сюжет которого состоит в том, что старик Архип становится свидетелем убийства почтальона ямщиком и кражи его сумки с деньгами. В юридическом аспекте рассматриваемое произведение заставляет задуматься над такими вопросами, как наличие свидетеля уголовного преступления (убийства), кража имущества, ложные показания «потерпевшего» (героя-ямщика), пересмотр дела о преступлении, правомерность наказания. Идея произведения заключается в мысли о том, что рано или поздно преступник раскается сам либо его настигнет наказание. Главный герой постепенно сходит с ума: «По плотине гуляла тень почтальона, и он (ямщик) беседовал с ней». Явившись в полицейский участок с повинной и не добившись повторного рассмотрения дела («Преступник не найден – ну, и шабаш!»), герой принимает решение утопиться.

Отметим лингвистические особенности выражения художественной идеи рассказа «Верб». Произведение начинается и завершается с риторического вопроса. Такое кольцевое обрамление усиливает мысль автора о возмездии за совершенное преступление («И пришлось бежать от совести в воду, возмутить то именно место, где плавают поплавки Архипа»). Начало рассказа погружает читателя в мир старика Архипа, автор подробно описывает вербу, в дупло которой будет в дальнейшем спрятана ямщиком сумка с деньгами. В повествовании-размышлении автор использует приемы диалогизации речи (обращение к читателям, побуждение к действиям: «Всуньте руку в дупло, и ваша рука увязнет в черном меду»). Обращает на

¹ Рассказы «Случай из судебной практики» и «Верб» цитируются по текстам электронного ресурса URL: <https://онлайн-читать.рф/>. Источником цитирования произведений «В овраге», «В суде», «Драма на охоте», «Пари», «Спать хочется», «Шведская спичка» является электронный ресурс URL: <https://ilibrary.ru/text/>, рассказа «Убийство» – URL: <https://azbyka.ru/fiction/ubijstvo/>.

себя внимание видовременная соотнесенность глагольных форм в рассказе – чередование глаголов настоящего и прошедшего времени. Основная часть рассказа строится на диалогах героев с использованием разговорной, грубо-просторечной лексики (братец, снес, дурень, слоняться, клепаешь, дурак, мерзавцы), фразеологизмов (душа болит). Таким образом, используя различные лингвистические средства, автор ставит перед читателем вопрос не столько о юридическом правосудии, сколько о нравственном.

Рассказ «Шведская спичка» (1884 г., альманах «Стрекоза») Чехов создал как пародию на уголовные рассказы. В лингвистическом аспекте пародийность на криминальный сюжет достигается следующими средствами. Во-первых, заявлением об убийстве без предъявленных доказательств. Основанием для заявления явилась пропажа Кляузова и показания садовника Ефрема о том, что барин не выходил из спальни целую неделю. Распространение героями рассказа непроверенной информации об убийстве основано на домысле. В юридическом контексте домысел – это вывод, полученный на основе умозаключения, интуиции, а не на основе фактов. В современном законодательстве, как правило, термин «домысел» используется в судебном процессе при обсуждении дел по статьям 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации», 130 УК РФ «Оскорбление» (утратила силу) и перешла в статью 5.61 КоАП РФ, однако может соответствовать ст. 128.1 «Клевета» УК РФ. Также он применим к части определенных средств доказывания – таких, как заключения экспертов-лингвистов.

Во-вторых, описанием процедуры осмотра места происшествия. После внешнего беглого осмотра флигеля, в котором жил пропавший Кляузов, становой идет пить чай и два часа дожидается следователя. Чехов тонко отмечает комичность ситуации при некомичных обстоятельствах: «Повздыхали, поужасались, выпили по стакану чаю и пошли к флигелю». Взлом двери в спальню осуществляется без понятых (перед взломом следователь приказал всем удалиться). Герои предлагают версию пропажи «трупа» через окно, от найденной улики – шведской спички – следователь отмахнулся как от ненужной детали. Нагнетание сюжета достигается за счет нанизывания «улик»: след от колена на подоконнике, шведская спичка на полу, «следы зубов» на подушке, на улице под окном – «несколько поломанных веточек и кусочек ваты», волоски темно-синей шерсти на репейнике и т. д. Правдоподобность следственных действий подтверждается указанием следователя взять для анализа немного травы с кровью, осмотром и снятием плана местности, а также составлением протокола.

Основной сюжет в произведениях Чехова, как правило, строится на диалогах героев. В рассматриваемом рассказе наблюдается та же тенденция к диалогичности, использованию разговорной, а также эмоционально-окрашенной лексики, к коротким простым предложениям. Лингвистический интерес может представлять этимология юридических терминов: становой пристав, понятые, следователь, письмоводитель, алиби. В целях большей убедительности действий представителей органов Чехов использует слова и выражения на латинском языке: *alibi* (алиби), *non dubitandum est* (нет сомнения), *veni, vidi, vici* (пришел, увидел, победил). Финал первой части рассказа, заключающийся в аресте Псекова и Николашки и помещении их в тюрьму на двенадцать дней, может быть рассмотрен в юридическом аспекте. Герои являются подозреваемыми без существенных доказательств на то. Примечательно, что сцена допроса обоих описана автором во второй части, после заключения под стражу.

Разоблачение «преступников» происходит во второй части рассказа благодаря смекалке Дюковского, делопроизводителя и помощника следователя. Ими оказываются жена станового Ольга Петровна и живой Кляузов, которого она прятала от всех, в том числе и от мужа, в бане. Чехов как профессиональный психолог и юморист демонстрирует читателю в финале произведения абсурдность ситуации: сокрытие человека на территории, принадлежащей представителю правопорядка. Так «криминальный» сюжет по Чехову обернулся любовной интригой, выраженной фразой нашедшегося героя: «Любовь, водка и закуска!».

Произведение «Драма на охоте» (1884 г., газета «Новости дня») имело подзаголовок «Истинное происшествие», «Из записок судебного следователя». Отличает данное произведение Чехова от других его объем, жанровая специфика, сложность сюжетной линии. Автор использует довольно редкий жанр, который можно обозначить как «повесть в повести». В обрамляющей сюжетной линии главные действующие лица – редактор и судебный следователь в отставке под настоящей фамилией Камышев, в центральной – Петр Егорович Урбенин, Ольга Урбенина, его жена, и тот же следователь, но под псевдонимом Зиновьев (о значении имени Зиновьева см. в работе И. В. Алехиной [Алехина 2013]). Отдельные исследователи в своих работах рассматривают данное произведение как роман, не оговаривая аргументацию отнесения к указанной жанровой форме, также обозначают его как «интертекстуальный детектив» [Кибальник 2015: 27].

К лингвистическим особенностям данного текста отнесем детализированные портретные характеристики героев, пейзажные зарисовки в лирической стилиевой тональности, повествование от первого лица (рассказчиком трагических событий является Камышев-Зиновьев), прием нарративного настоящего, использование латинских слов и выражений (например, «*Humanum est errare*» – «человеку свойственно ошибаться»). Также повесть Чехова «отличается нарочитой «литературностью», метафоричностью и экспрессивностью слога, поэтическими «находками»: мотивы озера, «девушки в красном», духоты, хронотоп графской усадьбы, зооморфный код (Ольга – «змея», «кошка»)» [Алехина 2013: 4].

В уголовно-правовом аспекте в повести «Драма на охоте» можно рассматривать эпизод нанесения телесных повреждений рассказчиком (Камышевым-Зиновьевым) мужику во время прогулки на лодке. Сам рассказчик не помнит происходящего и узнает о скандальном случае от знакомого врача. Чехов дает точное описание повреждения, переходя с языка художественного на официально-деловой язык с применением специальной терминологии: «Рана ушибленная, повыше лба, на границе с волосистой частью...», «рана головы, проникающая до черепа». При нанесении увечья герой угрожал мужику убийством. В рамках современного законодательства описываемый эпизод можно соотнести с несколькими статьями УК РФ: ст. 115. Умышленное причинение легкого вреда здоровью, ст. 116. Побои, ст. 119. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а также ст. 5.61. Оскорбление и ст. 20.1. Мелкое хулиганство, выражающееся в нарушении общественного порядка (КоАП РФ).

Автор использует прием умолчания, повествование прерывается, ряд событий пропущен. Как отмечают исследователи творчества Чехова, «сложная структура повествования, наличие «ненадежного» нарратора, неявные способы авторского

присутствия в тексте стимулируют читательскую активность» [Алехина 2013: 4]. Провалы в воспоминаниях Зиновьева, умышленные пропуски текста заставляют внимательного читателя подозревать рассказчика. Зиновьев признается: «Все восемь лет я чувствовал себя мучеником. Не совесть меня мучила, нет!... Мучило же меня другое: все время мне казалось странным, что люди глядят на меня как на обыкновенного человека; ни одна живая душа ни разу за все восемь лет пылливо не взглянула на меня... Для человека преступного такое положение неестественно и мучительно». На вопрос редактора, догадавшегося, что убийца – автор повести об Ольге, как он убил, тот отвечает: «Убил я под влиянием аффекта... Жизнь есть сплошной аффект...». Аффективное состояние рассказчика проявляется в гневе, страхе, лихорадочном состоянии, снегаллюцинации, частичной потери памяти. Однако он осознавал последствия содеянного после пробуждения, о чем свидетельствуют его действия, ведущие следствие по ложному пути: беседа с графом, умышленно затянутый диалог с умирающей героиней, прибытие старосты и понятых утром, осмотр места происшествия по истечении времени и др.

Достоверность произошедшего и жестокость убийства подтверждаются подробным описанием протокола судебно-медицинской экспертизы. А. Маслов в статье «Третья профессия Антоши Чехонте» пишет: «Чехов предусматривает даже такую деталь, как присутствие следователя на вскрытии тела Урбениной, производимого земским врачом. Протокол составлен с соблюдением всех требований, предъявляемых к судебно-медицинским документам. Из текста видно, что автору неоднократно приходилось самому производить вскрытия, исследовать и описывать повреждения, что, хорошо знают судебные медики, требует не только теоретических, но и достаточно практических навыков. ...А. П. Чехов доносит до читателя существенные детали вскрытия, со знанием дела описывает резаные, колото-резаные... раны, не забывает установить локализацию, глубину повреждений, отметить состояние краев и рубцов раны» [Маслов 1993: 38-40].

В уголовно-правовом аспекте в «Драме на охоте» интерес могут также представлять допросы Урбенина, осмотр места происшествия через несколько дней (2-3 дня) под руководством товарища прокурора, допрос свидетеля Кузьмы. Самолюбование и безжалостность Камышева к судьбе осужденного Урбенина («Невинно страдает человек, а вы спрашиваете: «А что?»), ненависть к убитой Ольге («маленькое, гаденькое существо», которое он «добил»), отсутствие раскаяния в совершенном преступлении, презрение к «глупому» обществу, допустившему судебную ошибку, оставив на свободе настоящего убийцу, – таким мы видим героя Чехова, преступившего закон. Произведение Чехова заканчивается тонкой деталью, передающей ужас и неестественность происходящего: «Вам, я вижу, со мной душно...» (слова Камышева), ответ редактора: «Мне было душно» (психологически невыносимо находиться рядом с таким человеком).

Таким образом, главной темой повести «Драма на охоте» Чехова стала тема преступления без наказания по суду. В целях сокрытия убийства Ольги Урбениной следователь Камышев-Зиновьев не только привел дело к осуждению невинного человека (Урбенина), но и убил свидетеля (Кузьму). Оставшись на свободе, он продолжает цинично наблюдать за судьбой Петра Егоровича и графа. В произведении остро звучат вопросы ошибочного следствия, несправедливости обвинения и наказания, показан тип нераскаившегося преступника, подчеркнут драматизм ситуации, когда преступление совершает представитель уголовно-правовой системы.

В центре рассказа «В суде» (1887 г. за подписью Антон Чехов) – проблема равнодушия судебной системы к судьбе человека: герою предъявлено обвинение в убийстве своей жены, которого он не совершал. Обратим внимание на тот факт, что слова «судьба» и «суд» родственные, они относятся к одному старославянскому корню. В древнерусском языке с XI века слово «судьба» употреблялось в значении «суд, правосудие», судьбой называли Божий суд. В словаре В. И. Даля оба слова находятся в гнезде глагола «судить», отдельных словарных статей для них не приведено [Даль 1991, Т. 4: 355-356].

Все языковые средства, используемые автором для выражения идеи произведения, направлены на усиление эффекта впечатления от судебной системы как механизма: «пасмурные окна, стены, голос секретаря, поза прокурора – все это было пропитано канцелярским равнодушием и дышало холодом, точно убийца составлял простую канцелярскую принадлежность или судили его не живые люди, а какая-то невидимая, бог знает кем заведенная машинка...». Картина унылости и безысходности положения подсудимых нарисована автором с помощью эпитетов: «в один из пасмурных осенних дней», окружной суд имеет «унылый казарменный вид», «давящим камнем висится над скромным пейзажем», «внутри все сарайно и крайне непривлекательно». Поточность судопроизводства соотносится с конвейером: «К двум часам было сделано многое: двоих присудили к арестантским ротам, одного привилегированного лишили прав и приговорили к тюрьме, одного оправдали, одно дело отложили...». Движение судебной «машины» находит отражение в глаголах: замелькали, кончались, присудили, лишили, приговорили, оправдали, отложили, объявил, распорядился и др. Далее Чехов подробно показывает ход судебного разбирательства и причины, приведшие к ошибочному решению: председатель в ходе чтения обвинительного акта секретарем интересуется у коллеги о временном жилье, товарищ прокурора читает «Каина» Байрона, защитник ждет очереди выступить со скучной речью («Предстоящая речь его нисколько не волновала», поскольку она составлена «по приказанию начальства, по давно заведенному шаблону»). Перечисляя посторонние действия представителей судебной системы в процессе заслушивания дела, автор показывает их отношение к выполнению своего профессионального долга.

В последних абзацах рассказа звучит авторский голос, оценивающий ситуацию безысходности и несправедливости происходящего: эпитеты («тяжелое мгновение», «роковая случайность», «невозможная мысль»), литота («все как будто присели или стали ниже»), метафора («во всех головах мелькнула мысль», «ужас пролетел по зале невидимкой»). Писатель изобразил, как рушатся последние надежды человека на правосудие, как равнодушие губит жизни невинных людей: «Он встретил здесь совсем не то, что мог ожидать». Чехов открыто делает вывод: «...именно в этом машинном бесстрастии и кроется весь ужас и вся безвыходность его положения». Идея рассказа – не описание конкретного убийства, а изображение безжалостной, в отдельных случаях несправедливой судебно-бюрократической системы.

Рассказ «Спать хочется» опубликован в 1888 году в «Петербургской газете» №24 под псевдонимом А. Чехонте, в 1890 году напечатан в сборнике «Хмурые люди» с отредактированным финалом – убийство младенца. В этом произведении автор показывает читателю, что преступление может быть совершено в состоянии иступления, душевной и физической опустошенности, усталости, возникшей от постоянного недосыпания, приведшего к аффективному состоянию главной

героини. К концу рассказа оно усиливается: сначала раздражает звук раскачиваемой колыбели, в «наполовину уснувшем мозгу» девочки возникают разные образы, в том числе и умершего отца. Девочка все время думает о сне, предметы вокруг нее изменяют свою форму, что свидетельствует о когнитивных расстройствах психики: «И вдруг калоша растет, пухнет, наполняет собою всю комнату...». Героиня «старается глядеть так, чтобы предметы не росли и не двигались в ее глазах», «бывают минуты, когда хочется, ни на что не глядя, повалиться на пол и спать». Ребенок становится для Варьки «врагом, мешающим ей жить», «ложное представление овладевает Варькой», «ей приятно и щекотно от мысли, что она сейчас избавится от ребенка, сковывающего ее по рукам и ногам... Убить ребенка, а потом спать, спать, спать...». Безумие овладевает сознанием девочки: «Смеясь, подмигивая и грозя зеленому пятну пальцами», она совершает убийство ребенка. Исследователи отмечают: «Чехов отодвигает событие убийства в самый финал произведения: если бы он сообщил об убийстве сразу (как в криминальной статье), то читателю было бы трудно не осуждать Варьку» [Зейферт 2021: 46]. «Средствами поэтики (на пространственно-временном, мотивном, субъектно-объектном, речевом и других уровнях), обдуманном привлечением в художественную реальность физиологических и медицинских данных Чехов «оправдывает» свою героиню» [Зейферт 2021: 46]. В центре рассказа не умышленное лишение жизни человека, а «мертвый» сон героини (отсюда и заглавие произведения), обусловленный истощением физических и моральных сил.

О внимании Чехова к душевному состоянию человека свидетельствовал земский врач П. А. Архангельский, при котором Чехов работал в Воскресенской больнице в первый период своей врачебной деятельности. В воспоминаниях о Чехове он сказал: «Он (Чехов) не сделался врачом-практиком, но остался тонким диагностом душевных состояний человека...» [Соболев 1916: 140]. В контексте рассмотренного произведения поднимается вопрос о совершении преступления в состоянии аффекта. В современном законодательстве в соответствии с УК РФ убийство, совершенное в состоянии аффекта, предусматривает наказание по статье 107. Убийство, совершенное в состоянии аффекта. Противоправные действия в отношении виновного в совершении преступления (оскорбления, угрозы, побои и т. д.), производимые систематически (как в случае с героиней рассказа Чехова), провоцируют аффективное поведение. Исходя из описания Чехова, аффективное состояние героини можно квалифицировать как патологическое, характеризующееся временным полным помрачением сознания и неуправляемыми действиями. Патологический аффект исключает вменяемость и, соответственно, уголовную ответственность.

Тема смертной казни и пожизненного заключения как высших видов наказания станет главной в рассказе «Пари», опубликованном в 1888 году за два года до поездки Чехова на остров Сахалин. По мнению Чехова, «казнь убивает сразу, а пожизненное заключение медленно», «то и другое одинаково безнравственно..., потому что имеет одну и ту же цель – отнятие жизни». После добровольного заключения на 15 лет один из героев рассказа, юрист, приходит к выводу о том, что одиночество навсегда отделило его от «глупого» общества («я презираю и свободу, и жизнь, и здоровье, и все то, что в ваших книгах называется благами мира»).

Изучение вопроса о том, что происходит с преступником после вынесения приговора, Чехов продолжит на Сахалине. Большую часть произведений криминального сюжета автор написал до поездки на остров в 1890 году. Однако его интересовал каторжный быт и внутренний мир каторжан, Чеховым описаны Александровская, Дуйская, Корсаковская тюрьмы. Глава XXI книги очерков «Остров Сахалин» (1893 г.) включала в себя такие вопросы, как нравственность ссыльного населения, преступность, следствие и суд, наказания, розги и плети, смертная казнь. После возвращения 8 декабря 1890 года в Москву, Чехов продолжил работу над темами, связанными с криминальным сюжетом, судебной проблематикой, с категориями вины, преступления и наказания. Книга «Остров Сахалин» окончательно утвердила правовые взгляды писателя в отношении уголовно-исполнительной системы России того времени. Подтверждение этому находим в его следующих произведениях.

Действие рассказа «Убийство» (1895 г., журнал «Русская мысль», подпись «Антон Чехов») разворачивается на фоне размышлений автора о вере в Бога («Человек не может жить без веры, и вера должна выражаться правильно... Нужно жить, а значит и молиться так, как угодно Богу...»). Однако если человек теряет веру, то он теряет почву под ногами, попадает в круговорот событий, которым сложно противостоять. Яков Иваныч – один из главных героев рассказа «Убийство» – глубоко верующий человек, стремящийся во всем к «известному порядку». Но и он после долгих размышлений приходит к выводу о том, что «у этих людей тоже нет никакой веры и что это их нисколько не беспокоит, и жизнь стала казаться ему странно, безумно и беспросветно, как у собаки...». В повести «В овраге», опубликованной в 1900 году в журнале «Жизнь» с подписью «Антон Чехов», звучат схожие мысли. В разговоре с Варварой в ответ на ее слова о том, что у бога суд праведный, Анисим Цыбукин говорит: «Бог, может, и есть, а только веры нет», «все горе оттого, что совести мало в людях». И далее о себе: «... пока меня венчали, я все думал: есть бог! А как вышел из церкви – и ничего. Да и откуда мне знать, есть бог или нет?». За эти сомнения герои заплатят дорожную цену: Яков Иваныч станет соучастником убийства родного брата и отправится отбывать наказание на Сахалин, Анисим Цыбукин предпримет попытку обогащения за счет подделки денег, за что будет сослан на каторжные работы в Сибирь.

В рассказе «Убийство» Чеховым впервые описано совершение преступления группой лиц: Яковом и его сестрой Аглаей при двух свидетелях – Дашутке и Сергее Никанорыче. В уголовно-правовом аспекте современного законодательства убийство Матвея можно определить как особо тяжкое преступление по ст. 11 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» группой лиц и повлекшее смерть потерпевшего. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года разграничивало преступления и проступки на 2 степени: совершенные с «заранее обдуманным намерением и умыслом» (1 степень) и «с намерением, но по внезапному побуждению без предумышления» (2 степень) [Уложение 1845, отд. 1, п. 6]. Понятие об умысле, приготовлении к преступлению в Уложении освещено во 2 отделении п. 8-12, о совершении преступления несколькими лицами – в 3 отделении п. 13-17. По Уложению 1845 года убийство Матвея можно рассматривать как преступление 2 степени.

В данном рассказе Чехов утвердил неотвратимость наказания: всех четверых арестовали и посадили в острог. Суд состоялся через 11 месяцев, по решению которого «все четверо были признаны виновными в убийстве с корыстной целью».

Яков Иванович был приговорен к каторжным работам на двадцать лет, Аглая – на тринадцать с половиной, Сергей Никанорыч – на десять, Дашутка – на шесть». В рассказе упоминается Воеводская тюрьма на Сахалине, «самая неприглядная и суровая из всех сахалинских тюрем». На примере судьбы Якова Ивановича писатель показывает изнутри уголовно-исправительную систему того времени: за побег присудили бессрочную каторгу, дали 40 плетей, два раза наказывали розгами за то, что у героя украли арестантскую одежду. Арестанток, в их числе оказалась и Дашутка, размещали к поселенцам на сожительство. Не вызывает сомнения отражение впечатлений Чехова от поездки на остров Сахалин в рассказе «Убийство». Материал, собранный им в одноименной книге, помог писателю открыть новые грани тем преступления и наказания, усложнить проблематику криминального сюжета и утвердить его взгляды на отечественную правовую систему как писателя-гуманиста.

Особое значение в контексте всего произведения получает его заглавие – «Убийство». Несмотря на то, что большая часть текста посвящена вопросам религии, центральным событием становится лишение жизни человека другими лицами. В словаре Даля существительное «убийство» находится в гнезде многозначного глагола «убивать», который произошел от праславянского «бити»; означает «убиение человека, смертоубийство, умерщвление, лишение кого жизни, как преступление» [Даль 1991, Т. 4: 457]. По верному наблюдению одного из исследователей творчества Чехова, «в рассказах «Убийство» и «В овраге» писатель пытается ответить на вопрос: когда, в какой момент в человеке, решившимся на убийство, наступает духовный надлом и обесценивается чужая жизнь. И не важно, верующий человек или безбожник – он в любом случае нарушает не только светский, но и нравственный закон» [Яшин 2017: 170]. Этот вопрос и составляет основную проблематику данных произведений. Для верующего человека убийство – грех вдвойне, нарушение шестой заповеди Бога.

В повести «В овраге» описано жестокое убийство маленького ребенка Аксиньей по причине ненависти к Липе, его матери. Виновница остается без наказания. Данная ситуация, на наш взгляд, также может быть соотнесена со ст. 111 УК РФ, как в рассказе «Убийство», однако с уточнением «в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего». В части лингвистических особенностей повести отметим развернутые портретные характеристики героев, их диалоги преимущественно разговорного стиля речи, описания природы с использованием различных художественных средств. Развязка повести основана на антитезе «жизнь-смерть» (крик выпи, кукушки, кваканье лягушек: «...все эти твари кричали и пели нарочно...» – и мертвый ребенок в руках Липы). По-чеховски тонко и трагично звучит фраза о том, что «жизнь дается только один раз!». Символика заглавия данного произведения несколько иная, чем в рассказе «Убийство». Заглавие «В овраге» метафорично, оно обозначает жестокость людей, жадность, обогащение за счет других, разложение крестьянской жизни, стремление к наживе, которое разрушает человеческие отношения. Овраг символизирует пропасть, в которой царит зло и беззаконие.

В рассказе «Убийство» Чехов, опираясь на криминальный сюжет, показал, что цена настоящей веры может быть слишком высока: Якову «...было непонятно только одно, почему жребий людей так различен, почему эта простая вера, которую другие получают от Бога даром вместе с жизнью, досталась ему так дорого», «...и хотелось жить, вернуться домой, рассказать там про свою новую веру и спасти от гибели хотя бы одного человека и прожить без страданий хотя бы один день». Повесть «В овраге» провозглашает торжество правды и христианское понимание Божьего правосудия: «И как ни велико зло, всё же ночь тиха и прекрасна, и всё же в божьем мире правда есть и будет, такая же тихая и прекрасная, и всё на земле только ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью». Оба произведения объединяют не только вопросы веры, но и острая социальная проблематика: имущественное неравенство жителей деревни, повсеместные обман и эксплуатация.

Таким образом, в произведениях Чехова, в основе которых лежит криминальный сюжет и описание судебной системы России, представлена правовая картина мира конца XIX – начала XX века и ее индивидуальное восприятие автором. Она включает в себя все отрасли права: уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного. Автор мастерски изображает разные стороны преступной деятельности, начиная от возникновения мотива преступления, в отдельных случаях описывая само преступление, состояние героев после совершения ими различных преступлений, судебный процесс над преступником и нахождение его в заключении. Так выстраивается некая общая сюжетная линия криминальной хроники Чехова.

Практически во всех рассмотренных выше произведениях преступление заключается в убийстве человека. Как следствие этого мотив смерти становится ведущим. Исследователи отмечают, что «в рассказах, содержащих танатологический мотив, отсутствует юмористический тон, традиционно используемый Чеховым для снижения пафоса повествования и смягчения драматизма своих произведений», его цель – «довести драматизм до кульминации» [Яковлева 2017: 264]. Человеческая жизнь (собственная или чужая) для чеховских героев теряет ценность. Именно поэтому так легко совершаются убийства или самоубийства, изображаемые автором. Писатель утверждает, что одной из главных причин совершения преступлений, в частности лишения жизни человека, является равнодушие со стороны окружающих.

Лингвистические особенности криминальных и судебных произведений Чехова выражены в символике заглавий («Убийство», «В овраге»), говорящих именах героев и детализации их портретных характеристик («Случай из судебной практики», «Шведская спичка»), юридической терминологии («Случай...», «Шведская спичка», «Драма на охоте», «В суде»), судебно-медицинской терминологии («Драма...»), включении в текст слов-терминов и крылатых фраз на латинском языке («Шведская спичка», «Драма...»), диалогизации повествования («Верб»), экспрессивной и грубо-просторечной лексике, художественных средствах выразительности (эпитеты, метафоры, гиперболы, олицетворения, умолчание, ирония), прямой речи (все рассмотренные выше тексты), религиозной лексике («Убийство»), риторических вопросах и обращениях («Случай...», «Верб»), приеме нарративного настоящего («Верб», «Драма...», «В суде», «Спать хочется»), синтаксических конструкциях – простых неполных предложениях («Случай...», «Верб», «В суде») и сложных распространенных предложениях («Шведская спичка», «Драма...», «Убийство», «В овраге»).

Стойкий интерес к темам судебной системы, законодательства, вопросам уголовного права сохранится у Чехова до конца жизни (рассказы «Вор», «Мертвое тело», «Следователь», «Бабы», «Мужики» и др.). Используя разнообразные художественные средства и лингвистические приемы, писатель в полной мере изобразил мир, в котором зарождается идея преступления и осуществляются действия, связанные с его совершением. Несмотря на изменения нормативной базы, произошедшие за период последних двух столетий, проблематика произведений Чехова остается актуальной в настоящее время.

Литература

- Алехина И. В. Автор в нарративной структуре «Драмы на охоте» А. П. Чехова / Вестник Брянского государственного университета: История и политология. Право. Литературоведение. Языкознание. – 2013. – №2. – С. 168-172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtor-v-narrativnoy-strukture-dramy-na-ohote-a-p-chehova/viewer>
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991. – Т. 4.
- Зейферт Е. И. «Спать хочется» А. П. Чехова: поэтика, «оправдывающая» Варьку / Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2021. – №3. – С. 42-52.
- Кибальник С. А. Чехов «за» и «против» Достоевского («Драма на охоте» как роман-пародия) / Новый филологический вестник. – 2015. – №1(32). – С. 18-31.
- «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. От 07.06.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
- Маслов А. Третья профессия Антоши Чехонте / Милиция. – 1993. – № 1. – С. 38-40.
- Нестеренко К. В. Особенности репрезентации концепта «преступление» в рассказах А. П. Чехова / Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 27 ноября 2015 года) / Гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2015. – С. 182-187.
- Семенова Н. В. Анализ рассказов Чехова «Спать хочется» и «Анна на шее». Тверь, 2020.
- Соболев Ю. Антон Чехов. Неизданные страницы. М., 1916. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/1077/pages/1>
- Труайя А. Антон Чехов. Глава V. Журналистика и медицина. URL: <https://a-chehov.ru/publikacii/truaya-anton-chehov/p5?ysclid=mbxlukd38e92700586>
- «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mb7w5udzlq132034968
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб, 1845. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_002889696?page=1&rotate=0&theme=white
- Яковлева Ю. М. Танатологический мотив в рассказах А. П. Чехова / Молодежь в науке: Новые аргументы: сборник научных работ VII Международного молодежного конкурса (Россия, г. Липецк, 27 октября 2017 г.). Часть III / Отв. ред. А. В. Горбенко. Липецк, 2017. – С. 260-264.
- Яшин А. Н. Тема преступления, наказания и правосудия в воззрении и творчестве А. П. Чехова / Тенденции и перспективы решения проблем государства и права: сборник статей Международной научно-практической конференции (16 сентября 2017 г., г. Омск). Уфа, 2017. – С. 168-171.

References

- Alyokhina, I. V. (2013). The author in the narrative structure of A. P. Chekhov's «Drama on the Hunt». The Bryansk State University Herald. History and Politology. Law. Science of Literature. Linguistics, 2, 168-172. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtor-v-narrativnoy-strukture-dramy-na-ohote-a-p-chehova/viewer> (in Russian).
- Dal, V. (1991). Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Moscow. Vol. 4. (in Russian).
- Seifert, E. I. (2021). "I'm sleepy" by A. P. Chekhov: poetics that "justifies" Yarka. VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya", 3, 42-52 (in Russian).
- Kibalnik, S. A. (2015). Chekhov "for" and "against" Dostoevsky ("Drama on the Hunt" as a parody novel). The New Philological Bulletin, 1(32), 18-31 (in Russian).
- The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 06/07/2025). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (in Russian).
- Maslov, A. (1993). The third profession of Antosha Chekhonte. Police, 1, 38-40 (in Russian).
- Nesterenko, K. V. (2015). The peculiarities of the representation of the concept of "crime" in the stories of A. P. Chekhov. Political linguistics: problems, methodology, aspects of research and prospects for the development of the scientific field. Proceedings of the International Scientific Conference (Yekaterinburg, November 27, 2015). Pp. 182-187. A. P. Chudinov (Ed.). Yekaterinburg (in Russian).
- Semenova, N. V. (2020). Analysis of Chekhov's short stories "I'm sleepy" and "Anna on my Neck". Tver (in Russian).
- Sobolev, Yu. (1916). Anton Chekhov. Unreleased pages. Moscow. Available from: <https://electro.nekrasovka.ru/books/1077/pages/1> (in Russian).
- Troye, Eh. Anton Chekhov. Chapter V. Journalism and medicine. Available from: <https://a-chehov.ru/publikacii/truaya-anton-chehov/p5?ysclid=mbxlukd38e92700586> (in Russian).
- The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 04/21/2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 05/02/2025). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mb7w5udzlq132034968 (in Russian).

Code of Criminal and Correctional Punishments. (1845). Saint-Petersburg. Available from:

https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_002889696?page=1&rotate=0&theme=white (in Russian).

Yakovleva, Yu. M. (2017). The thanatological motif in the stories of A. P. Chekhov. Youth in science: New arguments. Collection of scientific papers of the VII International Youth Competition (Russia, Lipetsk, October 27, 2017). A. V. Gorbenko (Ed.). Lipetsk, 260-264 (in Russian).

Yashin, A. N. (2017). The theme of crime, punishment and justice in the view and work of A. P. Chekhov. Trends and prospects of solving problems of the state and law. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (September 16, 2017, Omsk). Ufa, 168-171 (in Russian).

Citation:

Кузнецова И. С. Криминальный сюжет и судебная риторика в произведениях А. П. Чехова: соотношение лингвистических особенностей художественного текста и уголовно-правового аспекта // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 108-115.

Kuznetsova I. S. (2025) Criminal Plot and Judicial Rhetoric in the Works of A. P. Chekhov: The Relationship between Linguistic Features of a Literary Text and the Criminal Law Aspect. Legal Linguistics, 37, 108-115.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Уголовно-исполнительная деятельность как фактор риска деформаций речевой коммуникации

К. Х. Рахимбердин

*Восточно-Казахстанский университет им. Сарсена Аманжолова
ул. Казахстан, 55, 070004, Усть-Каменогорск, Казахстан. E-mail: matai71@mail.ru*

Статья посвящена исследованию социокультурных, лингвистических проблем чистоты речевой коммуникации в сфере уголовно-исполнительной деятельности. Ориентация данной деятельности на создание условий, необходимых для социальной реинтеграции осужденных, предусматривает решающую роль речевой коммуникации сотрудников органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, и осужденных. Поскольку слова имеют образы и смыслы, их использование отражает не только уровень мышления, но и ценностное отношение человека к окружающему миру, столь значимое в процессе исправления осужденных. В связи с этим в исследовании рассматриваются такие источники опасности деформаций речевой коммуникации, как криминальный сленг (жаргон) и бюрократический канцелярит, нередко используемый как в официальных документах органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, так и в разговорной речи их персонала. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы и приемы (диалектический, описание и др.), а также методы структурно-семантического анализа, сравнительно-правовой и историко-правовой методы. Источниками языкового материала стали научные труды в области филологии и юриспруденции, публикации в научных и периодических изданиях по историко-правовой тематике. Исследование опирается на негативный социокультурный опыт ГУЛАГа, сосредоточение в котором в 30-50-е годы XX века значительного числа заключенных и последующее массовое освобождение лиц, усвоивших криминальные традиции, без надлежащей их ресоциализации, повлияли на широкое распространение криминальной субкультуры в социуме, нашедшей отражение в массовом использовании уголовного жаргона. Обращено внимание на то, что данный жаргон и в настоящее время генерируется средой осужденных и транслируется в общество. Наряду с этим крайне нежелательным явлением выступает бюрократический канцелярит в речевой коммуникации структур уголовно-исполнительной системы, отражающий функционально-инструментальный, обезличенный подход к человеку, проявляющийся, например, в таких словах, как «трудоиспользование», «трудозанятость» осужденных. Сделаны выводы о необходимости обеспечения чистоты речевой коммуникации в уголовно-исполнительной деятельности.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная деятельность, жаргонизмы, ГУЛАГ, бюрократический канцелярит, осужденный.

Penal Enforcement as a Risk Factor for Deformations in Speech Communication

K. Kh. Rakhimberdin

*Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University
55 Kazakhstan St., 070004, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan. E-mail: matai71@mail.ru*

The article explores the sociocultural and linguistic aspects related to the issue of purity in speech communication within the sphere of penal enforcement. This activity is oriented toward creating the necessary conditions for the social reintegration of convicts, where speech communication between staff of penal enforcement bodies and institutions and the convicts themselves plays a decisive role. Since words carry images and meanings, their use reflects not only the level of thinking but also a person's value-based attitude toward the surrounding world, which is highly significant in the process of rehabilitating convicts. In this regard, the study examines such sources of risk for speech communication deformations as criminal slang (jargon) and bureaucratic officialese, often used both in official documents of penal enforcement institutions and in the informal speech of their personnel.

The methodological basis of the study includes general scientific methods (dialectical, descriptive, etc.), as well as structural-semantic analysis, comparative legal, and historical-legal methods. The language material was drawn from scholarly works in philology and jurisprudence, as well as publications in academic and periodical literature on historical and legal topics. The research builds on the negative sociocultural experience of the GULAG, where the concentration of a large number of prisoners in the 1930s–1950s and their subsequent mass release—without proper resocialization—contributed to the widespread dissemination of criminal subculture

in society, reflected in the mass use of criminal jargon. Attention is drawn to the fact that this jargon is still generated within the convict environment and transmitted to society.

At the same time, bureaucratic officialese in the speech communication of penal enforcement agencies is an extremely undesirable phenomenon, reflecting a functional-instrumental, depersonalized approach to individuals manifested, for example, in terms such as "labor utilization" and "labor employment" of convicts. The study conclusion emphasizes the need to ensure the purity of speech communication in penal enforcement.

Key words: penal enforcement, jargon, GULAG, bureaucratic officialese, convict.

Юристы и филологи уделяют большое внимание проблеме ясности и чистоты речи. Представляется несомненным, что эффективность речевой коммуникации во многом связана как с логичностью и убедительностью речи, так и с ее чистотой и образностью. Чистота речи означает, прежде всего, отсутствие ее засорения жаргоном, выступающим проявлением выражения криминальной субкультуры, «словами-паразитами», канцелярско-бюрократическими штампами. Это имеет непосредственное отношение и к речевой коммуникации, складывающейся в сфере уголовно-исполнительной деятельности. Данная коммуникация осуществляется между персоналом органов и учреждений, исполняющих наказание, и осужденными, среди самих осужденных, а также при взаимодействии сотрудников уголовно-исполнительной системы. Следует отметить, что сама уголовно-исполнительная деятельность таит в себе огромные риски деформаций речевой коммуникации. Подобная деформация, в свою очередь, может самым негативным образом сказываться на процессах социальной реинтеграции осужденных, на их взаимоотношениях с внешним миром, на жизнедеятельности сотрудников пенитенциарных учреждений. Известно, что речь выполняет информационную и коммуникативную функцию. Она обладает выраженным организующим началом, выступая важнейшей предпосылкой осуществления воспитательного, предупредительного, ресоциализирующего воздействия на осужденных.

Одним из серьезных факторов риска для эффективности данной деятельности выступает жаргон, или криминальный сленг. Его широкая распространенность в современном обществе, далеко вышедшая за рамки пенитенциарных учреждений и затронувшая почти все группы современного социума, была не в последнюю очередь связана с феноменом ГУЛАГа и практикой массового применения наказания в виде лишения свободы. Но и в современных условиях среда осужденных продолжает генерировать этот жаргон, который впитывается и другими лицами, так или иначе с этой средой соприкасающимися. Необходимо отметить, что криминальный «арго» выступает составной частью тюремной субкультуры, являясь своего рода ее внешним, языковым выражением. Проблематику тюремной субкультуры, ее генезиса и структуры исследовали различные авторы, среди которых Ю. М. Антонян [Антонян 1994: 120], А. И. Гуров [Гуров 1990: 205], И. И. Карпец [Карпец 1969: 77], В. Н. Кудрявцев [Кудрявцев 2007: 27], Г. Ф. Хохряков [Хохряков 1991: 19] и другие исследователи. Криминальный «арго» выступает неотъемлемой частью тюремной субкультуры и одним из ее атрибутивных элементов, проблематика которых рассматривается в диссертационном исследовании В. А. Анфиногенова [Анфиногенов 2016: 24]. Непосредственно криминологические аспекты тюремного жаргона анализируются в диссертационной работе В. В. Тулегенова [Тулегенов 2003: 26], исходящего из понимания непосредственной связи данного явления с криминальной субкультурой.

Филологической наукой доказано, что образы слов и их внутренние смыслы тесно связаны с мышлением человека, его сознанием и способствуют формированию и закреплению определенных установок, стереотипов поведения. Как пишет С. А. Диканбаева, тюремно-лагерный жаргон активизировался в течение десятилетий в речи заключенных из разных социальных слоев, вынужденных существовать совместно с уголовными преступниками в условиях ГУЛАГа [Диканбаева 2018: 164]. Учитывая то обстоятельство, что исторически среди заключенных ГУЛАГа были не только представители криминальной среды, но и рабочие, крестьяне, интеллигенты, партийные и советские работники, мелкобуржуазные слои, они нередко бессознательно воспринимали криминальный жаргон как составную часть повседневного быта лагерей. В период с 1953 по 1956 год, когда массовое освобождение заключенных из ГУЛАГа напоминало «прорыв плотины», криминальный жаргон широко проник в современное общество и на таком бессознательном уровне стал восприниматься многими гражданами. Сила и влияние гулаговской традиции привели к тому, что этот жаргон оказался воспринятым и постсоветским обществом, в том числе и в Казахстане. Например, он активно используется молодежью. Однако даже публичные политики, известные бизнесмены нередко практикуют речевые обороты с уголовным жаргоном. Так, например, судья Лондонского королевского суда долго не мог понять, о каких «крышах» толкуют ему участники процесса – российские олигархи Б. Березовский и Р. Абрамович. А слова «кинуть», «лаве», «бабки» нередко присутствуют в деловом сленге современных бизнесменов. Очевидно, что абсолютное большинство наших современников, использующих уголовное арго, даже не задумываются о его природе и содержании. Они ведомы лишь представителям преступного мира и компетентным специалистам. Однако от этого уголовный жаргон не становится менее опасным. Он растлевает духовную культуру народа, обедняет и примитивизирует мышление, символически соединяя говорящего с уголовной, преступной средой. Как отмечалось нами ранее, криминальный сленг отражает глубину и устойчивость проникновения гулаговской субкультуры в современное общественное сознание. Одновременно он выступает языковым средством криминализации социума и усвоения преступных квазинорм и ценностей. Представляет существенный интерес справочник по ГУЛАГу, подготовленный Жаком Росси – польско-французским политологом и лингвистом, который был заключенным ГУЛАГа в течение 19 лет [Росси 1991: 376]. Как указывал автор, им использовались материалы правительственных постановлений и решений, опросы заключенных, речевые факты, собранные в период с 1937 по 1961 год в пенитенциарных учреждениях и в ссылке на территории республик Средней Азии. Ж. Росси, проводя свое исследование, сделал вывод о том, что из всех концлагерных систем этого века советский ГУЛАГ был наиболее долговечным, просуществовав 73 года. Однако ГУЛАГ никуда не исчез. Он просто ушел в тень, и одним из показателей его живучести является массовое употребление криминального жаргона. По убийственному

выражению Виктора Гюго, это говор «более близкий к лаю, чем к речи». Уголовное аргю, по мысли Ж. Росси, представляет собой вторичный факт языка, распространению которого способствовало создание огромной сети тюрем и лагерей на территории бывшего СССР. Однако, наряду с уголовным жаргоном, возник и специфически канцелярский, гулаговский, бюрократический язык. Например, на этом языке сущность карательной политики государства раскрывалась как «превращение наиболее скверного людского материала в полноценных активных сознательных строителей социализма» [Авербах 1989: 7]. В этой фразе коробит словосочетание «людской материал». В документах 30-х годов прошлого века использовалась формулировка «бывшие люди», нередко она присутствовала в материалах за подписью наркома внутренних дел Н. И. Ежова, направлявшихся И. В. Сталину. На гулаговском – канцелярском языке «бывшие люди» означали осужденных, принадлежащих к духовенству или к так называемым эксплуататорским классам досоветской России и Казахстана (бывшие дворяне, баи, бии, чиновники, предприниматели и т. п.). До сих пор в ведомственной стилистике используются такие канцеляриты уголовно-исполнительной системы, как «твердо стал на путь исправления», «трудоиспользование» и т. п. По поводу «трудоиспользования» известный исследователь В. А. Уткин справедливо заметил, что в нем просматривается сложившийся еще со времен ГУЛАГа инструментально-функциональный подход к осужденным, когда последние рассматривались преимущественно как средство решения масштабных народно-хозяйственных задач. Такая позиция, помимо прочего, деформирует профессиональное сознание сотрудников уголовно-исполнительной системы, препятствует достижению цели исправления [Уткин 2018: 183]. Негативное влияние канцелярита в уголовно-исполнительной деятельности нельзя недооценивать, поскольку оно данную деятельность дегуманизирует, подрывает ее ценностные основы. В связи с этим заслуживает особого упоминания фундаментальная работа исследователя А. Н. Олейника [Олейник 2001: 418], создавшего целую концепцию разрушительного влияния ГУЛАГа на советское и постсоветское общество. Социолог А. Н. Олейник провел капитальное исследование образа жизни, ценностных ориентаций, особенностей поведения и направленности личности осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях Франции, России и Казахстана. Опыт общения с конкретными людьми – заключенными и сотрудниками пенитенциарных учреждений – позволил ему сделать вывод о существовании малого тюремного сообщества со своей социальной стратификацией и субкультурой, настолько влияющей на «большое» сообщество, что оно способно в своей духовной и социальной жизни воспроизводить и сохранять черты малого тюремного сообщества. Следует согласиться с этим тезисом ученого, поскольку в социальной реальности в нашей стране с ее расслоением общества, несправедливостью в распределении национальных богатств, пренебрежением к народу, коррупцией и произволом ряда представителей политической элиты словно угадываются черты малого тюремного сообщества, формировавшегося в условиях ГУЛАГа. А. Н. Олейник в своем исследовании приводит поразительное высказывание ранее упомянутого Жака Росси о том, что «если мы сравним криминальное аргю 30-50-х годов, то окажется, что до 30 % арготических слов и выражений сохранилось в повседневном русском языке, оказывая таким образом воздействие на наше восприятие окружающего мира» [Олейник 2001: 5]. Если вдуматься, то это страшная цифра, означающая проникновение криминальной, гулаговской субкультуры в языковую среду общества и оказание разрушительного влияния на его мышление, ментальность, систему ценностных ориентаций. Поэтому преодоление наследия ГУЛАГа необходимо для сохранения духовного здоровья народа, для безопасности нравственных основ его жизнедеятельности.

Подводя итог изложенному, нельзя не отметить, что преодоление рисков деформаций речевой коммуникации при осуществлении уголовно-исполнительной деятельности тесно связано с искоренением разрушительного влияния криминального сленга. Одновременно это связано и с превенцией других угроз речи, обусловленных, например, аргю, который используется в среде религиозных экстремистов ваххабитского толка. Противостояние этим рискам в сфере речевой коммуникации будет способствовать не только более успешной социальной реинтеграции осужденных, но и уменьшению рисков профессиональных деформаций личности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Литература

- Авербах И. От преступления к труду / Новый мир. - 1989. - № 8. - С. 7-18.
Антонян Ю. М. Преступная жестокость. М., 1994.
Анфиногенов В. А. Субкультура осужденных и её влияние на их поведение в условиях изоляции: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Саратов, 2016.
Диканбаева С. А. Политический дискурс советского общества периода ГУЛАГа / Актуальные проблемы современности. - 2018. - № 1 (19). - С. 164-176.
Карпец И. И. Проблема преступности. М., 1969.
Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 2007.
Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М., 2001.
Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В двух частях. Издание 2-е, дополненное. М., 1991.
Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2003.
Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск, 2018.
Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. Проблемы, дискуссии, предложения. М., 1991.

References

- Averbakh, I. (1989). From Crime to Labor. Novy Mir, 8, 7–18 (in Russian).
Antonian, Yu. M. (1994). Criminal Cruelty. Moscow (in Russian).

-
- Anfinogenov, V. A. (2016). The Subculture of Convicts and Its Influence on Their Behavior in Conditions of Isolation: Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.08. Saratov (in Russian).
- Dikanbayeva, S. A. (2018). The Political Discourse of Soviet Society during the GULAG Period. *Current Issues of Modernity*, 1 (19), 164–176 (in Russian).
- Karpets, I. I. (1969). *The Problem of Crime*. Moscow (in Russian).
- Kudryavtsev, V. N. (2007). *Causality in Criminology*. Moscow (in Russian).
- Oleynik, A. N. (2001). *Prison Subculture in Russia: From Everyday Life to State Power*. Moscow (in Russian).
- Rossi, J. (1991). Reference Book on the GULAG. In two parts. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow (in Russian).
- Tulegenov, V. V. (2003). Criminal Subculture and Its Criminological Significance: Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.08. Rostov-on-Don (in Russian).
- Utkin, V. A. (2018). *Problems of the Theory of Criminal Punishments: Course of Lectures*. Tomsk (in Russian).
- Khokhryakov, G. F. (1991). *Paradoxes of Prison: Problems, Discussions, Proposals*. Moscow (in Russian).
-

Citation:

Рахимбердин К. Х. Уголовно-исполнительная деятельность как фактор риска деформаций речевой коммуникации // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 116-119.

Rakhimberdin K. Kh. (2025) Penal Enforcement as a Risk Factor for Deformations in Speech Communication. *Legal Linguistics*, 37, 116-119.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 26.09.2025 г.

Дата публикации издания 01.10.2025 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2025